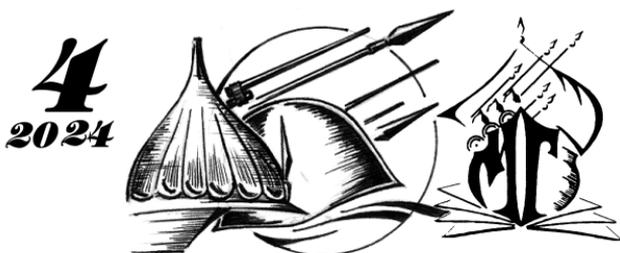

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий КИРИЛЛОВ. Старая «песня» на новый лад	3
Лев ГОРЕЛИКОВ. Необходимость русской идеологии	8
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Не повторить прежних ошибок	36
Галина ХМЕЛЕВСКАЯ. На развилке дорог истории	58
Сергей МИХЕЕНКОВ. Гуманитарный конвой	112

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Этот год. Стихи	13
Татьяна ГРИБАНОВА. Четыре часа электричкой! Стихи	69
Владимир СКИФ. Отцовский дом. Стихи	74
Вячеслав ДЕВЯТКОВ. Свеча горит... Стихи	123
Евгений ХАРИТОНОВ. На границе войны. Стихи	128
Стихи поэтов России	283

ПРОЗА

Ольга ПРИЛУЦКАЯ. Невидимый друг. Рассказ	21
Геннадий КАРПУНИН. Чемпион. Рассказ	79
Вадим НАГОВИЦЫН. Собаки. Рассказ	99
Василий ВОРОНОВ. Фрося. Рассказ	132
Сергей ПЫЛЁВ. Свой—чужой. Рассказ	145

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел БОЯНКОВ. «Найдет ли веру на Земле?»	151
Лина МКРТЧЯН. Лабиринт Клоаины	153
Максим ВОРОБЬЁВ. Когда «бог в душе»	157

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Сионизм и фашизм. Корни родства ...	163
---	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Федор ПАПАЯНИ. Русские	177
Евгений ЕВТУШЕНКО. О кризисе русского общества	184
Вячеслав ДЕВЯТКОВ. Человек рождается из Слова	188

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Великий перелом	193
Вячеслав МАКАРЦЕВ. О православном социализме	204

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Алексей ИВАНОВ. Донбасс — не прачечная	211
Борис АЛОВ. Хакамада и власть	219

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Александр ГАПОНЕНКО. Инструмент ментального разложения	222
Ростислав ИЩЕНКО. Пикирующая нация	225
Анатолий СТЕПАНОВ. Результат отсутствия идеологии ...	230
Владимир ВАСИЛИК. Для победы нужна новая Конституция!	233
Филипп ЛЕБЕДЬ. После сдачи Карабаха	234
Игорь РОМАНОВ. Кто идет к власти в России?	240

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	244
---	-----

ИСКУССТВО

Михаил КОВАЛЁВ. Зачем и кто навязывает Малевича	253
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена СОМОВА. Читая судьбы и стихи	273
--	-----

СТАРАЯ «ПЕСНЯ» НА НОВЫЙ ЛАД

После заявлений президента Владимира Путина о важности патриотизма, традиционных ценностей, умеренного консерватизма притихли было на время поборники западного гражданского общества, насаждавшегося либералами в России со времен Бориса Ельцина. Но недолго они отмалчивались, кажется, найдя-таки, как усовершенствовать это «общество».

Теперь, надо понимать, в устах ряда политологов закрепляется выражение «патриотическое гражданское общество». Именно оно неоднократно звучало 25 января с.г. в популярной вечерней передаче Артема Шейнина «Время покажет». Особый упор делался на то, что «ценности» «патриотического гражданского общества», собственно, и есть идеология современной России. Таким образом после того, как развеялись чудесные сказки о таких «общечеловеческих ценностях», как «толерантность», «свобода слова», «права человека» и «демократия», главная сказка остается жить, являясь идеологическим обоснованием для растворения нашей традиционной цивилизации в кислотной среде чуждых Русскому миру, но угодных мировому глобализму «ценностей».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Для пушей ясности придется вкратце напомнить, как оценивали западноевропейское гражданское общество просвещенные умы, занимавшиеся его исследованием.

Тегель в своем философском наследии изображал гражданское общество как «войну всех против всех». В этом обществе, по его мнению, каждый свободный человек — для себя цель, а другие для него — ничто. Он особо подчеркивал, что даже при своем богатстве такое общество не в состоянии одолеть чрезмерную бедность. Сделать это способно лишь государство. То самое государство, роль которого либерализм всячески преуменьшает, утверждая доминирующую роль рынка — «рынок сам всё расставит». Как он «всё расставил», видно, например, по углубляющейся «демографической» яме, а также по катастрофическому положению в ЖКХ и в местной энергетике, особо проявившемуся прошедшей суровой зимой. Впрочем, и других убедительных свидетельств предостаточно: деградация, вследствие перехода на коммерческие рельсы западного гражданского общества, русской культуры, средств массовой информации, образования, медицины, варваризация нравов, массовая коррупция и т.д.

По Карлу Марксу, в гражданском обществе человек имеет для себя и для других значение индивида. Маркс подчеркивал, что это общество постоянно рождает торгаша-потребителя, и реальной властью в нём обладает «ревнивый бог Израиля» — деньги, «перед лицом которого не должно быть никакого другого бога». Отсюда вопрос к рьяным пропагандистам «патриотического гражданского общества»: «Где вы, господа, видели, чтобы потребитель-индивид выражал коллективную волю и был бескорыстным патриотом Отечества?» Да объяви его хоть тысячу раз таковым, сущность его ничуть не изменится.

Гражданское общество консервирует вопиющую российскую социальную несправедливость, не давая гражданам надежды на то, что положение изменится в лучшую сторону. Я уж не говорю о баснословных выплатах в банках, в корпорациях, о «золотых парашютах». Но когда, скажем, региональные министры и их заместители по итогам года получают премии по миллиону рублей и более, да еще при зарплате, в 10—15 раз превышающей зарплату сельского учителя, это что? По-моему, это не просто аморально, но и вызов рядовым гражданам. Вы там, живите, как хотите, ибо денег для вас нет, а мы продолжим жить всласть. И ведь при этом региональными «парашютистами», ряды которых наводнены странными пришельцами из столицы, произносятся речи о патриотизме, сохранении традиций, социальном государстве.

Исследователь гражданского и российского традиционно-го общества, философ, социолог, доктор химических наук, профессор Сергей Георгиевич Кара-Мурза справедливо отмечал, что традиционное общество всегда опиралось (в том числе на выборах) на коллективное (общинное, артельное) мнение. С другой стороны, в западническом гражданском обществе политические выборы есть некая игра, шоу, торги на бирже, где партии «продают свои программы» и получают «плату» в виде голосов граждан (выборного электората). При этом явка граждан на избирательные участки не имеет особого значения (поэтому ее порог российские либералы и отменили).

Однако вовсе не является секретом за семью печатями, что существует и не афишируемый потаенный механизм продажи депутатских мандатов, должностей без «торгов», а, можно сказать, напрямую. Естественно, без учета интересов и пожеланий граждан, а ради партийно-политической целесообразности или в денежных интересах коррупционных кланов, вышестоящих начальников (губернаторов, министров и т.д.). Внедрение по американскому образцу электронного голосования лишь усугубляет ситуацию, усиливая недоверие народа к «честным и прозрачным выборам».

Кроме того, в праве русского (российского) традиционно-го общества первостепенную роль традиционно играла опора на общую этику. В отличие от гражданского общества, где на первый план выходит «этика» информационной манипуляции сознанием, чем, на мой взгляд, и занимаются под прикрытием патриотических лозунгов пропагандисты непонятного народу гражданского общества.

В самом деле, народ путается в догадках. Президент говорит о важности сохранения традиций, то есть традиционного образа жизни, который возможен лишь в традиционном обществе, а с телеэкрана нам назойливо жужжат в уши: «гражданское общество», «наше гражданское общество». Чье «наше», господа? Уж вы народ по себе-то не меряйте.

Ну никак не хотят они и стоящий за ними космополитический олигархат, чтобы русские и представители других коренных народов России жили по коллективистской этике, в социально справедливом государстве, в соответствии с исконными традициями. Но, подчеркнем, именно советское традиционное общество, унаследовав народный коллективизм предыдущих поколений, особенность русского человека сплачиваться перед лицом угрожающих стране опасностей, разгромило Гитлера и его сателлитов.

Вполне разделяю мысли Михаила Енотова (статья в газете «Завтра» «Эсхатология русского слова»):

«...Либерализм — фактически не политическое, но анти-политическое учение: идеальная терминальная для либерализма форма существования — гражданское общество, где уже не существует ни государства, ни наций, а экономика полностью заменяет политику, то есть наступает тотальный триумф рынка, «глобальная Уолл-стрит». Искусству в таком мире места нет: мифы, символы и образы, которыми оно дышит, умирают в изотропном вакууме либерализма, затвердевая в казуальности «атомарных фактов». Действительно, что может быть более чуждым творчеству, нежели всеохватная диктатура рынка и торгашества?

Гражданское общество потребления, частного рыночного интереса, в отличие от традиционного общества, ослабляет государственные скрепы, духовно обезоруживает Россию перед лицом нарастающих со стороны Запада опасностей. Зараженное бациллами растления, цинизма, оно отучает нас страдать, приучая воспринимать жестокость, обман, подлость, корысть, социальную пропасть между «элитой» и народом как естественное, нормальное состояние российской жизни.

Причем, что характерно, пропагандисты гражданского общества пытаются привязать его не только к патриотизму, но и к... православию. Вспоминается, как в одной из передач «До самой сути» на «Спасе» ведущая призвала к объединению усилий «светского гражданского общества» и «церковного гражданского общества». Поинтересовался я у знакомого богослова, что такое «церковное гражданское общество». «Абсурд, — вынес он заключение. — Неужели дама не понимает, что гражданское общество предназначено для разрушения традиционного общества и православия изнутри?»

Не удивлюсь, если скоро появится выражение «умеренный консерватизм гражданского общества» или еще что-то в этом роде. Ведь чужое, разрушительно для русского традиционного образа жизни, оно искусно прячется в оболочку полезного, здорового. Например, с чего бы это отдельные представители пара-масонского клуба «Ротари», штаб-квартира которого находится в США, становятся участниками патриотических мероприятий, где речь идет о сохранении русских традиций? Команда им поступила, что ли? Но не забылось, как в начале 2000-х годов в центре Твери появился транспарант: «100 лет клубу «Ротари». Спрашиваю у знакомого чиновника из городской администрации: «А ты знаешь, что в этой организации состоял директор ЦРУ США Аллен Даллес?» В ответ удивленно-испуганные глаза: «Нет».

Сегодня мы отчетливо видим и понимаем, как «цивилизированная» Европа, с ее мультикультурализмом, гендерной иде-

ологией, феминизмом, идеей нового мальгузианства, неконтролируемой миграцией опасно сползает к фашизации. Фашизм, по сути, легализован. И, складывается мнение, именно его силы мирового зла хотят и пытаются использовать как средство для разрешения кризиса западного гражданского общества. И оно не противится фашизации!

Тем самым подтверждается предсказание В.В. Розанова: «Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе защитной реакции от всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния». Те страны, что окажутся волею обстоятельств в фарватере этого процесса, постигнет та же участь. Следовательно, напрашивается еще пара вопросов к российским манипуляторам общественным сознанием. Первый: вы, господа, желаете этого же и для России? И второй: чей заказ вы выполняете?

Как отмечалось вначале, Владимир Путин немало сделал для реабилитации в России таких понятий, как патриотизм, Русский мир, традиционные ценности, русский традиционализм, умеренный консерватизм. Можно только представить, каких усилий это ему стоило. Однако процесс суверенизации России, возврата страны к защите национальных интересов пугает пятую колонну, которая в России еще сильна. Она ищет изощренные пути для того, чтобы «отыграть» начавшую было самоутверждаться, крепнуть патриотическим духом страну назад, в либеральное прошлое. Гражданское общество (под любым соусом) для нее — своего рода спасательный круг. Пока он на плаву, можно за него ухватиться, а там, глядишь, явятся во власть «свои люди», типа улыбочивого Бори Надеждина...

Вопрос будущего России не просто стоит ребром, он обостряется. Отмолчаться, отсидеться в стороне, украдкой выглядывая из зауголья (авось пронесет), не удастся никому. Конечно, нужно не допустить возврата в прошлое. В свою очередь, народ ждет, что в условиях ужесточающейся прокси-войны Запада против России президент и другие органы власти будут действовать по отношению к пятой колонне гораздо жестче и последовательнее, нежели это происходит сейчас.

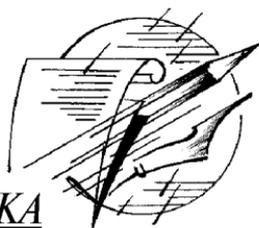
г. Андреаполь Тверской обл.

Лев ГОРЕЛИКОВ,
доктор философских наук

НЕОБХОДИМОСТЬ РУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Постсоветская эпоха стала для России временем глубочайших расколов и социальных потрясений, колоссальных духовных утрат и материальных потерь, превзошедших по размаху бездарно погубленного и бездумно разрушенного как потери в гражданской войне 1918—1922 годов, так и в годы Великой Отечественной войны. А вместе с Россией перенес тяжелейшие испытания на нравственную стойкость и выживание русский народ как основной ее устроитель и защитник. Если погибнет русский народ как особое этнокультурное сообщество, скрепленное не столько природными, сколько духовными узами, то обрушится и вся Россия. Поэтому нынешние её враги в лице стран западного военного альянса избрали главным орудием своей антироссийской стратегии не прямые боевые действия против россиян, а «мирные», казалось бы, «информационные» технологии, но настроенные не столько на обогащение нравственной палитры жизни людей, сколько нацеленные на подрыв их духовных оснований.

Современный этап развития человеческого сообщества характеризуется по

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

внешним параметрам как «глобальный социум», достигший в своем историческом росте максимальной унификации законов социальной организации на базе приоритетов частной собственности, финансового капитала и рыночной экономики в воспроизводстве материальных условий жизни людей. Качественное основание производственной базы глобального социума определяется развитием научно-информационных технологий, нацеленных на отработку элементов искусственного интеллекта в управлении массовыми процессами общественной жизни.

Но рядом с массовыми социальными явлениями в жизни общества разворачивается личная и групповая деятельность людей, питаемая и направляемая их духовными склонностями, способными нарушить автоматизм в движении финансовых потоков, направляя их по новому руслу. Рациональным выражением этих духовных стремлений человеческого существа служит идеология как действительность общественного сознания, развивающая и преобразующая внутренние мотивы душевных настроений отдельных лиц в разумные проекты их совместного желанного будущего. Идеология представляет собой рационально упорядоченный комплекс коллективных установок сознания индивидов, определяющий их важнейшие нравственные ценности как нормы социально должного поведения и утверждающий этим духовную самостоятельность, социальную независимость, самобытность своих общественно-политических систем в мировом сообществе.

Другими словами, разумная идеология служит в социально-политической жизни отдельных стран концептуальной хранильницей и защитницей их нравственного суверенитета. Поэтому запрет россиянам статьей №13 Конституции РФ иметь общегражданскую, государственную идеологию следует расценивать как юридическое признание ими собственной гражданской неполноценности, духовной незрелости, как интеллектуальное саморазоружение России в современном мире. Правовым подтверждением данного факта и служит их конституционно закрепленный отказ от государственной идеологии, от своего духовного суверенитета как единого сообщества, от своеобразия собственного идейно-политического лица. Данный отказ российских граждан от духовной самостоятельности в мировом сообществе подкрепляется в Конституции РФ требованием статьи №14 об отделении от политической воли государства религиозных объединений как наиболее верных хранилищ духовных оснований своеобразия общества и положением статьи №15 о

приоритете правил международных договоров над внутренним российским законодательством. «Если международным договором Российской Федерации, — говорится в статье №15 Конституции РФ, — установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Такой «конституционный нигилизм» постсоветского российского государства по отношению к собственной правомочности в мировом сообществе не проходит, как правило, для страны бесследно, отодвигая её на второстепенные роли в мировой политике.

В силу указанных конституционных постановлений РФ как бы сама отказывается от своего социально-политического суверенитета и признает собственную зависимость от действия внешних сил: вчера это были силы Запада под управлением США, сегодня нарастает зависимость от сил Востока в лице КНР. Своими юридическими актами о приоритетном праве международных соглашений российское государство фактически отделяет себя от духовного наследия предков и этим подписывает себе убийственный приговор в качестве великой державы, самостоятельной страны-цивилизации, заставляя россиян действовать по чужим правилам, идти по жизни ложными путями, не по своей дороге. Следуя этими ложными путями, руководствуясь иноземными правилами, постсоветская РФ теряет свою прирожденную статью, перестает быть русским государством, так как одной из коренных установок «русской идеи» как нравственного ориентира в сознательном поведении гражданских масс русского народа был «великодержавный патриотизм», любовь к независимой, Великой России.

История ставит ныне перед российским обществом главный вопрос в определении его дальнейшей судьбы: какой должна быть коренная, ведущая особенность «русской идеологии», способная нравственно сплотить граждан и народы Русского мира и повести их за собой в созидании великого будущего? Эта идеология должна быть, во-первых, реалистической, привязанной к фактам исторической действительности. Такой исторический реализм говорит, что нужная для России идеология должна быть «русской» по своему нравственному колориту, то есть выражать коренные нравственные приоритеты русского народа в лице «малороссов», «великороссов» и «белорусов» как основных созидателей Русского мира, определяющих его качественное своеобразие.

Во-вторых, в своей ведущей русской обусловленности «русская идеология» должна быть достаточно «зрелой», то есть «самостоятельной», независимой от внешних влияний и в

этом плане исторически «самобытной» идеологией, определяющей жизненный горизонт будущего страны на основе идейного наследия ее собственной гражданской воли. Но обеспечить в полной мере собственную независимость от внешних влияний Россия сможет в современном динамическом мире лишь тогда, когда опередит своих конкурентов в борьбе за историческое лидерство, когда возглавит социально-исторический процесс. Попыткой реализации такой лидерской роли в мировом сообществе был «коммунистический проект» СССР, закончившийся, к сожалению, крушением страны по причине её недалёковидной, «руссофобской» внутренней политики и догм «материалистической идеологии», сдерживающей интеллектуальное развитие гражданских масс.

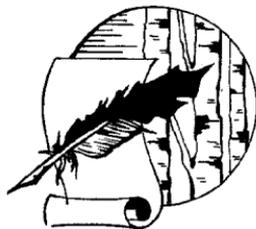
Таким образом, практически продуктивная российская идеология должна быть «реалистической» (русской), идейно «зрелой» (самобытной) и «перспективной» (передовой), устремленной в будущее. Отмечая грандиозный размах предстоящих в современном мировом сообществе перемен, В.В. Путин в своем выступлении 5 октября 2023 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» подчеркнул, «что перед нами стоит, по сути, задача строительства нового мира». Это указание президента РФ нацелено, прежде всего, на определение перспектив развития самой России, требуя от её интеллектуальной элиты быть готовой осуществить качественный концептуальный прорыв в идейной борьбе по защите собственного духовно-нравственного и социально-политического суверенитета в созидании разумного будущего.

Передний край исторического развития глобального социума определяется сегодня достижениями научной мысли. Поэтому перспективная русская идеология должна быть научной по содержанию и глобальной по своему размаху, то есть быть научно-философской концептуальной системой, нацеленной на постижение мировой реальности как объективной самобытной целостности. Только перестроение государственного разума России на путях постижения законов мировой целостности дает россиянам шанс преодолеть смертельные угрозы двух катастрофических социально-исторических путей движения страны в реалиях постсоветской действительности.

Первый путь был обозначен жизнью российского общества в 90-е годы прошлого века и вел к материальному обнищанию и духовной деградации населения страны, к распаду её территории на подвластные воле «великих держав» части,

лишенные политического суверенитета. Второй путь всё более зримо возникает в связи с нарастающим вооруженным конфликтом на Украине, направляющим Россию к прямому военному столкновению с разрушительной сатанинской волей Западной цивилизации, приближающей всё человечество к гибели в ядерном Апокалипсисе. «Поэтому ввиду несопоставимости наших военных потенциалов, — сообщает по тлг-каналу заместитель председателя Совета Безопасности России Дмитрий Анатольевич Медведев, — у нас просто не останется выбора. Ответ будет асимметричным. Для защиты территориальной целостности нашей страны будут использованы баллистические и крылатые ракеты со специальными боеголовками. Это основано на наших доктринальных военных документах и хорошо известно всем. И это и есть тот самый пресловутый Апокалипсис. Конец всему».

Единственным спасительным выходом для России в ситуации стратегической конфронтации со всей Западной цивилизацией остаётся лишь её интеллектуальный прорыв в исторические лидеры современного мирового сообщества на основе осуществления глобальной Русской научно-философской революции в постижении законов мировой целостности. Только очевидное интеллектуальное превосходство русской научной мысли над западными конкурентами в познании объективных процессов является безусловной гарантией суверенного будущего России. Без реализации Русской научной революции историческое существование России всегда будет оставаться под большим вопросом.

Валерий ХАТЮШИН

ЭТОТ ГОД

* * *

Не страшно, словно хлопнув дверью,
кумира в сердце сокрушить
и впасть в тоскливое безверье...
Куда страшней с безверьем жить.

У каждого своя дорога.
Куда ведет она — как знать...
Наверно, можно жить без Бога.
Но как без Бога умирать?..

1 ноября 2023

* * *

Семьдесят пять — это холод в крови,
дальние зори без краю...
Кто-то незримый дышал визави,
кто-то чуть слышно шепнул о любви...
Что это было? Не знаю.

Семьдесят пять — это свет из-за туч,
всплески притихшей надежды,
может, тот самый, спасительный луч,
но не в глаза, а на вежды.

Август иссяк и сентябрь, и октябрь...
Близится время итога.
Где-то маячит морозный декабрь —
долгая к свету дорога.

Семьдесят пять — это звёздная пыль,
вечность, блеснувшая в миге.
Жизнь — как застывшая давняя быль
в кем-то оставленной книге...

10 ноября 2023

ОРХИДЕИ ДЛЯ ТАТЬЯНЫ

Владимир Маяковский в 1928 году, расставаясь в Париже с Татьяной Яковлевой, на гонорар от выступлений заключил договор с цветочной кампанией с условием, что каждую неделю курьер будет доставлять Т.Яковлевой самый красивый букет с орхидеями. Это продолжалось многие годы и после гибели поэта.

Годы сердце тоской заносят,
как последний концерт Чайковского...
Раз в неделю курьер приносит
орхидеи от Маяковского.

И течет безмятежным ходом
жизнь парижская у Татьяны.
После выстрела. Год за годом.
После давней на сердце раны...

Был он этаким сумасбродом,
от ее красоты немея...
Раз в неделю и год за годом:
«От Владимира орхидеи».

В годы смутные, роковые —
вспоминала мгновенья прошлые...
Чтобы выжить, в сороковые —
продавала цветы на площади.

И в стране, нам давно не близкой*,
русской щедростью память грея,
всё ей снился курьер с запиской:
«От Владимира орхидеи».

* США.

И не символ любви бессмертной —
этот жест бунтаря московского,
это слёзы тоски безмерной,
орхидеи от Маяковского.

11 декабря 2023

ПАМЯТНИКИ

*...Да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Отче наш*

Мы запомним навек отныне
на земли и на небеси,
как на сгинувшей Украине
рушат памятники Руси.

Но они прорастают снова
в той земле и в ее крови...
Прыгунам недоступно Слово
высшей истины и любви.

В этом Слове бессмертна память,
как зарыть ее ни тужись.
Память — вечной Победы пламя.
Кровь погибших рождает жизнь.

Свет грядёт — подступают сроки —
и трепещут его врази.
Из крови и корней глубоких
встанут памятники Руси.

13 декабря 2023

ОТКРЫТИЕ РОДИНЫ

Ты кровью почувешь, когда
тебе открывается Родина,
коль в душу войдут навсегда
Дивеево, Сергиев, Оптина...

Сподобилось их уберечь...
Бездонно небес милосердие...
Сквозь веру и русскую речь
ты сам прорастаешь в бессмертие.

Запомни — весь путь свой земной
ты к встрече с собою готовишься
за той невозвратной чертой,
когда Человеком становишься.

Лишь вере страшишься изменять
в дороге, что сердцем не пройдена,
чтоб смочь в этой жизни понять,
КОГДА начинается Родина.

18 декабря 2023

КРАСНЫЕ ПТИЦЫ (Перед Вторым Пришествием)

«Пятый Ангел вострубил...»
Откровение (8: 1)

Красные птицы под небом Донбасса,
красные птицы над Сектором Газа —
с режущим свистом летят и летят...
Падают в зарево красные птицы.
Бледно-усталые мертвые лица
вслед им застыло глядят и глядят.

Воят со свистом свирепые птицы...
Юные бледно-остылые лица...
Им бы смеяться, влюбляться и петь...
Дроны, снаряды, тяжелые «грады»...
Красные птицы не знают пощады,
весело им в черном небе лететь.

Век двадцать первый — как сцены из ада.
Мир человеческий — на грани распада.
Красные птицы со свистом летят.
Ангелы света уже протрубили.
Черные демоны солнце затмили.
В храме укропами пленный распят.

27 ноября 2023

ЭТОТ ГОД

Слишком долго ждали мы
этот год, мой друг, с тобою.
Даже в холоде зимы
ранней веет нам весною.

Той весною, что грядет,
как в поверженном Берлине.
Тем потоком, что снесёт
грязь и нечисть в мутной тине...

Этот год пришел, как бич
для бегущих врассыпную...
И зажатый в горле клич
прогремит: «За Русь Святую!»

В этот год пойдет в расход
телеспаянная каста.
И разгонит этот год
шабаш ведьм и педерастов.

Мелких бесов легион
сникнет под мечом закона.
И победным станет он,
год, пронзающий дракона!

2 января 2024

НАМ ОСТАЛОСЬ...

Вновь о «Минске» мечтают в Кремле...
Всё кровавей донбасские беды.
Ах, как много на русской земле
тех, кто нашей не хочет победы!

Для одних — за Россию война.
Для других — развлечение и пляски.
Веселится, гуляет страна,
в телеоргиях ржёт без опаски.

Релоканты к врагам семят,
безразличные к мелким укорам.

Незалежные танки горят.
Кремль готовится к переговорам.

Мерседесную жлобскую сыть
так и тянет к эстрадным пройдохам...
Нам осталось врагов победить,
чтобы всех недобитых — добить
вопреки миротворческим вздохам.

13 февраля 2024

* * *

Падает, кружится медленный снег...
2022 г.

Падает, падает снег в феврале.
Время зависло на стылой земле.
Мир утонул в беломраморной мгле.
Кружится, кружится снег в феврале...

Нет ничего, никого... Ни о чём
снег не расскажет в паденье своём.
Белая мгла — это сказка о том,
что позабылось в круженье земном.

И не напомним никто и ничто,
сколько метелистых зим прожито...
...Кто-то безумный в осеннем пальто
молча пропал в белой мгле ни за что.

Падает снег, не кончается он,
белым безмолвием заворожён,
словно никем не разгаданный сон,
стылой земле как последний поклон...

15 февраля 2024

* * *

Ты сделал в жизни всё, что мог,
в душе храня свое призванье.
Когда о грешном вспомнит Бог —
настанет время испытанья.

И должен с этой высоты,
спасенный лишь Его любовью, —
отринуть сладость суеты
и тяготенье к празднословью.

Узреть, как всей судьбы венец,
дорогу взлётов и падений,
себя очистив наконец
от горделивых наслоений.

И ниц не опустив лица,
но покоровшись высшей воле,
дойти до самого конца —
до тьмы в глазах — по нерву боли.

И этой муки никому
не выдать словом и слезами.
Лишь только Богу одному
с тоской о ней сказать глазами...

17 февраля 2024

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

*Во время штурма Авдеевки наши десантники про-
шли по подземной водосточной трубе более трех кило-
метров и вышли наверх в тылу врага. После удара с тыла
по укронацистам их оборона рухнула, и они побежали.*

Неизбывно криводушие
украинского жлоба...
Но у русских есть оружие
под названием «Труба».

Враг тупой, самонадеянный
всё еще творит разбой...
И в конце концов в Авдеевке
мы ударили «Трубой»

Чертежей ее и абриса
ни в каких анналах нет...
«Леопардам» «Бредли», «Абрамсам»
шлёт «Труба» большой привет!

На свидомую истерику
прёт бабло с другого берегу..
Но подмога им слаба.
Как ни ждут хохлы Америку,
в Киев к ним придет «Труба».

23 февраля 2024

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Опять нас хотят избыть,
лелея и месть, и злобу..
Нам лучше всего забить
гвоздями окно в Европу.

Божественный мир круша, —
нас в липкие манят сети..
Главнее всего — душа,
и мать, и отец, и дети.

Европа идёт в разнос.
Нас дали влекут иные..
Превыше всего — Христос,
а после Него — Россия.

Такой вот святой вопрос
на все времена земные.
Превыше всего — Христос.
И после Него — Россия.

3 марта 2024

НЕВИДИМЫЙ ДРУГ

РАССКАЗ

— Между прочим, у меня сегодня день рождения, — проговорила сидевшая напротив соседка по купе. — И, похоже, праздновать нам его придётся в темноте. В санатории из-за отъезда не получилось, думала, в поезде отмечу.

Ларисе не очень хорошо виделось её лицо — света в вагоне не было. Пассажиры входили в него, когда вечерние сумерки начинали сгущаться. Народу полно — состав, идущий в Санкт-Петербург, формировался в Симферополе, и уже там заполнился почти до предела. Вагон, в который Ларисе удалось взять билет в день отъезда, плацкартный. Кажется, только в их отсеке были свободными две верхние полки и две боковушки, верхняя и нижняя.

Пока разбирались с местами, устраивали свой багаж, друг на друга особо не смотрели. А когда выдохнули и чинно уселись за столиком одна напротив другой, оказались в темноте. Лишь изредка вспыхивавшие за окном огни освещали их лица. В узких проходах иногда, как привидения, появлялись пассажиры, подсвечивающие себе телефонными фонарика-

ПРОЗА

ми, или должностные лица — проводники — с большими фонарями в руках.

— Впервые еду в подобных условиях, хотя поездить в поездах за свою жизнь мне пришлось немало, — с некоторой долей удивления сказала Лариса, пожав плечами.

— Я думаю, это вынужденное действие. Всё-таки Крым находится в зоне особого внимания наших «братьев», — заговорщицким тоном произнесла соседка.

Лариса не успела ответить — позвонила подруга, провожавшая её из Симферополя:

— Ну как? Устроилась? Окружение нормальное?

— Да нормальное, только света в вагоне нет. А так чаю хочется! Зря я поддалась на твою провокацию, рыбки поела напоследок, — посетовала Лариса.

— Ты знаешь, а в некоторых вагонах был свет, я видела, когда поезд тронулся. Пройдись по составу, где-нибудь найдёшь кипяточек, если уж так невмоготу. Напрасно отказалась от бутылки воды... — попеняла подруга.

— Наверное, в купейных вагонах есть свет. Может, и нам скоро включат. Ничего, как-нибудь ночку выдержу, твоими молитвами. Да и пить на ночь вредно! — пошутила Лариса.

Соседка тем временем вернулась от проводника с двумя стаканами в фирменных подстаканниках. Вытащив из сумки с провизией бутылку лимонада, разлила его по стаканам.

— Ну, за необычный день рождения! — произнесла тост Лариса.

— За настоящий день моего рождения!

— А есть ещё не настоящий?

— Есть, хотя даже не знаю, какой из них «настоящее», — кивнула женщина. — Один — когда родилась. Другой — который в метрики отец записал. Вот и праздную дважды.

— Везёт же некоторым... — улыбнулась Лариса.

В это время сноп света вспыхнул за окном, и ей, наконец, пусть на мгновение, удалось увидеть лицо своей попутчицы — приятное, не очень молодое, но и не старое.

— О, я везучая, правда! Вы знаете, больше всего мне повезло, пожалуй, в сорок четвёртом.

Лариса подумала: «В войну?.. Сколько же ей лет сейчас, если в сорок четвёртом прошлого века успело повезти?» Похоже, женщина уловила её мысли и продолжила свой рассказ:

— Я родилась в сорок первом, в самый канун войны. Жили мы тогда в Псковской области, в деревне. Говорят, жили хорошо, не бедно. Да мы всегда и везде жили хорошо — отец был работающим, мастером на все руки. На фронт ушёл в первые дни войны. Мама осталась с нами шестерыми. В окку-

пации долго пришлось жить, трудно. Немцы народ не щадили. Сколько военнопленных погибло в наших краях, страшно подумать. Да и простому, мирному населению доставалось... Я-то потом уже подробности узнала, со всеми цифрами. Деревни жгли, как спички, все годы оккупации. А уж когда в сорок четвёртом наши начали освобождать псковскую землю, фашисты так лютовали, что просто ужас! Столько «хатыней» русских... — женщина горестно вздохнула. — И до нашей деревни добрались. Январь стоял холодный... Самым тёплым, наверное, этот день был, 14 января. Через несколько дней до минус сорока дошло, а тогда — градусов двадцать, двадцать пять. Будто пожарища согрели воздух... Стариков, женщин, ребятишек позакрывали в их домах и подожгли. Кто пытался выскочить и бежать к лесу, автоматчики расстреливали, наготове уже стояли. Наш-то дом на самом краю деревни был, у самого леса — новенький, просторный. Как дымом потянуло, мама поняла всё. А что делать? Старшего моего брата погнала в лес, велела спрятаться там, а потом, если что, партизан искать. Понятно, что — «если что»... Подъехал к дому мотоцикл, трое фашистов на нём. Мы в доме сидим, ни живы ни мёртвы. Один из них в дом зашёл, нас пятерых увидел возле мамы, говорит ей тихонько: «Матка, вэк! Киндэр, вэк!». И автоматом показывает на окно, в лес выходящее. А мама сидит, как пригвождённая. Он ей опять повторяет своё «вэк». На пальцах показывает, мол, сейчас здесь всё гореть будет. Сам какие-то тряпки из шкафа прихватил, на улицу вышел, немцам что-то сказал. А мама нас в подпол заталкивать стала. Он просторный, глубокий был, даже из-под дома выходил к лесу. Через какое-то время чуем, горит наш дом. Мама нас подальше от крышки подпола увела, а сама потихоньку стала её приоткрывать, чтоб посмотреть. И вдруг слышит шум на улице, стрельбу. Это партизаны из лесу вышли, узнав, что деревню немцы жгут. Но только нас и спасли, получается. А сто семь человек наших односельчан сгорели заживо. Сорок ребятишек среди них было. Дом наш выгорел наполовину, что смогли, спасли. Часть документов сгорела, и мои метрики тоже. В красивой шкатулке лежали... Как тот фриц её не прихватил с собой, не знаю. Мама, правда, потом всегда говорила: «Были в войну немцы, и были фашисты. Вот тот был немец, он спасти нас хотел...» Когда отец вернулся с фронта, не стал ремонтировать этот дом, сказал: «Новый построим, не на пожарище!». И построил. А мне документ восстанавливал, так почему-то записал день рождения 14 января. Вот и праздную теперь его в конце декабря и в начале января, — улыбнулась попутчица. — К

станции какой-то приближаемся? Наверное, Владиславовка? Нравится мне это название, сына у меня Владиславом зовут.

— Да нет, Джанкой, — прочла Лариса. — Как они будут в темноте людей принимать?

Поезд остановился, и через минуту в их отсеке появился новый пассажир — чуть выше среднего роста, в военной форме, с рюкзаком.

— Здравия желаю! — весело проговорил он, и в этот момент вспыхнули все имеющиеся в наличии вагонные светильники.

— Ой, здравствуйте, здравствуйте! Вы нам свет принесли! И сгинула тьма с вашим появлением, ура! — радостно, совсем как девчонки, заверещали дамы. Военный пытался рассмотреть номера полок. — У нас здесь с тринадцатой по шестнадцатую. Даже если вы ошиблись купе, мы вас не отпустим, располагайтесь у нас.

Сколько радости, оказывается, может дать обычная горящая лампочка!

— У меня шестнадцатое место! Так что некуда мне от вас уходить.

Военный забросил рюкзак на свою верхнюю полку, а каждая из женщин с готовностью дала понять, что он может присесть на её. Обе с нескрываемым интересом разглядывали парня. Ему было лет эдак от тридцати пяти до сорока. Типичное русское лицо, голубоглазый, светло-русый, аккуратно коротко стриженный. Улыбающийся! Обычно такая улыбка у влюблённых. А этот... «В отпуск едет. С СВО», — определила для себя Лариса.

— Вы служите... — издалека начала разговор её соседка.

— Так точно! — отрапортовал, только что честь не отдал.

— Вы... оттуда? — вопрос был задан полушёпотом.

— Так точно... — в тон ей прозвучал ответ.

«Ну и правда, что об этом кричать-то!» — подумала Лариса и так же в полголоса спросила:

— Контрактник? Если что, вы нам не отвечайте. Но понимаете, не каждый день так близко мы встречаемся с такими, как вы.

Соседка закивала головой, подтверждая сказанное Ларисой, и осторожно задала свой очередной вопрос:

— И как там у вас?..

Они действительно обе хотели бы расспросить его о многом, но при этом почему-то испытывали огромное чувство неловкости. Неловкости и благодарности, которую не знали, как лучше выразить. Так же ведут себя интеллигентные,

воспитанные люди, неожиданно встретившиеся на улице с любимым артистом. С одной стороны, распирает от желания выразить свою любовь, восхищение, с другой — правила этикета, которые им прививались с детства, не позволяют навязывать свои чрезмерные эмоции пусть и обожаемому человеку.

— Так точно, служу по контракту! Направляюсь в отпуск, — ответил военный Ларисе, присаживаясь на краешек её полки. — Комбат не очень хотел отпускать, но у меня уже все сроки вышли!

— Далеко едете?

— В Курск.

— Почти земляк. У меня папа в Курске родился. А вот рос в Горловке, на Донбассе. Вы там не были? — Лариса заглянула в глаза парню, и ей показалось, что они ответили: «Да, был».

— Нет, мы в другом месте...

— И как там у вас?.. — повторила свой вопрос их попутчица.

— Да всё хорошо у нас там!

— Всего хватает?

— Ох, всего-всего хватает! — улыбнулся военный.

— Нет, слушайте, скажите честно: снабжение у вас там хорошее? — спросила Лариса и тут же смутилась от мысли, что как будто спрашивает человека о снабжении соседнего региона предметами первой необходимости и роскоши. — Я хочу сказать, что вот народ собирает деньги на помощь армии, что-то вяжут, пекут, везут... Государство не справляется со снабжением? А по телевизору рапортуяют о том, что армия ни в чём не нуждается. Как понять-то?

— Да всё у нас есть, всем снабжают, и мы ни в чём не нуждаемся! — успокоил её парень. — Ну, когда пирожки там, котлетки домашние привозят, приятно, конечно. Будто дома побываешь. А так, всё отлично, планомерно идём к победе! И победим!

«Конечно... Так он тебе и выложил все свои проблемы!» — ругнула себя Лариса.

— А вы кто?

Соседка своим вопросом поставила парня в тупик, но Лариса тут же пришла ему на помощь:

— Профессиональный военный, правильно?

Ей и самой хотелось бы узнать о нём побольше, но она прекрасно понимала, что это невозможно. Кажется, и ему хотелось поговорить более откровенно, но он не имел на это права.

— Да, наверное, учитывая две мои чеченские войны и эту, я могу считать себя профессиональным военным.

— А войска какие, можете сказать? Я уж не спрашиваю вас о позывном. Но вдруг вас когда-нибудь будут награждать, показывать по телевизору... Мы будем гордиться вами! Как вас хоть зовут? — женщина по-детски всплеснула руками, демонстрируя искренность своих намерений.

— Сергей. И потому «Серый», — опять улыбнулся военный. — Инженерно-строительные войска.

— Ой, ну вот видите, мы с вами коллеги! Я ведь тоже строитель! А муж у меня военный врач был. Мы с ним поколесили по военным городкам за свою жизнь! Слава Богу, воевать не пришлось. Нам военного детства хватило! Вы что там строите? Землянки, блиндажи? Или города восстанавливаете?

— Города восстанавливают гражданские строители, мы чаще идём перед ними.

— У меня подруга — врач, в госпитале в Симферополе работает, — зачем-то сказала Лариса. Захотелось стать сопричастной хоть в чём-то?

— Присаживайтесь к столу, Сергей! Мы вас покормим сейчас, — радушно предложила соседка.

— Что вы, что вы! Спасибо! Я, во-первых, не хочу есть, во-вторых, мне ребята столько всего надавали с собой, что я и дома неделю буду подъедать это всё вместе со своей семьёй, — испуганно замахал парень руками.

— А как жена относится к вашей работе? — поинтересовалась Лариса.

— Положительно! Я, знаете, терпел, терпел и не вытерпел, не смог усидеть дома, когда такое вокруг творится, когда друзья, с которыми раньше вместе воевали, все пошли опять служить. У нас опыт, военная чуйка. Если я пойду, то прикрою собой кого-то, может, сохраню чью-то жизнь, на одну смерть будет меньше. Сказал ей об этом, и она не стала возражать, отпустила меня. Там у нас совсем другая жизнь! Моё отделение — моя вторая семья. И трудно сказать, какая из них мне дороже. Мы там становимся другими — вся шелуха слетает, остаётся только настоящее. У тех, кто на фронте, нет ложных чувств, жизнь ценится совершенно иначе, чем на гражданке. Я вот приехал в Симферополь и даже обалдел немного — люди здесь живут как ни в чём не бывало. Будто нет никакой войны...

— Ну да, а тут ещё гулянка голых звёзд в Москве. Говорят, участники СВО сильно рассердились на них.

— Вот эти меня совсем-совсем не трогают! — Лариса заметила, как Сергей брезгливо передёрнулся. — Шушера, не знающая, куда деньги девать! Подсказал бы кто-нибудь! Возомнили из себя что-то...

Об этой постыдной предновогодней пьянке, устроенной малообразованной и маловоспитанной блогершей с участием таких же, как она, «звёзд», кто только ни говорил в стране в эти дни. Лариса и фамилии-то её до этого не слыживала. Зато знала певицу, недалеко от неё по возрасту ушедшую, запомнившуюся не столько песнями, сколько своими разводами и свадьбами, вещавшую в девяностых из телевизора: «Девочки, учитесь как следует мыть унитазы, вам это пригодится в жизни, всегда сумеете заработать этим! Вот я прекрасно научилась это делать в своё время!» Видно, что зарботала...

Сергей немного помолчал, собираясь с мыслями:

— Я не об этих, я о нормальных людях говорю. Мне кажется, они не понимают, что происходит, почему мы пошли, не улавливают, не ощущают настоящей опасности. Хотя... Может, это и хорошо, что они живут, как жили до СВО, мы ведь для того и стоим там, на передке. Но всё равно как-то странно...

— Ну, не совсем и не у всех так, конечно. Многие скрыто от постороннего взгляда, как скелет в шкафу. Каждый читает свою книгу, в каждом идут свои часы, и бой часов у каждого звучит по-разному... — казалось, Лариса больше себя в этом убеждала, чем парня. — А скажите, кто там у вас служит? Молодых призывников много?

— Призывников, тем более молодых, у нас нет вообще, — заверил её Сергей. — Все в основном такие, как я. Хотя нет, один молодой у меня есть. Я сначала думал, ровесник моей дочери Полинки — она школу кончает. Он музыкант, саксофонист классный. Интеллигент! Пальцы у него такие тонкие, красивые! Я его берегу, как не знаю какую ценность! Ему дважды отказывали, по молодости лет не брали по контракту. Потом всё-таки приняли, добился. Отец у него в Киве живёт, а он с матерью в Крыму.

— Спасибо вам! За всё спасибо! Вы знаете, я часто езжу в Крым к своей подруге. И последние два года постоянно в поездах, на вокзалах сталкиваюсь с военными, воюющими там... И всегда я хочу каждого из таких мужчин поблагодарить за то, что они охраняют, защищают Родину. Ведь Родина — это мы! Но я стесняюсь показаться выпендренной, смешной, что ли. Вот! Поэтому вам одному всё досталось от меня сейчас, — немного смущённо улыбнулась Лариса. — Вы постарайтесь остаться живым! Пожалуйста, постарайтесь!

Она выходила в Ростове-на-Дону. Поезд прибывал рано утром. Её соседи крепко спали, как обычно это бывает на рассвете. А Ларисе не спалось всю ночь. Встреча с этим во-

енным, с Сергеем, всколыхнула воспоминания, переживая последних лет жизни. Она мысленно говорила с подругой, от которой возвращалась в город, ставший её городом на несколько десятилетий: «В детстве мы жили рядом... Мой дом смотрел на твой, а твой — на мой. С наших балконов мы могли махать друг другу рукой: ты с третьего, я со второго этажа. Между нами сначала была детская площадка с качелями и тропинкой, потом её превратили в небольшой скверик с протоптанными дорожками. По утрам я доходила до твоего дома, мы встречались и бежали в школу через поле, в детстве казавшееся нам огромным. С каждым годом оно становилось всё меньше и меньше — мы росли быстро...

А потом случилось так, что мы стали жить в разных государствах. И уже не детская площадка пролегла между нашими домами. Но... Неисповедимы пути Господни! Крым, в который ты попала по распределению после окончания мединститута, вернулся в Россию, и мы снова живём в одной стране. Исчезли граница, таможня, возвели замечательный мост, соединивший полуостров с материком, стало проще встречаться.

А вот Горловка, город нашего детства, оказалась в беде на долгие годы. И как нам помочь ей, не знаю. Стареем мы, время уже не наше, наверное. Когда там всё только началось, я смотрела на лица восставших, потом ополченцев и плакала. Особенно молодых мальчишек было жалко. Я думала о том, что это мы должны защитить их собой, прикрыть. Ведь нас так воспитывали — мы ездили школьниками в Краснодар, равнялись на молодогвардейцев. Но прошло десять лет. Теперь я плачу от понимания того, что не смогу заслонить от войны этих мальчиков, вижу в них своих защитников, горжусь ими и очень благодарна каждому из них.

Шахты Горловки не работают, по городу лупят и лупят враги! Столько разрушений, столько убитых! Как жалко Донбасс, наших людей! По телевизору говорят, что укронацисты агонизируют. Но как-то слишком уж «активно» и порой не в нашу пользу проходит их агония. Я не стала спрашивать об этом нашего сегодняшнего попутчика. Зачем его ставить в неловкое положение? Он уверен в победе. Мы с тобой тоже верим в неё. И всё же, как хочется, чтобы быстрее она наступила! И чтобы этот парнишка, годящийся нам в сыновья, остался жив! Я не знаю молитв, но буду молиться за него, буду!

Любая война отвратительна, это страшное бедствие для всех сторон, втянутых в неё. Ведь страдают и гибнут зачастую те, кто, по сути своей, очень мирный человек. Я немало

передумала об этой войне, и понимаю, что иного выхода не было у России. Уж мы-то с тобой это точно знаем! Гражданская война, когда брат воюет против брата, — ужасно! Во сто крат больнее получать пулю от родного человека, бить по тому, кого считал своим. Как обидно, что пошли некогда близкие люди на поводу у тех, кто, ухмыляясь, сознательно стравливает и подстрекает. Да ведь они, украинцы, против нас обернулись — мы с тобой давно это видели по членам наших семей, по некоторым из тех, с кем росли — из-за такой глупой фанаберии, что у меня в голове не укладывается. Им так захотелось в Европу, что они предали самых близких им людей. А теперь мы все (все!), с обеих сторон, это расхлёбываем! Вот это настоящая трагедия. Глупо и больно!

Знаешь, Тамара, беда и боль сближают людей, они сильнее и глубже начинают чувствовать друг друга. Вот я смотрю на твою фотографию в моём смартфоне, собираясь звонить, и каждый раз улыбаюсь: у тебя родинка на правой щеке, а у меня — на левой. Мы — словно отражения, вглядывающиеся одно в другое...»

В дни их встречи Тамара была весёлой, даже чересчур весёлой показалась она Ларисе. Лишь на несколько минут тень печали легла на её лицо, когда прощались:

— Лара, из той, прежней, жизни у меня осталась только ты...

— А у меня ты, — эхом ответила ей Лариса.

— Не знаю, когда опять увидимся. Я, наверное, уеду на некоторое время, у нас может не быть связи. Но я всегда мысленно с тобой. И вот ещё, — Тамара протянула подруге кулон на цепочке. — Пусть этот ангел-хранитель будет с тобой. Он тебя убережёт от бед, я верю в это, потому что я так хочу. Когда тебе будет плохо, просто посмотри на него и скажи: «Невидимый друг, посланник любви, пришли мне помощь свою».

Проводница подошла к Ларисе, тронула её за плечо, предупредила: «Через полчаса Ростов, готовьтесь». Лариса благодарно кивнула, поднялась. Взглянула на спящего Сергея. Ночью он несколько раз тихонько стонал во сне, она слышала. А сейчас улыбка была на его лице, под щекой, как у малыша, ладошка лежала. Лариса сняла с себя кулон и, мысленно проговорив: «Невидимый друг, посланник любви, пошли ему помощь свою!», положив иконку ангела-хранителя между рукой и грудью Сергея, пошла на выход.

Открыв глаза, Сергей первым делом увидел пустую нижнюю полку. «Вот ведь, хотел помочь человеку вещи вынести и проспал! Совсем уж я что-то расслабился!» Тут его рука наткнулась на кулон, лежащий у груди. «Это ещё что такое?!» — в первое мгновение парень даже испугался неужи-

данной находке. Потом всё-таки взял кулон в руки, повертел и так, и эдак, раскрыл, рассмотрел иконку. На небесно-голубом фоне красивое лицо с нимбом над головой и белыми крыльями за спиной. Ангел? В одной руке крест, в другой меч. В зелёной накидке Ангел — любимый цвет Сергея, цвет надежды. Нормально, то, что надо! Только кто же подложил эту иконку? Старушка спящая или вышедшая в Ростове женщина, чем-то похожая на его недавно умершую мать? Родинка у неё на щеке, как у мамы... А жене рассказывать про этот случай или помолчать до поры до времени?

Поезд тронулся. Сергей представил своих — Людмилу и дочку, подумал, что до встречи с ними осталось уже недолго, улыбнулся и снова заснул. Под перестук колёс спалось спокойнее, чем на передовой.

— Мила, я сметаюсь в Белгород, передам семье «Лешего» поздравления. Хорошо? Туда и назад... Вечером буду дома! — Сергей обнял жену. — Ну, ты ж понимаешь...

— Понимаю, понимаю... Что с тобой делать! Может, и ко мне от тебя кто заглянет когда-нибудь... — Людмила лукаво посмотрела на него. — Давай! А мы с Полинкой тем временем будем холодец к Новому году варить, торт испечём.

До Белгорода из Курска всего-то два с половиной часа езды на автобусе. Потому Сергей и решил тридцатое декабря посвятить семье фронтового друга — как раз к Новому году сделает им подарок.

Автобус Курск—Белгород прибыл на автовокзал без опозданий, в четырнадцать тридцать пять. Сергей, не очень хорошо зная город, решил ехать на такси, чтоб побыстрее вернуться назад. Лёшка просил купить своим «подарки от Деда Мороза». На вокзале это делать вряд ли стоит, рассудил Серёга, лучше в центре заскочить в какой-нибудь большой магазин, где всегда всё есть.

Торговаться с таксистом смысла не было, хотя цену тот заломил наверняка значительно большую, увидев перед собой иногороднего, «потенциального лоха» среднего возраста. Сам водитель был немного моложе пассажира, самонадеянно считал себя умнее других.

Сергей смотрел на предновогоднюю сутолоку большого города и опять поймал себя на мысли о том, как сильно отличается эта жизнь от той, из которой он недавно вернулся. Этот городской муравейник шевелился весело, деловито и празднично. Кто-то куда-то спешил по улицам, обитатели сквера сидели на скамейках или шли прогулочным шагом «за здоро-

вьем», иногда вспугивая стайки воробьёв или осторожно обходя чувствующих себя хозяевами положения голубей. Солнце то пряталось за тучи, то весело выныривало обратно, грея и ослепляя своими не по-зимнему озорными лучами. Если бы не наряженная, готовая к встрече Нового 2024 года ёлка, вряд ли можно было представить, что через два дня он уже наступит на Земле.

Прикрыв глаза, Сергей думал о том, что успел отвыкнуть от всего этого, подумал о том, что война, с которой он везёт семье Лешего привет, так далека от этих людей. И слава Богу, слава Богу! Мы для того и воюем там, чтобы они здесь жили спокойно! Задача военного не убивать попусту, а хранить мир. Да, для этого приходится уничтожать тех, кто на мирную жизнь посягает. Но вот эти весело бегущие ребята должны расти в счастье. Он не позволит, чтобы его внуки (а ведь не успеешь оглянуться, Поинка наградит ими!) пережили то, что почти десятилетие переживают донбасские малыши...

— Значит, к универмагу тебе нужно?

Вопрос таксиста вырвал Сергея из его дум, и он по привычке весело ответил:

— Так точно!

— Прямо, как солдат отвечаешь.

Сергей усмехнулся. Ему всё время хотелось улыбаться, радуясь этой спокойной, солнечной, мирной жизни вместе с этими людьми. Да ведь сейчас и он был таким же беззаботным, как они!

— А сам-то служил? — спросил Сергей парня.

— Не, у меня освобождение.

— Надо же... А с виду ты, вроде, нехилым смотришься.

— Это я снаружи крепкий, а внутри весь гнилой, как говорит моя бабка.

«Интересно, сам-то понял чувак, что сморозил? Прямо в точку, видать, попал. Такие считают, что кто-то должен защищать, его хата с краю, гореть не будет», — с неприязнью подумал Сергей, а вслух проговорил:

— Мудрая она у тебя, ты береги её!

Таксист, согласно кивнув, включил радио, и салон автомобиля враз наполнился предновогодним настроением:

*Я вам песенку спою про пять минут!
Эту песенку мою пускай поют!
Пусть летит она по свету,
Я дарю Вам песню эту!
Эту песенку про пять минут!*

*Пять минут, пять минут!
Бой часов раздастся вскоре!
Пять минут, пять минут!
Помиритесь те, кто в ссоре!
Пять минут, пять минут!
Разобраться, если строго,
Даже в эти пять минут
Можно сделать очень много!
Пять минут, пять минут!*

Неожиданно Сергей всем своим нутром вдруг почувствовал приближение опасности. Ощутил её резко — где-то внутри него натянулся тросик — ещё не осознанно, но именно так, как бывало там, в той его военной жизни. Наверное, подобным образом срабатывает интуиция у животных. В следующее мгновение послышался очень знакомый характерный звук взрыва, впереди, на расстоянии пятидесяти-шестидесяти метров взметнулся столб дыма. Таксист инстинктивно резко ударил по тормозам, Сергей рывкнул: «Вперёд!». Водитель, на удивление (хотя удивляться было некогда), команду выполнил — слегка дёрнувшись, они медленно поехали туда, где уже был виден пожар, ошалело метались люди, выли припаркованные и поставленные на сигнализацию машины. Некоторые из них пылали. Такси миновало одну такую, первую на их страшном пути.

— Стой! — крикнул Сергей. — Видишь, мужик горит в машине. Давай попробуем помочь ему!

Они кинулись к горящей «Хонде», не сразу сумели открыть водительскую дверь, но справившись с ней, наконец, вытащили оттуда человека, не подающего признаков жизни. Оттащив его подальше от машины и проезжей части дороги, Сергей попытался нащупать пульс, надеясь на лучшее.

— Этот уже двухсотый... — с досадой махнул он рукой и помчался вперёд.

Таксист бежал следом и матерился:

— Это чем же они шарахнули, твари?! Прямо по «Белгороду», магазину, к которому я тебя вёз! И как это мы чуть-чуть не успели... Вон, слышишь, ещё взрывы! Самый центр города накрыли, мрази!

— А вот ПВО словило, слышишь эхо?! — слова Сергея споткнулись о детский крик и плач.

Мужчины увидели жуткую картину: молодая женщина в голубом пуховике, лежавшая навзничь, рассыпанные вокруг неё ярко-оранжевые мандарины, коляска, из которой нёсся крик грудного младенца. Рядом с убитой матерью и

пакетами с продуктами ползала окровавленная девочка лет восьми, в шоковом состоянии. Обе ноги её, похоже, были перебиты. Запыхавшийся взрослый, повидавший немало смертей в боях, по привычке потянулся рукой к поясу, к месту, где у него обычно имелась тактическая аптечка — нужно было сделать хотя бы обезболивающий или противошоковый укол ребёнку. Но вспомнил, что всё осталось дома, ведь он приехал в мирную жизнь. Заглянув в коляску, Сергей понял, что и младенец ранен осколками.

Завывшие сирены подъезжающих машин «Скорых» подсказали, что нужно делать. Подхватив детей, Сергей с парнем-таксистом побежали в их сторону. Сдав раненых медикам, они огляделись по сторонам. Обстрел закончился. Повреждений вокруг немало. Пожарные машины, деловитые, собранные, мгновенно включившиеся в работу МЧСники, обычные горожане, бросившиеся на помощь пострадавшим. Пять минут он длился, подлый обстрел, всего пять минут... Это много или мало?... Много для того, чтобы лишить жизни несколько десятков человек, не ожидавших нападения из-за угла; достаточно, чтобы люди встали единой стеной против зла; мало, чтобы запугать и загнать надолго в убежища.

Какой-то молодой человек стоял у разбитой стены дома и всё повторял: «Я ведь за пять минут до взрыва отошёл отсюда, всего за пять минут!»

— И мы с тобой всего чуть-чуть припозднились, не попали в «Белгород» под раздачу, — выдохнул таксист. — Видно, кого-то из нас ангел хорошо бережёт. Сейчас куплю бутылку водки и поеду домой, никакой работы больше сегодня!

Сергей полез во внутренний карман куртки за портмоне, нечаянно наткнулся рукой на кулон-иконку незнамо кем подаренного ангела-хранителя, сунул деньги своему таксисту, хотя тот отнекивался, крепко пожал ему руку, прощаясь:

— А ты говорил, что только с виду крепкий. Ты и внутри не хилый... Бабушке привет передавай! Мы победим!

— Ты понимаешь, Милочка, выходит этот Ангел уберёт не только меня, но и семью «Лешего»! — закончил свой рассказ Сергей.

Потрясённая Людмила несколько секунд приходила в себя, глядя то на мужа, то на кулон с портретом его Ангела, потом схватилась за голову и тихонько застонала:

— О-о-й, чуяло моё сердце, что с тобой там что-то происходит! Но верила: всё будет хорошо, тебя не зацепит — не может же так быть, чтоб на войне человек живым остался, а в мирном городе погиб. Господи, не знаешь теперь, где смерть тебя

поджидает! А тех-то, Лёхиных, с какой стороны твой Ангел уберёг, каким образом?

— Так очень просто! Дочка в тот день просилась на городскую ёлку, сын — на каток, но мать не пустила, объяснила, что друг отца должен приехать, новогодние подарки привезти от Деда Мороза. Я ж ей так сказал по телефону, вот они и ждали меня с утра. А укропы как раз долбанули и по ёлке, и по катку. Жалко людей, а уж детишек особенно! Нашли, гады, особо важные военные объекты, фашисты проклятые! Нет, бить их до конца! Надо мне ехать побыстрее к ребятам на передок...

— А ты подарки-то Лёшкиным детям привёз? — вдруг вспомнила жена.

— Конечно! Там же не один универмаг «Белгород», магазинов много. Ну, давай проводим старый год, да будем готовиться к новому!

— Тамара Евгеньевна, вас спрашивают. Сможете выйти сейчас? — медсестра горловской больницы №2 тронула за плечо хирурга, которая всю ночь стояла за операционным столом, а сейчас сидела, закрыв лицо руками — то ли дремала, то ли думала о чём-то.

— Кто спрашивает? — усталым вопросом прозвучал ответ.

— Да сапёр, боец тот молоденький, что вчера тяжёлого раненого сопровождал. Мы его перевязали — легко отделался, поспал, теперь назад рвётся.

Тамара с трудом — глазам не хотелось видеть белый свет — отняла руки от лица. Прошедшие сутки были страшными. Только ли эти сутки? Пятый месяц она в Горловке. Ей кажется, никогда никуда она отсюда не уезжала, вот только ни с кем из одноклассников толком пока так и не удалось ещё встретиться. Работа, работа, работа, чужая боль накрывает, как своя, никакой броник не спасёт душу и сердце. Не заметила, как зима пролетела — вон деревья уже в цвету. Скоро День Победы. Почему-то вспыхнуло в памяти: демонстрация, они в школьной колонне проходят перед трибуной возле ДК шахты Румянцева — транспаранты несут, красные флаги, шары, песни поют. И всё в бело-розовой дымке — вокруг частные дома, и во дворах яблони цветут. У неё вдруг подворачивается нога — оказывается, каблук подломился. Они с Лариской выходят из колонны, стучатся в первый попавшийся двор: «Дяденька, помогите, каблук сломался, прибейте, пожалуйста, а то нам ещё к шурфу идти, цветы возлагать!» В шурф этот шахтный в сорок второсорок третьем году фашисты сбросили живыми и мёртвыми

четырнадцать тысяч советских людей — и дети там были, и пленные солдаты.

Тамара вышла в приёмный покой. Ожидавший парень протянул ей веточку цветущей яблони, которую держал в красивых руках, она их отметила сразу, подумав: «Хирургом бы ему быть с такими пальцами».

— Тамара Евгеньевна, спасибо вам! Как там «Серый»? Я уезжаю. Что братьям сказать? Он ведь меня собой закрыл, понимаете! Меня бы не было уже, если бы не он, — нервный тик подёргивал щёку утончённого мужского лица, с которого война, кажется, ещё не до конца стёрла детскость.

— Всё нормально, боец, жить будет ваш «Серый», — погладила она по руке парня, принимая подарок.

— А... лицо? Как с лицом-то его быть?

— Ну, с лицом... — хирург испугалась, что сейчас станут заметны её набегающие слёзы, и этот мальчик-мужчина их заметит. Она прикрыла лицо яблоневым цветом, будто ловила его аромат. — И с лицом, я думаю, будет всё хорошо, я даже уверена в этом. Через час отправим его в Ростов-на-Дону, а потом и в Москву. Уже договорились везде, где нужно. Хороший у него ангел-хранитель, самое главное — уберёт.

— Да-да! Вот! Вы, пожалуйста, передайте ему это, — парень вытащил из кармана кулон и нательный крестик. — Это его. Я снял с «Серого», когда санитарам его сдавал. Верните ему, пожалуйста.

Тамара Евгеньевна вошла в реанимационную палату. Изуродованное лицо раненого было в бинтах, только щель для глаз, которые удивительнейшим образом остались целы. Хирург открыла кулончик. На неё глянул Ангел с небес — красивое лицо с нимбом над головой и белыми крыльями за спиной, в зелёной, цвета надежды, накидке. В одной руке крест, в другой меч. Такой же кулон она, помнится, подарила Ларке, подруге детства.

Раненый приоткрыл глаза. «В себя приходит, — отметила Тамара. — Теперь может вчерашний день считать вторым днём своего рождения!»

«Мой Ангел в белом... — подумал Сергей. — Родинка на щеке, как у моей мамы. Значит, всё хорошо. Я в порядке. Я знаю — мы победим!»

г. Ростов-на-Дону

НЕ ПОВТОРИТЬ ПРЕЖНИХ ОШИБОК

Кроме Бандеры был Петлюра

6 февраля 2024 года состоялось интервью президента России Владимира Путина американскому политическому обозревателю Такеру Карлсону. Прозвучало много интересных фактов и мыслей, из которых особое внимание я обратил на те, в которых Путин обрисовал свое видение перспектив русско-украинской войны. Он выразил эти мысли вполне четко и определенно.

Несмотря на всё, что произошло с 24 февраля 2022 года, наш президент продолжает считать, что русские и украинцы — это один народ. Хотя, казалось бы, наши небратья с оружием в руках очень наглядно, доходчиво и настойчиво разъяснили всему миру, что это вовсе не так. Имеющий глаза — да видит! Да, в общем-то, все это и видят, кроме... президента Путина, который еще перед войной выступил со статьей «Об историческом единстве русских и украинцев» (размещена на сайте Кремля 12 июля 2021 года; по моим сведениям, готовил ее, в основном, В.Р. Мединский). И теперь не хочет отступать с однажды заявленной позиции.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Конкретно, Владимир Владимирович на тему русско-украинских отношений произнес следующее:

«Рано или поздно всё равно мы договоримся. И знаете что? Может, даже странно в сегодняшней ситуации прозвучит: всё равно отношения между народами восстановятся. Потребуется много времени, но это восстановится»;

«То, что происходит, это в известной степени элемент гражданской войны. И все думают на Западе, что боевые действия навсегда растащили одну часть русского народа от другой. Нет. Воссоединение произойдет. Оно никуда и не делось».

Итак, две мысли: во-первых, мы, русские, с украинцами по-прежнему один народ; во-вторых — после того, как война закончится, мы снова будем с ними вместе, будем друзьями и братьями, как когда-то. Так говорит Путин.

Мне хотелось бы знать, откуда наш президент черпает подобный оптимизм. У меня, например, такого оптимизма нет совсем. Ну просто ни капельки. И я хорошо знаю, почему. Мои воззрения опираются не только на теорию этногенеза, который вспять не развернешь — если новый народ вылупился на свет, его в старую шкуру обратно не впихнёшь. Но и на конкретную историю украинского народа, которую я пристально изучаю еще с тех пор, как в 1997 году принял должность заведомо Украины и Крыма в Институте стран СНГ. И вот с позиций знания и понимания истории Украины я хотел бы напомнить и президенту России, и всем читателям о таком человеке, как Симон Петлюра, и о таком историческом явлении, как петлюровцы и петлюровщина. Потому что мы в СССР и в постсоветской России почти ничего обо всём этом никогда не говорили, а понять суть украинской проблемы вне этого невозможно.

Сегодня у всех на слуху бандеровцы. Мы говорим о них как о костяке всего нынешнего украинского национализма, о Бандере как о главной знаковой фигуре всего движения. Но это не так. Бандеровцы — всего лишь наследники недобитых петлюровцев, и нынешняя как бы бандеровская Украина на самом деле — Украина петлюровская. Которая никуда после разгрома Петлюры в 1922 году не делась, а осталась в умах — и далеко не только на Западной Украине. Идеология петлюровщины, которая, как вирус, затаилась до времени в украинском народном организме, сразу проснулась после 1991 года и привела к тому курсу, которым пошла вся Украина, медленно, но верно превращаясь из Украинской Советской Социалистической Республики — в Антироссию.

Разгром петлюровцев произошел более ста лет назад, и вспоминать о нем было в СССР не принято. Конечно, о нем не забывали на Западной Украине, и в годы Второй мировой войны имя Петлюры было поднято на щит активистами ОУН, УПА и им подобными. Но потом его заслонила фигура Бандеры и борьба с бандеровцами, и этот деятель снова ушел в тень на десятилетия. А напрасно, потому что понять современный украинский национализм, его историю, его истинный масштаб и укоренённость в народе невозможно, если не помнить о Петлюре. Как, кстати, и о Махно, который также был украинским националистом и бился насмерть с Деникиным именно потому, что главный лозунг Белой гвардии «За единую неделимую Россию!» был для него категорически неприемлем (напомню, что именно махновцы сорвали деникинский Поход на Москву в 1919 году и брали Крым в 1920 году). Но Махно, в отличие от Петлюры, не был идеологом Украинского национального государства, он лишь выражал стихийный народный украинский национализм, поэтому я его здесь не рассматриваю.

В подкрепление своих слов я решил привести, с одной стороны, свидетельство нашего современника — историка Юрия Спицына. А с другой стороны, мне захотелось найти художественное описание событий на Украине в 1918—1919 годах, чтобы погрузить читателя в ту атмосферу, что царила тогда в этой нечужой нам стране. И я обратился к страницам романа Михаила Булгакова «Белая гвардия», который как раз и посвящен переживаниям русской интеллигенции, застигнутой в Киеве событиями революции и Гражданской войны.

Петлюровцы, большевики и судьба Украины

Итак, историк Спицын. Он выступил в интернете на сайте PRAVDA.RU как раз по интересующей нас теме: «Реальная история появления Украины». Он вспомнил о Петлюре и петлюровщине, об их огромном значении в тот исторический момент, совершенно забытом сегодня. И вот что он сказал:

«Утверждение о том, что Украина как государство была создана большевиками, — это ложное утверждение. Дело в том, что создание советской Украины стало ответом на создание петлюровской Украины. Это надо уразуметь. Просто уничтожить петлюровщину, не предложив ничего взамен, в тех исторических условиях было уже невозможно. Джинна украинского национализма уже выпустили, он уже начал летать. Причем не только в головах каких-то высоколобых ученых, а в среде всей интеллигенции. Не случайно Дзер-

жинский, по-моему, 26 июня 1920 года из Харькова написал Ленину в Москву коротенькую записочку. И там есть любопытный пассаж — я цитирую: «Местные коммунисты — какие-то подонки. А вся средняя интеллигенция — петлюровская». Я разъясняю, что написал Феликс Эдмундович: что значит «местные коммунисты»? А это не коммунисты вовсе, это — вчерашние «боротьбисты», то есть члены левоэсеровской партии на Украине, которые выпускали газету «Боротьба» (или «Борьба») — это центральный печатный орган, отсюда и название той партии. Они сами были упёртыми националистами. Просто в 1920 году они свою партию самораспустили и стройными рядами многие из них пошли в РКПБ(б) и довольно быстро заняли там руководящие посты. На всех уровнях — на местном уровне, на региональном уровне и на уровне ЦК партии и правительства. Фамилии эти хорошо известны: Шумский, Полоз, Любченко — и далее по списку. Именно они будут проводить в 1920-е годы вот эту насильственную украинизацию, а не большевики, не настоящие большевики. Не случайно Сталин в 1926 году в письме Кагановичу и другим членам ЦК КПУ писал, что при слабости местных коммунистических кадров (!) вы дело украинизации отдали в руки местечковой интеллигенции. Которая всегда будет проводить украинизацию под лозунгами «Геть от всего русского, от всего советского, геть от Москвы!»...

Вот что происходило; это надо понимать. А почему Дзержинский говорил, что вся средняя интеллигенция — петлюровская? А потому что за какие-то три года, начиная с 1917-го по 1920-й, средней интеллигенции — то есть учителям, врачам, профессуре, инженерам, ну и так далее, — главным образом, городскому населению — промыли уже мозги, что Украина — это Антирассия. Значит, в этой ситуации что могли большевики предложить? Закрутить гайки? И что бы они получили? Обострение Гражданской войны и т.д., и т.п. Надо было перебить этот тренд, предложив создать Украинскую Советскую Республику. И там, по сути дела, выяснение отношений шло между «Украинской Советской» и «Украинской Петлюровской». В конечном счете победила украинская советская. Но при этом я замечу, что в руководстве этой Украинской Советской Республики тоже было полным-полно скрытых петлюровцев: тот же Полоз, Шумский, Любченко и т.д., и т.п. ...Основу Организации украинских националистов (ОУН) составили сечевики, то есть те вооруженные отряды, которые возникли еще в 1917 году в период февральско-мартовской революции, которые составили основу армии Украинской Директории. После разгрома петлюровцев они

все двинули на Запад. Многие из них осели именно в Австрии. Так в 1938 году основателем ООН был не кто иной, как Евгений Коновалец. Кто такой Евгений Коновалец? Полковник петлюровских сечевиков. И костяк Организации украинских националистов на первом этапе составляли именно петлюровцы. Вот это надо четко себе уяснить — то есть гносеологию, корни этого всего».

Спицын — много знающий и добросовестный историк. Но он как глубоко советский человек всегда норовит по любому поводу оправдывать и обелять большевиков. Что в данном случае не слишком уместно.

Спицын прав, говоря, что альтернатива перед большевиками стояла простая: Украина либо советская — либо петлюровская. Потому что петлюровщина — это больше, чем стихийное народное движение, которое как возникло, так и растворилось в суете будней. Это капитальная идеология украинской самостоятельности, развивавшаяся нехудошими умами, представителями украинского народа, и мгновенно проявившаяся после падения династии Романовых и свержения Временного правительства в виде Украинской Народной Республики (УНР), возникшей уже 7 (20) ноября 1917 года, когда никакого Петлюры еще никто не ведал. Именно эта идеология оказалась на знаменах Петлюры и петлюровцев в условиях, когда в народе созрело желание свергнуть власть оккупационного режима гетмана Скоропадского, за которым стояла австро-немецкая военная машина, и вместе с тем не попасть вновь под власть России, Москвы. Петлюра был окончательно разгромлен большевиками в союзе с поляками только в 1922 году. Петлюровцы бежали кто куда (большинство на Западную Украину и в Австрию), но идеология осталась. А поскольку немцы тоже бежали вместе с гетманом, то вся ненависть и отторжение обратились в сторону Москвы. И украинская интеллигенция была на стороне этого отторжения.

Так что следовало ли большевикам дать украинцам какую-либо форму государственности и какой-либо, пусть лишь номинальный, суверенитет — это большой вопрос. Спицын уверяет нас, что следовало, иначе импульс петлюровщины тогда не удалось бы замирить, загасить. И Гражданская война продолжилась бы, а на это у Советской власти уже просто не было сил.

В этом есть, бесспорно, своя логика. Но Спицын, по-моему, слегка лукавит. Кто бы на Украине смог тогда, после 1922 года, подняться вновь на Гражданскую войну с советской властью? Разгромленные большевиками Махно и Петлюра

бежали за границу, сечевики убрались в Австрию, недобитые петлюровцы — в Галичину и далее, махновцы, как побитые собаки, расползлись по своим селам и вряд ли захотели бы снова попасть под сабли и пулеметы буденновцев.

И потом: разве большевикам было неизвестно, что такое массовые репрессии и как они проводятся? Достаточно вспомнить расказачивание, проведенное в те же 1918—1920 гг., особенно жестоко — на Дону командармом Ионой Якиром. Или раскулачивание, прошедшее спустя менее чем десять лет во всей стране. Не говорю уж про русофобский геноцид, проявленный чекистами при уничтожении русской биосоциальной элиты.

Нет, не страх возобновления Гражданской войны руководил большевиками, а преступная недалёковидность, непонимание происходящего, глупость и попустительство — больше ничего. Зря большевики создали СССР, зря потом и ввели ее в ООН, заложив предпосылки отделения. Но сделанного не вернешь.

Кроме того, Спицину и иже с ним не уйти от вопроса: в каких границах следовало давать государственность украинцам. И уж тут-то большевикам, на мой взгляд, нипочем не оправдаться. Начать надо с того, что граница между СССР и РСФСР, существовавшая на 1991 год, была проведена немецким штыком в марте 1918 года по Брестскому договору, который большевики подписали и выполняли. При этом немецкий штык вполне осознанно разрезал пополам Область Войска Донского, причем так, что ровно половина казаков оказалась в России, а половина — на Украине (Донецкая и Луганская области). Затем Германия рухнула, и Брестский договор потерял значение, но большевики не стали пересматривать границу. Почему? Да потому, что большинство руководства РСДРП(б) состояло из революционеров-евреев, а для них казаки — это кровные национальные враги испокон веку. Враги, которых надо всемерно ослаблять, а по возможности и уничтожать (вспомним Директиву о расказачивании, изданную Яковом Свердловым). В силу чего Область Войска Донского осталась разрезанной пополам, и та половина, что оказалась на Украине, подверглась в дальнейшем насильственной украинизации. Против чего и восстала в конце концов.

Но этого мало. Как справедливо отметил в одном из своих выступлений Владимир Путин, не кто иной, как лично В.И. Ульянов (Ленин) продал перевод под юрисдикцию Украинской ССР двух независимых русских республик — Донецко-Криворожской Советской республики и Одесской Советской Республики (точнее, тогда уже Одесской области).

Первая из них была организована 18 февраля 1918 года как автономия в составе РСФСР. Такова была воля населения, считавшего себя русским и частью России. Но Ленин в телеграммах, адресованных представителям Совета Народных Комиссаров на Украине, настойчиво требовал «сурового соблюдения суверенитета Советской Украины» и «заботы об укреплении сотрудничества Украинской и Российской Советских республик». Его позицию выразил председатель ВЦИК Я. Свердлов, который 17 февраля, в ответ на телеграмму товарища Артёма (Ф. Сергеева), в которой сообщалось о создании Донецко-Криворожской республики и о выделении ее из состава Советской Украины, непримиримо телеграфировал: «Выделение считаем вредным». История эта завершилась на пленуме ЦК РКП(б) 15 марта 1918 года при личном участии Ленина. Пленум окончательно заявил, что Донбасс является частью Украины. Народ при этом не спросили. (Впоследствии история повторится с передачей Крыма.)

Хочу подчеркнуть, что в состав республики, переданной в дар Украине, вошли территории Харьковской и Екатеринославской губерний (целиком), часть Криворожья Херсонской губернии, часть уездов Таврической губернии (до Крымского перешейка) и прилегающих к ним промышленных (угольных) районов области Войска Донского, город Шахты и фактически всё Левобережье. Столицей республики был в то время Харьков, позднее Луганск. Эти границы республики были заявлены в обращении СНК ДКСР от 06.04.1918. Целая большая самодостаточная страна...

Одесская советская республика возникла в январе 1918 года в результате восстания и боевых трехдневных действий, поддержанных советскими кораблями Черноморского флота. Суверенитет Украины над собой республика в лице Совета народных комиссаров не признала, что естественно, ведь Одесса всегда была русским (на крайний случай русско-еврейским) городом, но никак не украинским. Совет подчинился высшей власти в лице петроградского Совнаркома и советского правительства в Харькове — то есть, по факту, российским властям. Однако 13 марта 1918 года в город вошли оккупационные части австро-венгерской армии, и республика пала. В дальнейшем Одесская область была произвольно введена в состав Украины. Это произошло, поскольку 30 декабря 1922 года на I Всесоюзном съезде Советов, в ходе утверждения Договора об образовании СССР, были установлены границы УССР, в состав которой вошла и Одесса. Которую опять-таки не спросили.

Вот какие огромные куски России большевики за просто так подарили Украине! И что бы ни говорил Спицын, это именно их вина, большевиков, ленинских русофобов-юдократов. Петлюра тут не при чем, позиции петлюровцев на этих именно территориях никогда не были сильны, напротив, преобладали русофилы.

И еще в одном пункте следует слегка поправить Спицына: сечевых стрельцов создала Австро-Венгрия, они под разными наименованиями еще с 1914 года сражались с российской армией, защищая своих австрийских хозяев. Но в ноябре 1917 года полковник Евгений Коновалец собрал из попавших в русский плен сечевиков боеспособный корпус для защиты УНР, который впоследствии и воевал в составе войск Петлюры. Но в одном историк прав: из генеалогии петлюровщины сечевиков, этих присяжных врагов России, никак не вычеркнуть.

Киев в декабре 1918 года

А теперь перенесемся в 1918—1919 годы на Украину, в Киев, чтобы почувствовать ту атмосферу, в которой возникший неожиданно Петлюра получил поддержку миллионов и шанс на создание Украинского национального государства. Обратимся к роману Михаила Булгакова «Белая гвардия», основные действующие лица которого — русские интеллигенты, жившие в Киеве и бывшие свидетелями вначале всех неурядиц гетманщины и немецкой оккупации, а затем триумфального входа «освободителей» — войск украинских националистов, петлюровцев — в столицу Украины. На этих страницах живописано как разложение уже рухнувшей имперской России, так и ярость украинских низов, подобная ярости вырвавшегося из клетки на свободу и почуявшего запах крови зверя.

В Петербурге, Москве — революция, большевистский переворот, вся привычная жизнь сорвалась со скреп. Ужас, ощущение непоправимой катастрофы охватил многотысячные массы, и они стали разбегаться кто куда. Для многих путь лёг на Юг, на плодородную Украину, полную «хлеба и сала», под эгиду австро-немецких эшелонов, в вотчину «приличного человека» — гетмана Скоропадского.

«И вот, в зиму 1918 года, Город жил странною, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии. За каменными стенами все квартиры были переполнены. Свои давнишние исконные жители жалелись и продолжали сжиматься дальше, волею-неволею впус-

кая новых пришельцев, устремлявшихся на Город. И те как раз и приезжали по этому стреловидному мосту оттуда, где загадочные сизые дымки.

Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, которым было поручено не терять связи с тем новым миром, который нарождался в Московском царстве, домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые. Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с покрашенными карминовыми губами. Бежали секретари директоров департаментов, юные пассивные педерасты. Бежали князья и алтынники, поэты и ростовщики, жандармы и актрисы императорских театров. Вся эта масса, просачиваясь в щель, держала свой путь на Город.

Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами. В квартирах спали на диванах и стульях. Обедали огромными обществами за столами в богатых квартирах. Открылись бесчисленные съестные лавки-паштетные, торговавшие до глубокой ночи, кафе, где подавали кофе и где можно было купить женщину, новые театры миниатюр, на подмостках которых кривлялись и смешили народ все наиболее известные актеры, слетевшиеся из двух столиц, открылся знаменитый театр «Лиловый негр» и величественный, до белого утра гремящий тарелками клуб «Прах» (поэты — режиссеры — артисты — художники) на Николаевской улице. Тотчас же вышли новые газеты, и лучшие перья в России начали писать в них фельетоны и в этих фельетонах поносить большевиков. Извозчики целыми днями таскали седоков из ресторана в ресторан, и по ночам в кабаре играла струнная музыка, и в табачном дыму светились неземной красотой лица белых, истощенных, закокаиленных проституток.

Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка. До самого рассвета шелестели игорные клубы, и в них играли личности петербургские и личности городские, играли важные и гордые немецкие лейтенанты и майоры, которых русские боялись и уважали. Играли арапы из клубов Москвы и украинско-русские, уже висящие на волоске помещики. В кафе «Максим» соловьем свистал на скрипке обаятельный сдобный румын, и глаза у него были чудесные, печальные, томные, с синеватым белком, а волосы — бархатные. Лампы, увитые цыганскими шаялями, бросали два света — вниз белый электрический, а вбок и вверх — оранжевый. Звездою

голубого пыльного шелку разливался потолок, в голубых лужах сверкали крупные бриллианты и лоснились рыжеватые сибирские меха. И пахло жжёным кофе, потом, спиртом и французскими духами. Все лето восемнадцатого года по Николаевской шаркали дутые лихачи, в наваченных кафтанах, и в ряд до света конусами горели машины. В окнах магазинов мохнатылись цветочные леса, бревнами золотистого жиру висели балыки, орлами и печатями томно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау».

И всё лето, и всё лето напирали и напирали новые. Появились хрящевато-белые с серенькой бритой щетинкой на лицах, с сияющими лаком штиблетами и наглыми глазами тенора-солисты, члены Государственной думы в пенсне, б... со звонкими фамилиями, бильярдные игроки... водили девок в магазины покупать краску для губ и дамские штаны из батиста с чудовищным разрезом. Покупали девкам лак.

Гнали письма в единственную отдушину, через смутную Польшу (ни один чёрт не знал, кстати говоря, что в ней творится и что это за такая новая страна — Польша), в Германию, великую страну честных тевтонов, запрашивая визы, переводя деньги, чуя, что, может быть, придется ехать дальше и дальше, туда, куда ни в коем случае не достигнет страшный бой и грохот большевистских боевых полков. Мечтали о Франции, о Париже, тосковали при мысли, что попасть туда очень трудно, почти невозможно. Еще больше тосковали во время тех страшных и не совсем ясных мыслей, что вдруг приходили в бессонные ночи на чужих диванах.

— А вдруг? А вдруг? А вдруг лопнет этот железный кордон... И хлынут серые. Ох, страшно...

Приходили такие мысли в тех случаях, когда далеко, далеко слышались мягкие удары пушек — под Городом стреляли почему-то всё лето, блистательное и жаркое, когда всюду и везде охраняли покой металлические немцы, а в самом Городе постоянно слышались глухонькие выстрелы на окраинах: па-па-пах.

Кто в кого стрелял — никому не известно. Это по ночам. А днем успокаивались, видели, как временами по Крещатику, главной улице, или по Владимирской проходил полк германских гусар. Ах, и полк же был! Мохнатые шапки сидели над гордыми лицами, и чешуйчатые ремни сковывали каменные подбородки, рыжие усы торчали стрелами вверх. Лошади в эскадронах шли одна к одной, рослые, рыжие четырехвершковые лошади, и сероголубые френчи сидели на шестистах всадниках, как чугунные мундиры их грузных германских вождей на памятниках городка Берлина.

Увидав их, радовались и успокаивались, и говорили далеким большевикам, злорадно скаля зубы из-за колючей пограничной проволоки:

— А ну, суньтесь!

Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты. Ненавидели по ночам, засыпая в смутной тревоге, днем в ресторанах, читая газеты, в которых описывалось, как большевики стреляют из маузеров в затылки офицерам и банкирам и как в Москве торгуют лавочники лошадиным мясом, зараженным сапом. Ненавидели все — купцы, банкиры, промышленники, адвокаты, актеры, домовладельцы, кокотки, члены Государственного совета, инженеры, врачи и писатели...

Были офицеры. И они бежали и с севера, и с запада — бывшего фронта, — и все направлялись в Город, их было очень много и становилось всё больше. Рискуя жизнью, потому что им, большую часть безденежным и носившим на себе неизгладимую печать своей профессии, было труднее всего получить фальшивые документы и пробраться через границу. Они все-таки сумели пробраться и появиться в Городе с травленными взорами, вшивые и небритые, беспогонные, и начинали в нем приспособляться, чтобы есть и жить. Были среди них исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, — отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них — кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары — выплывали легко в мутной пене потревоженного Города. Гетманский конвой ходил в фантастических погонах, и за гетманскими столами усаживалось до двухсот масляных проборов людей, сверкавших гнилыми желтыми зубами с золотыми пломбами. Кого не вместил конвой, вместили дорогие шубы с бобровыми воротниками и полутемные, резного дуба квартиры в лучшей части Города — Липках, рестораны и номера отелей...

Другие — армейские штабс-капитаны конченных и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов-Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторovich Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на пле-

чах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бежали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку.

Были юнкера. В Городе к началу революции оставалось четыре юнкерских училища — инженерное, артиллерийское и два пехотных. Они кончились и развалились в грохоте солдатской стрельбы и выбросили на улицы искалеченных, только что кончивших гимназистов, только что начавших студентов, не детей и не взрослых, не военных и не штатских, а таких, как семнадцатилетний Николка Турбин...»

Пройдет немного времени, и этот гигантский нарыв лопнет, и содержимое его растечется по свету — кто за рубеж, кто на Дон и Кубань, к Деникину, кто назад — в Питер и Москву искать своего счастья. Но пока что вся эта людская масса служила колоссальным раздражающим фактором для местного населения, которое, глядя на вышеописанных «жидов и кацапов» и на плоды разложения Российской империи, утверждалось в идеях независимости и самостоятельности — подале от «москалей». Вот как рисует всё это зоркий наблюдатель Булгаков, который с весны 1918-го и по февраль 1919 года как раз находился в Киеве и был свидетелем и падения гетманщины, и триумфа петлюровщины.

«...И было другое — лютая ненависть. Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неуголненной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии:

«Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок».

Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город.

И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, — дрожь ненависти при слове «офицерня».

Вот что было-с.

Да еще слухи о земельной реформе, которую намеревался произвести пан гетман, увы, увы! только в ноябре 18-го года, когда под Городом загудели пушки, догадались умные люди, а в том числе и Василиса, что ненавидели мужики этого самого пана гетмана, как бешеную собаку, и мужицкие мыс-

лишки о том, что никакой этой панской сволочной реформы не нужно, а нужна та вечная, чаемая мужицкая реформа:

— Вся земля мужикам.

— Каждому по 100 десятин.

— Чтобы никаких помещиков и духу не было.

— И чтобы на каждые эти 100 десятин верная гербовая бумага с печатью — во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.

— Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий, никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю.

— Чтобы из Города привозили керосин.

Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой чёрт ее не произведет.

Были тоскливые слухи, что справиться с гетманской и немецкой напастью могут только большевики, но у большевиков своя напасть:

— Жиды и комиссары.

— Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!

Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять... А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!

Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях и коморах и не сданных, несмотря на скорые на руку военно-полевые немецкие суды, порки шомполами и стрельбу шрапнелями, миллионы патронов в той же земле, и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне, и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхаузы с шинелями и папахами.

И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы, украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями... Все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей, — и тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции.

Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го!

Вот это было...

Турок, земгусар, Симон. Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж. Просто слово, в котором слились и неутоленная ярость, и жажда мужицкой мести, и чаяния тех верных сынов своей подсолнечной, жаркой Украины... ненавидящих Москву, какая бы она ни была — большевистская ли, царская или еще какая».

Часть романа была опубликована в России в 1925 году, полностью — во Франции в 1927—1929 годах. Воспоминания автора были свежи и точны.

Да, так всё было в 1919 году. Мы просто забыли обо всем этом? Распустили нюни про дружбу и братство, про единый народ? Вот я и напоминаю. Спасибо честному свидетелю Булгакову.

Не совсем прав и Булгаков, конечно: Симон Петлюра в натуре был. Но куда важнее то настроение масс, о котором так точно написал Михаил Афанасьевич и которое-то и сделало Петлюру — Петлюрой. И которое никуда не делось, когда Петлюра слинял.

В Российском Государственном военно-историческом архиве, в фонде Деникина и Вооруженных сил Юга России, с которым я много работал, мне довелось летом 2018 года встретить прелюбопытнейший документ. К сожалению, я не скопировал его, поскольку в тот момент мои занятия этого не требовали, но сильное впечатление осталось. Впрочем, интересующиеся отыщут его без особого труда. Это аналитическая записка страниц этак на сорок, подготовленная для Деникина офицерами его контрразведки, в которой разъяснялось, почему на Украине не принимают белогвардейцев, а украинцы (петлюровцы, махновцы и не только они) бьют их в лоб и в спину. Я читал — и восхищался! Всё знали, всё понимали высоко компетентные в украинском вопросе деникинские офицеры, всё расписали, как есть. Но главное: читая, я словно погрузился в наши дни, настолько зеркально точно отразил текст ровно всё то же самое, чему стали мы свидетелями в годы, предшествовавшие СВО. Ничего не изменилось по большому счету с тех самых пор, когда Петлюра и Махно, вообще-то не дружившие между собой, заключили союз против Деникина и сорвали в 1919 году его Поход на Москву.

Не изменилось основное. Как хирургически точно сформулировал Булгаков: «Чаяния тех верных сынов своей подсолнечной, жаркой Украины... ненавидящих Москву, какая бы она ни была — большевистская ли, царская или еще какая».

Когда в 2014 году разразился Майдан и украинский «Титаник» с нездешней силой попер на российский айсберг, все были просто в шоке, никто не ожидал такого взрыва русофобии и антироссийства, такого накала ненависти и отторжения, неприятия. Но это только потому, что в России все предпочли забыть и не вспоминать события столетней давности, забыть про Петлюру и петлюровщину. Похоже, не хотят вспоминать и сейчас, а потому кое-кто прекраснодушно мечтает

о том, что добрые — братские, дружеские — отношения между русским и украинским народами восстановятся и что произойдет новое воссоединение. Наверное, так думало руководство нашей страны и в 1922-м, и в 1945 году. Но это были лишь опасные иллюзии, которые развеялись, когда пришло время.

Как не наступить на старые грабли

«Столетье с лишним — не вчера», — заметил поэт. Многое забылось, стерлось из памяти русских. Мы забыли, а теперь и знать не знаем, что собой представляла петлюровщина, заразившая за три года всю Украину, и что эта петлюровщина породила потом бандеровщину, а бандеровщина породила современный украинский воинствующий национализм, а тот породил текущую русско-украинскую войну. Но ничего этого бы не было, если бы в свое время большевики выкосили бы петлюровцев, как дурную траву с поля, вытравили бы петлюровщину из умов украинцев вместо того, чтобы потакать украинизаторам, исподтишка, а то и открыто делавшим свое черное дело.

Пора признать: были допущены роковые, ужасные ошибки.

Мы не добились петлюровцев и не искоренили петлюровщину после 1922 года.

Мы не добились бандеровцев и не искоренили бандеровщину после 1945 года.

Мы побоялись большого кровопролития и проявили мягкосердечие, гуманизм. Мы заплатили за это мягкосердечие огромную цену — и платим куда большей кровью, в том числе своей, до сих пор.

Я не сомневаюсь в том, что мы победим нынешний киевский режим. Но меня интересует вопрос: добьем ли мы на этот раз воинствующих украинских националистов? Искореним ли украинский национализм как таковой? Или вновь — уже в третий раз! — наступим на старые грабли, проявив преступную мягкотелость? Ведь, как показывает история, — всё будет впустую: все наши жертвы и усилия, вся пролитая нами кровь будут напрасны, если мы повторим ошибки большевиков-коммунистов, замирявших врага вместо того, чтобы стереть его с лица земли. Чем всё это замирение кончилось, мы теперь хорошо знаем. Гуманизм с треском проиграл прагматизму, приведя к таким кровавым, антигуманным последствиям, каких и в страшном сне было не увидеть тем самым гуманистам.

Вот мне и хочется спросить президента Путина: понимает ли он, перед каким выбором его ставит история? Понимает ли, что если не выбрать из украинской почвы все до единого зубы дракона, они вновь через какое-то время дадут убийственные всходы?

Путин, словно отвечая мне на этот вопрос, сказал Карлсону: «Я говорю, что это часть общего русского народа, но они говорят: нет, мы отдельный народ. Ладно, хорошо. Если кто-то считает себя отдельным народом, имеет на это право. Но не на основе нацизма, нацистской идеологии».

Но ведь по-другому не будет! Не может быть по-другому! Зачем обманывать себя? На какой еще основе может утвердить себя народ, еще сто пятьдесят лет тому назад считавшийся частью русского, как не на почве тотального вытравливания русскости в себе? Уничтожения Русского мира в себе и вокруг себя, к чему, не скрываясь, призывают в Киеве?

Петлюра и Бандера вновь воскреснут, если не будут истреблены, сведены под корень их последователи, которые сегодня насмерть бьются под их знаменами и с их именами на устах. Вот и спрашивается, по плечу ли Путину задача, которую не смогли решить ни Ленин, ни даже Сталин? А ведь решить надо, если мы не хотим, чтобы всё повторилось, только в худшем варианте.

В Кремле заверяют, что цель денацификации Украины никто не отменял. Но понимают ли в Кремле, что это слово значит, к каким мерам обязывает? Кратко набросаю несколько тезисов, чтобы прояснить этот вопрос.

Итак, что значит денацификация в переводе на язык конкретных дел? Мне уже приходилось довольно подробно писать об этом. Здесь я отвечаю на тот же вопрос кратко, конструктивно. Рациональная, как мне кажется, программа денацификации Украины насчитывает пять пунктов. Вот они.

1. Физическое истребление всех наиболее ожесточенных, упёртых сторонников украинизации и дерусификации Украины, противников Русского мира. Это наши непримиримые, последовательные, глубоко мотивированные враги. Сейчас, пока идет война, которая может списать любые человеческие жертвы, это удобно сделать прямо на поле боя. В мирное время это будет сделать почти невозможно. Это значит, что для армии должна быть поставлена первоочередная задача: разведка должна выяснять конкретно, где располагаются отряды украинских националистов типа «Азова», «Айдара», «Правого сектора» и проч., чтобы прицельно стирать именно их с лица земли как представляющих для будущей России (да и Украины тоже) наибольшую угрозу.

А что с ними, уцелевшими, делать, когда война закончится? Куда их девать? Перевоспитать их нечего и думать (если не смогли перевоспитать петлюровцев и бандеровцев, которые спустя пятьдесят—сто лет добились ослепительного реванша, то при нынешних масштабах тотального всеокрушающего противостояния глупо было бы надеяться на что-то иное). Расстрелять всех участников подобных формирований мы тоже не сможем, это ясно, увы. Отправить их всех на пожизненное? Во-первых, это не получится без суда, а судом будет невозможно осудить всех, не поменяв задним числом законодательство. А во-вторых, содержать целую армию на пожизненном — невозможно, разве что на каторге, которой в России нет.

Я считаю, что необходимо будет отделить Западную Украину, отграничив ее стеной наподобие Берлинской, создав на той территории своего рода заказник украинского национализма. Куда нужно будет систематически выселять всех выявленных националистов без суда и следствия, административным порядком. Поскольку после войны придется всё равно проводить тотальную люстрацию и проверку на лояльность новой власти, как это делалось в послевоенной Германии, равно Западной и Восточной. Технология известна.

При этом, чтобы в этом заказнике, «гадюшнике для гадюк», хватало проблем, отвлекающих от противостояния с Россией, следует часть той территории отдать полякам, часть венграм, часть румынам, а часть, возможно, белорусам. Но только именно часть, а не всё, на что те претендуют. Тогда в Галичине начнется нескончаемая эра разборок и претензий с западными соседями, и будет не до войны с Россией.

Мне возражат, что если оставить националистам хоть клочок «своей» земли, он будет немедленно милитаризован Западом до последней степени и превращен в плацдарм, нацеленный на нас. Пардон, а чем этот небольшой кусочек суши, отрезанный от морей, страшней для нас той же Польши, тысячелетнего врага, или Румынии, или Германии? Как писал Блок — «одной слезой река шумней», эка невидаль! Зато и прихлопнуть, если что, одним ударом можно будет, притом на достаточном удалении от российских границ, чтобы свои не пострадали.

Главное, что нужно понять: мы не можем оставлять в теле будущей Украины, а тем более будущей Новороссии как законной части России раковые клетки петлюровщины-бандеровщины. Иначе всё пойдет по уже известному, дважды повторенному сценарию, и третьего раза Россия может просто не выдержать. Людей русских не хватит.

Итак, всё, что останется после отделения Западной Украины, должно быть жестко и бескомпромиссно зачищено от националистов, т.е. денацифицировано.

2. Важным направлением денацификации Украины, ни с чем не сравнимым по своему агитационному значению, должны стать судебные процессы над нацистскими преступниками. Необходимо соблюдать при этом максимальную гласность.

За образец должна быть взята Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, созданная в ноябре 1942 года. В задачу ЧГК входил «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области». Акты и сообщения ЧГК были представлены на Нюрнбергском процессе и послужили одним из важнейших доказательств обвинения. А на территории СССР суды над нацистскими преступниками шли по местам их «подвигов» — по городам и селам, где они лютовали. Их судили там открытым судом, иногда прямо на улице, и назначали наказания, часто казнили публично — через повешение; остальных присуждали к каторжным работам.

Аналогичные судебные процессы над участниками нацбатов и другими украинскими военными преступниками (и наемниками!) должны пройти на территориях, где они творили свои преступления. Привлекать к работе Комиссии следует общественных деятелей, депутатов, гуманитарную интеллигенцию. А российская пропаганда должна неустанно рассказывать всему миру об их злодеяниях, которым нет прощения. При этом необходимо скомпрометировать саму идею укронацизма и русофобии. Преступным должно быть признано само пребывание в составе нацистских формирований, по аналогии с пребыванием индивида в ранге «вора в законе».

Для такого случая не мешало бы восстановить смертную казнь, применив ее к главным преступникам, как в Нюрнберге. А к преступникам уровнем ниже применять длительные сроки заключения.

Русофобия, обесценивание Русского мира, прямая борьба с ним должны, наконец, найти отражение в Уголовном кодексе России, должны стать вне закона.

3. Итак, кто-то из ярых украинских националистов, участников запрещенных формирований отправится на зону, кого-то будут использовать на принудительных работах по восстановлению разрушенных городов и сел, пострадавших в ходе спецоперации, кто-то уедет или будет депортирован в Галичину. Но что делать с многими сотнями тысяч, если не миллионами скрытых бандеровцев, «ждунов» и «спящих», которые не попадут под антинацистский трибунал? Какой должна быть судьба тайно ненавидящих Россию украинцев, этих новых петлюровцев?

Разумеется, на Украине должен действовать жесткий запрет любых петлюровско-бандеровских партий и организаций, тотальное блокирование даже только потенциальных реваншистов. Совершенно необходим снос памятников Петлюре, Бандере и всем петлюровцам и бандеровцам, стирание их имен из топонимики, уничтожение символики, запрет на реваншистскую идеологию и риторiku. Напротив, нужна установка памятников борцам с бандеровцами и жертвам бандеровцев, переименование населенных пунктов, улиц и площадей в их честь. И т.д.

Однако партии запретить легко, но куда деть их живых сторонников — носителей петлюровско-бандеровской идеологии?

На этот вопрос отвечает опыт послевоенной Германии, который заключался, в частности, в регулярном и обязательном заполнении бесчисленных анкет, кто кем был и что делал за последние 30 лет. Тем, кто не запятнал себя службой нацистам, должна, как в свое время немцам, выдаваться «справка об очищении». Разумеется, параллельно должны проходить публичные процессы с актами саморазоблачения и покаяния пособников режима, проводников его жестоких и незаконных деяний. Пусть осознают свой грех братоубийства в полной мере.

Быть может, одним из главных условий конечной морально-политической победы России должно стать максимальное вовлечение всего населения в процессы следствия и суда над укрофашизмом, над бандеровщиной. Изобличение преступников, выдача их властям должны массово происходить по инициативе самих граждан, пусть негласной. Каждый порядочный украинец должен приложить руку к очищению нации. Это сплотит сторонников России и отрежет им путь к отступлению.

Вся эта практика — на десятилетия, пока не вырастут внуки нынешних укров.

Тем, кто проявит стремление к исправлению, может быть предоставлена возможность жить и работать на подконтроль-

ных России территориях. Остальных надлежит беспрерывно и неукоснительно депортировать в Галичину, чтобы очистить страну от фашистского отребья.

4. Одним из основных направлений денацификации должна стать рерусификация. На Украине в течение тридцати лет проводилась обратного рода политика дерусификации. Необходимо устранить все ее последствия, восстановить все позиции русского языка, литературы, культуры, истории на всем пространстве, подконтрольном России, будь то области, имеющие желание войти в ее состав или же оставшиеся в буферном марионеточном государстве между Галичиной и Россией. Обязательно нужно придать русскому языку статус государственного, а уж он сам сумеет постоять за себя и за нас. Обаяние русского языка, русской культуры настолько велики (потому-то укрофашисты их и запрещали, подвергали гонениям), что веками выполняли роль скрепы между нашими народами и могут делать это еще века.

Что касается мовы, ее изучение нельзя запретить, пока будут в массовом виде существовать желающие учиться ей в школах и использовать в быту. А таких явно очень много. За образец надо взять белорусскую систему: в школах имеются классы с изучением белорусского языка, но детей туда записывают не скопом, а только по желанию родителей. Кто хочет — учится только на русском, кто хочет — на русском и белорусском. По-моему — очень демократично и справедливо, правильно. Но специально и усиленно поддерживать на государственном уровне сохранение, использование и развитие украинского языка, как это делала советская власть, конечно же, не следует. Мы знаем, чем это кончилось. Если украинцы желают говорить и писать на мове, учить ее в школах и вузах — ради бога, препятствовать никто не станет. Но и настаивать на этом — тоже. А русский язык свое возьмет.

5. Для массовой денацификации потребуются усилия контрпропаганды — без преувеличения титанические и многолетние. Нужны будут специальные радио- и телестанции, днем и ночью вещающие на Новороссию, Украину (остаточную) и Галичину, как некогда на СССР вещали «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» и др. Этим вещанием должны руководить грамотные русские специалисты. Информационная война на попроще денацификации Украины должна будет стать важным направлением государственной политики России.

Само собой, должны быть уничтожены, стёрты с поверхности жизни все идейные предпосылки возрождения украинского национализма — начиная со школьных и вузовс-

ких программ и учебников и кончая зачисткой библиотек, центров информации, и люстрацией среди учителей, преподавателей, профессоров, научных работников и сотрудников СМИ и любых органов пропаганды. Необходимо введение единых учебников по истории, обществознанию и литературе, где версия украинской истории будет очищена от националистического, антироссийского и русофобского душка. В послевоенной Западной Германии история XX века вообще не преподавалась, была как бы предана забвению. И на пустое место, оставшееся после исключения курса истории, пришли мифы, досужие пересуды обывателей, и в результате сегодня мы видим, как немецкий фашизм вновь поднял голову. Нам нужно будет дать нашу версию истории, сделав ее обязательной.

В любом случае необходимо решительно и глубоко вмешаться в вузовскую гуманитарную науку Украины, которая десятилетиями создавала духовную, интеллектуальную базу для украинского национализма. Должна быть экстренно создана система переподготовки и денацификации учительского персонала как средней, так и высшей школы, нужна тотальная замена учителей-националистов на учителей-антифашистов (условно говоря), настоящая кадровая революция.

Культура — культурой, а политпросвет тоже имеет значение. Отдельный разговор — зачистка в тех институтах, что останутся на месте бывшей украинской армии, то же и в полиции. С моей точки зрения, задача демилитаризации Украины требует ликвидации украинской армии и СБУ вообще как таковых и замены их военными базами России (по образцу военных баз США в демилитаризованной Японии). Аналогичные перемены нужны в разведке и тайной полиции, где все полномочия следует передать соответствующим службам России и ЛДНР. Соответственно, необходим подконтрольный России и пророссийский по духу Главпур, работающий с молодежью.

Оккупация и раздел Украины — осознанная необходимость

Задача денацификации обязательно потребует долгого внешнего управления Украиной со стороны России, потому что по своей воле Украина сама себя никогда не денацифицирует. Власть на Украине необходимо радикально поменять, неважно каким путем, демократическим или нет. Нам нужны наместники России, свои генерал-губернаторы, и никак иначе.

Но где брать этих наместников, с чьей помощью Россия сможет управлять Украиной, ходом ее денацификации? Кто гарантирует нам успех на данном поприще?

Необходима тотальная люстрация, зачистка всех освоенных территорий Украины, замена всех руководящих кадров с опорой на пророссийское население. Нельзя повторить ошибку большевиков, допустивших к работе в советских органах всевозможных грушевских, полозов, любченков, шумских и тому подобных явных или скрытых заукраинцев петлюровского толка. Новую украинскую политическую элиту придется выращивать с нуля, это неизбежность. На прежнюю надеяться нечего. Януковичи, азаровы, медведчуки — отыгранные карты, такая власть будет скомпрометирована, еще не начав работать.

Поначалу кадры для руководства можно находить среди российских грамотных историков и политологов, хорошо знающих украинские расклады, ориентирующихся в проблематике. Безусловно, кадровый резерв со знанием местной специфики и пониманием задачи найдется в республиках Донбасса. Можно обратиться к влиятельному белорусскому Республиканскому общественному объединению «Белая Русь», стоящему на платформе триединства русского народа. Оно правильно политически ориентировано и могло бы поставить какое-то количество кадров, приемлемых для украинцев, традиционно воспринимающих белорусов вполне терпимо.

В первую очередь, стоит поискать надежные кадры среди активистов Русского движения. Резервом кадров являются также те украинские граждане, что были вынуждены бежать от нацистского режима, прежде всего — представители Русского движения на Украине, которых было немало еще в начале 2010-х годов. Кому, как не им, сводить счеты с врагами-бандеровцами и обустривать свою Родину!

Социальная база денацификации постепенно будет меняться в лучшую сторону, количество наших сторонников будет расти, если удастся поменять власть в подконтрольной русской части Украины и справиться с задачей рерусификации. Но на это потребуются десятилетия. Только наличие твердой антифашистской власти, опирающейся на силу, даст возможность большинству населения поверить в перемены и встать на сторону этой власти, ведь люди всегда тянутся к силе.

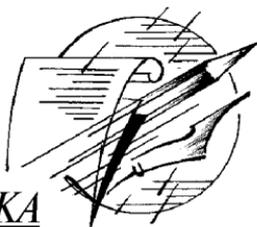
Галина ХМЕЛЕВСКАЯ,
доктор культурологи

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ ИСТОРИИ

Глубинное знание законов мироздания гласит, что определенные следствия вызываются определенными причинами... Учитывая это, нельзя не осознавать, что все современные невероятные для русского сознания явления на Украине имеют свои гены еще в истории Киевской Руси. Сейчас, в конце эпохи материализма, эти гены лишь во всю мощь проявляются...

Действительно, нельзя же все современные извращённые и инфернальные явления на Украине объяснить лишь 32 годами господства США и Запада, этих форпостов частнособственнического мира планеты Земля. Ведь закон мироздания, гласящий, что подобное притягивается подобным, никто отменить не в силах! Следовательно, в сознании, подсознании, психике населения южно-поднепровской части уже Древней Киевской Руси должны были зародиться те «духи» или фурии, которые с такой страстью отозвались на пропаганду ценностей Запада.

Поэтому для понимания истории и будущего выстраивания отношений с этой частью Русского мира, на что Россия обречена геополитически, не допустимо не учитывать и другие объектив-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ные факторы, кроме генетического родства славян. А именно то, что кроме кровного родства и религии, христианства, все другие константы цивилизационно-культурной жизни в Южной и Северо-Восточной части когда-то единой Киевской Руси радикально отличаются, **даже противоположны**. Нелепо и опасно продолжать игнорировать этот факт, не учитывать все неотвратимые и непреодолимые последствия действий силы вещей, так как даже малые ошибки в проекте могут превратить всё здание в руины...

В свете данных современной науки об истоках формирования цивилизационно-культурных и духовных различий народов, развилку исторических дорог Южной Руси, Малороссии и Великороссии или России следует искать не только в различии природных условий двух регионов, давно раскрытых русскими историками, но и в этнической динамике двух частей славяно-русского этноса, некогда единого.

Многие исследователи, искавшие истоки генезиса феномена мифологии «украинства» и наблюдавшие «украинцев» не издавна, а непосредственно, давно отметили, что в современных украинцах были ассимилированы большие массы степных кочевников еще со времен нашествий на Древнюю Русь кочевников степи. В написанной в 1924 году книге А. Царинный (А.В. Стороженко) пришел к выводу, что «Украинцы» — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит всё русское... Слова: *Русь, русский, Россия, российский* — действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно его раздражают названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский*... Нам не встречалось ни одного «украинца», который захотел бы выслушать научное объяснение этих названий, обозначающих, что Русь, собравшаяся в X веке около Киева, была исходной Русью, прародиной всего русского племени...

Как же понять такой парадокс, что русские ненавидят свою «русскость» как что-то им чуждое и отвратительное?

Мы полагаем, что это странное явление может быть объяснено только тем, что население Южной Руси в расовом отношении оказалось смешанным. Русское в своей основе, оно впитало в себя кровь целого ряда племен, преимущественно тюркского происхождения: хазар, печенегов, таких мелких народцев, как торки, берендеи, ковцы, известные под общим именем черных клобуков (каратулей), половцев, татар, черкесов. Все эти племена скрещивались здесь с русскими и оставили свой след в физических и психических особенностях южнорусского населения. Наблюдения же над смеше-

нием рас показывают, что и в последующих поколениях могут рождаться особи, воспроизводящие в чистом виде далекого предка чужой крови...

Знакомясь с деятелями украинского движения, начиная с 1875 года, не по книгам, а в живых образах, мы вынесли впечатление, что «украинцы» — это именно особи, в которых воспроизведены черты чужой тюркской крови, стоявших в культурном отношении значительно ниже русской расы. Возьмем, например, таких известных «украинцев», как покойный Орест Иванович Левицкий (Левко Маячанец) или Владимир Николаевич Леонтович (В. Левенко).

Наблюдая цвет их смуглой кожи и густо-черных волос, выражение их лица, походку, жесты, речь, вы невольно думаете: вот такими, наверное, были тюрки, что поселились под Переяславом-Русским и «ратились» на Русь, или берендеи, основавшие нынешний Бердичев... Среди наблюдавшихся нами «украинцев» такие типы составляли подавляющее большинство. По убедительным исследованиям антропологии, известно, что в низших расах воплощаются нравы и духи тоже низших качеств. Отсюда становится понятным, почему «украинцы» отличаются обыкновенно тупостью ума, узостью кругозора, глупым упрямством, крайней нетерпимостью, гайдамацким зверством и нравственной распушенностью...

Такие свойства низшего духа в полной мере были присущи и самому украинскому святому и пророку Тарасу Шевченко. Поэзия его действует на души его поклонников не возвышающим, а понижающим образом. Она не смягчает их, не облагораживает, не вызывает в них возвышенных, нежных, добрых чувств, а, напротив, огрубляет, развращает, озверивает...

Следовательно, «украинская идея» — это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто говорится о тюркских кочевниках, что они «заратишася» на Русь, то есть пошли ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь — в области культурной: они хотели бы стереть всякий след «русскости» в исконной, сердцевинной, Малой Руси. Всё русское для них — предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения.

«Украинское движение» с начала XX века сделалось орудием политических интриг против России, главным образом со стороны Венского кабинета, который строил планы включить богатейшую Южную Россию под названием «Украина» в состав Придунайской монархии. Возбудителями и проводниками такой идеи являлись польские политические деятели в Галиции.

Затем роль Австро-Венгрии приняла на себя Чехо-Словакия. Воспитывая на свой счет украинских янычар в лице разных будущих педагогов, агрономов, химиков, техников, шоферов, машинистов и тому подобных «демократических» деятелей, она рассчитывает иметь в них передовую рать, которая поможет ей «украинским» коридором связаться с заветной областью пшеницы и сахара, угля и железа, меди и каменной соли — для сбыта товаров чешской промышленности и для получения южнорусского сырья...

Однако важны в этом вопросе и особенности цивилизаций, возрождающихся в Северо-Восточной, Волго-окской и Южной, Поднепровской частях Руси. Надо учитывать, что после освобождения от ига Орды, **все** цивилизационные компоненты, **все** общественные институты — от технологий земледелия, форм собственности, политической власти и ценностей культуры, — **все** они получили в них разное направление.

Сравнительный анализ и история показывают, что в силу низкой урожайности на суглинках и супесях Русской равнины уже к XIV в. земледельцы были вынуждены отказаться от частного владения и распоряжения своими пахотными землями и передать в общую собственность общины. Вот в силу чего в Великороссии возникла общинная форма собственности, в которой до Витте-Столыпинских реформ на рубеже XIX—XX вв. жило и трудилось 80 % населения Великороссии — русских земледельцев, крестьян. «На Западе Европы от общинной собственности земледельцы переходили к частной... Во всех же регионах России, наоборот, — от свободного захвата земли перешли к общинной форме собственности. **Только в Малороссии**, как и на Западе, свободное занятие земли развилось в **частное**». Это различие было обусловлено более благоприятным климатом и мощными черноземами Южной части Руси.

Надо разъяснить, что русские крестьяне имели и возделывали пашню также индивидуально, но они добровольно отказались от права распоряжения — права продажи, дарения и залога земли, так как это открывает возможность ее потери... Что в неблагоприятных условиях России вело бы к быстрому разорению большей части крестьянских хозяйств. Отказом от права распоряжения (продажи, залога, дарения) русский пахарь защищал себя от потери пахотного надела земли и, следовательно, от разорения.

Не так обстояли дела в Южной, Поднепровской Руси. Здесь, в силу более благодатного климата, более подобного климату стран Западной Европы и наличию мощных черноземов все эти права частного собственника сохранились, об-

щина русского типа, как собственника земли, не сложилась. А из этого факта следует, что на юге Руси в течение столетий не действовали все уникальные черты общины, формировавшие дух и ценности русского крестьянства — основной массы великороссов.

В Малороссии земледельцы не знали **переделов пахотной земли** по уравнительно душевому принципу, состоявших в безвозмездной отдаче лишних наделов новым семьям общины. А именно переделы земли формировали у великоросского крестьянства способность к самоограничению и **отдаче** ради жизни другой семьи, сохранения мира и порядка в крестьянской общине.

В Великороссии налоги и подати государству выплачивала община в целом как социо-экономическая органическая единица, а не каждый отдельный двор самостоятельно, как на Западе Европы. Преимущества, гуманность русской общины состояли в том, что, распределяя повинности по дворам самостоятельно, община имела возможность щадить слабых и бедных, не допускать до разорения. Она обязывала крепкие дворы из своих излишков сообща доплачивать недоимку за слабые дворы... В силу этого правила крестьянин-общинник великоросс не противостоял в одиночку государственному чиновнику, помещику, природным стихиям и превратностям судьбы, подобно европейскому или малороссийскому частным собственникам, которые выживали самостоятельно. Это роднило земледельцев Малороссии с земледельцами Запада Европы, но отдаляло и разделяло с русскими крестьянами и русским народом в целом...

Не трудно увидеть, что эти различия неизбежно рождали разный характер социума и разную психологию народов.

Все особенности общины: переделы земли, круговая порука и взаимные «помочи» при масштабных работах имели в своей основе **самоограничение и отдачу** ради другого человека и семьи, общих интересов союза крестьян, ради поддержания христианской справедливости, мира, порядка и безопасности в общине. Это совершенно иной социальный и духовный принцип жизни по сравнению с частнособственническим, сложившимся в Малороссии. Бесспорно, что общинный социум и мораль формировали совершенно другую психику у основной части русского народа, чем у населения Южной Руси. Именно здесь, в общине, а также в государственной собственности, собранной в период «собирания и освобождения Руси» от ига Орды Великими Московскими князьями лежат истоки формирования национального характера великоросса — нестяжательность, аскетизм, терпе-

ливость, великодушие, жертвенность, доброта, доверчивость, стремление к высоким целям. Не сложно понять, что в основе этих ценностей, стремлений и черт национального характера великороссов лежит способность к самоограничению и отдаче. Последние качества и составляют основу самого духа великорусской части русского народа — его духовности. А все иное — не от него возникает!

И этим роль общины как собственника в формировании русского духа не исчерпывалась! Тайная сила общины, тяга к ней крестьян России, ее поддержка единым **центром** власти заключалась в возможностях общинного самоуправления! На огромных заснеженных просторах России, когда царь далеко, а Бог — высоко..., именно община, без судов и судей делила семьи, выносила наказания за целый ряд нарушений; выполняла социальные и государственные функции, досматривая стариков и детей-сирот... Всем миром, «помочами» крестьяне осуществляли крупные работы — строили избы, дороги, мосты, расчищались участки земли... Община, а не государство, создавала каждому крестьянину социо-культурную и цивилизационную среду, обеспечивала целостность и полноту жизни, безопасность и защищенность каждой семьи, каждого двора, хозяйства этим живым и более мощным, чем отдельный двор, **миром!** Тем миром, на котором и ради которого и «смерть красна!»

Государству же и обществу в целом крестьянское общинное хозяйство, фактически заменяя роль государства, сберегало огромные средства, которые центр мог направить на оборону страны и другие нужды...

Зная и учитывая эти особенности жизни крестьян России и Южной части Руси, можно ли по-прежнему твердить о единстве Русского мира в России и на Украине? Как могли не повлиять такие глубинные различия жизни великороссов и малороссов на коды жизни созданных ими цивилизаций? На их национальный характер и менталитет, систему ценностей, на взаимные отношения?

Сама история стран Запада и России показывает, что на основе частной собственности складываются разные институты, менталитет, психика и мораль народов; **разные** идеалы, ценности и стремления. **Здесь лежат истоки разного духа народов:** на Западе — стяжание, индивидуализм, эгоизм, отчуждение... В России — отдача, взаимопомощь, отзывчивость на чужую боль, страдания и несправедливость...

Но нелепо винить европейцев и украинцев в этих различиях с нами. В силу того, что частная собственность ставит человека один на один с природой, лишает защиты общины,

взаимопомощи и поддержки, держит его в постоянном страхе и напряжении от возможности потерять собственность, — в силу этого у него неизбежно рождается стремление к стяжанию, сужается кругозор, интересы замыкаются на себе и занижаются, мельчают цели. Для частной собственности все эти качества имманентны!

Из органической связи всех институтов, ценностей и идеалов каждой цивилизации следует, что эти особенности экономической жизни Южной Руси не могли не повлиять и на форму государственности в ней.

Здесь надо вспомнить историю. Именно слабость политического центра власти — Киева стала одной из главных причин гибели всей цветущей цивилизации Древней Руси, состоявшей из Поднепровской и Волго-Окской, Северной Руси! Слабость власти «Золотого киевского стола» заключалась в 1) отсутствии у Старшего киевского князя государственного фонда собственности; 2) отсутствии общины и общинного самоуправления; 3) отсутствии единого госаппарата, 4) отсутствии внутренних военных сил; 5) отсутствии регулярной армии. Из совокупности этих слабостей Киевского центра власти в Древней Руси проистекало и бессилие перед усобицами удельных князей-собственников, разорявших и ослаблявших Древнюю Русскую цивилизацию изнутри и подготавливавших ее разгром и завоевание Ордой кочевников.

Не трудно понять, что располагая Киев в XIII веке этими институтами и средствами мобилизации сил и ресурсов, Древнюю Русь не постиг бы такой сокрушительный разгром, не постигли бы потеря стольких людей и многовековое унижение, изнурение и истощение Ордой кочевников.

Показателен и тот факт, что после освобождения от ига Орды единый центр власти русского народа сложился не в Киеве, а в Северной части Руси — в Москве!

Итак, в этом государственно-направлении также произошла развилка дорог истории Велико-россии и Мало-россии. Следовательно, вовсе не «рабское сознание великороссов» и не подражание ханам Орды вызвало к жизни единый политический **центр** силы и власти у русского народа. Он возник из потребности русского народа выжить в суровых условиях природы, сбросить чужеземное иго, реализовать свои цивилизационно-культурные и духовные потенции в мире.

Перед новым государственным центром, Москвой, стояли иные, более трудные задачи, чем у государств на Востоке или на Западе. Имея скудный совокупный прибавочный продукт и при этом постоянную нужду в мобилизации средств на обо-

рону, новый политический центр власти — Москва — нередко был принужден изымать у землепашцев и других сословий России часть необходимого продукта для выживания. А значит, для сохранения и развития цивилизации. В таких условиях, для такого изъятия ресурсов и требовались особые качества и права у центра власти. Равно как и другие институты собственности и качества народа, нежели на Западе Европы или в цивилизациях Востока.

Поэтому в России сложилось и то, и другое — и единый центр власти, и государственный фонд собственности, который формировался с первого Великого князя Москвы — Ивана Калиты, и общинная собственность, и самоуправление у крестьян... Они и требовали и формировали одновременно самоограничение и отдачу от всех сословий великороссийского общества...

Из истории России известно, что ни разу освобождение и прорывное развитие русской цивилизации не было осуществлено на основе частной собственности. Напротив, неоднократные попытки частнособственнического реформирования России вызывали социальные катаклизмы, порождали раскол в обществе и ставили Русскую цивилизацию на край гибели...

Однако ни сильный центр власти, ни государственная и общинная формы собственности не сформировались в Южной Руси, в Малороссии — это факт истории! Но он до сих пор не учитывается политиками и учеными.

Известно, что само возрождение Малороссии началось только после победы Москвы над Ордой. Политически же Киев оказался бессильным и переходил то под власть Польши, то под власть Литвы... Что же мешало малороссам сформировать столь же сильный центр власти, каким стала Москва?

Из вышеизложенного очевидно, что этому препятствовало этническое перерождение малороссов и давление частнособственнического индивидуализма, стяжательности, эгоизма и эгоцентризма в их сознании и характере — имманентных частной форме собственности.

Известно отличие власти европейских правителей от Верховной власти, сложившейся в Великороссии. На Западе Европы — в мире частной собственности, естественно господствовали крупные частные собственники. Короли здесь не были самодержавными властителями, а лишь ставленниками крупных частных собственников и их заложниками одновременно. Правители здесь выполняли волю собственников, а не служили интересам народа. Веками западные

собственники-аристократы возводили на трон королей со словами: «Мы, которые стоим столько же, сколько и вы, и которые могут больше, чем можете вы, мы назначаем вас нашим королем и сеньором (старшим) при том, что вы будете соблюдать **наши** привилегии. А если нет — мы снимаем вас с этой должности. Точно так же выбирала королей и шляхта Польского сейма... Следовательно, на Западе крупные собственники выбирали и ставили себе королей, которые присягали и подчинялись собственникам, а не собственники присягали и подчинялись королю.

В Малороссии черты частнособственнического менталитета были ярко выражены у казачьей старшины, гетманов и у остального населения, в том числе и у крестьян, распорядившихся своими «грунтами». Русского духа — как самоограничения и отдачи ради общего блага для создания единого сильного политического центра и обеспечения подлинной «незалежности», здесь явно не хватало! Политическая история Украины и даже принятие подданства России говорят об этом. На взгляд русского — оно и трагикомично, и горестно, но весьма поучительно для современников.

История свидетельствует, что после многочисленных обращений гетмана Б. Хмельницкого к русскому царю о принятии казачества «под высокую руку православного государя», сам он и вся казачья верхушка сразу же или забыли, или вовсе не понимали и были не способны усвоить особенности жизни России и власти в ней! Не понимали, что милость Москвы, русского царя, «надо помнить и великому государю служить». То есть — что для получения защиты со стороны Москвы придется себя ограничивать! Что ради спасения Малороссии, надо следовать коду жизни России, ограничить стяжание, мечты о независимости, тем более придавить алчность, произвол, эгоизм и эгоцентризм...

Однако документы показывают иное. Получив наконец-то согласие царя Алексея Михайловича на присоединение Малороссии к России, втянув Россию в 30-летнюю войну с Польшей, сам Б. Хмельницкий и казачья старшина чего-то страшно испугались! Перед самой присягой, 6 января 1654 г. гетман Б. Хмельницкий и казачья верхушка с чего-то вдруг засуетились и начали тянуть с присягой русскому царю... Оказывается, поступая под защиту России, русского воинства и государства, они требовали присяги царя о сохранении всех их привилегий и «маетностей» (частных владений)! То есть действовали подобно западноевропейским и польским частным собственникам, требуя себе присяги русского самодержавного царя! Русское посольство было поражено та-

кой наглостью: «Великий государь по вашему многократному челобитью изволил вас принять под свою высокую руку... И вам эту милость надо помнить, великому государю **служить**, а польских королей в образец русским самодержцам ставить не пристойно... потому что подданные обязаны присягать своему государю...»

Еще ярче «фурии частного интереса» проявились у киевского духовенства, которое упорно уклонялось от присяги Москве, стремясь остаться под властью константинопольского патриарха и т.д. При этом оно без стыда пользовалось случаем и щедростью русской, старалось выклянчить у Москвы как можно больше благ... На намерение же Москвы возвести крепость «для защиты от черкес и поляков» на церковных землях митрополит начал вопить и угрожать! Заявил, что будет «биться» с посланниками Москвы за свои земли; угрожал, что «над ними скоро конец будет».

Установлено также, что митрополит и сам гетман Б. Хмельницкий, присягая Москве, лгали царю и России, сохраняя и турецкое подданство...

А Россия, в течение полувека, до измены Мазепы, была измотана непрерывными гетманскими интригами, изменами, казачьими путчами. Изменяли все гетманы — И. Выговский, Ю. Хмельницкий, И. Брюховецкий... Длительное время Москва не получала из Малой Руси в казну ни копейки.

Метод борьбы состоял в постоянных лживых доносах самих казаков-запорожцев против московской администрации, жалобах на притеснения якобы со стороны наших воевод... В то время как злоупотребление властью, взяточничество и казнокрадство процветали и стали источниками всех крупных частных богатств в Малой Руси, сколоченных уже после присоединения к России. Сами гетманы были величайшими стяжателями... Но всех превзошел Мазепа, который довел край до такого истощения, что генеральная канцелярия обратилась в Москву уже за дотациями... Там объяснили, что «доходы Малороссии остаются за гетманами, старшинами и полковниками и что бить челом о деньгах в Москву стыдно...»

Казачье же буйство было опасно своим предательством — соединением со своими же внешними врагами — с татарами или поляками. Казаки играли на том, что Москва была еще слаба после Смуты 1604—1612 гг., и ей приходилось уступать им... Многие государственные люди в Москве порой теряли терпение в этой подлой игре и приходили к мысли отказаться от Украины. Так считал, например, знаменитый государственный А.Л. Ордин-Нащокин. Своими изменами и путчами казаки настолько ему опротивели, что он открыто

высказывался о лишении Украины русского подданства. Но царь Алексей Романов приходил в ужас от мысли отдать православный народ Малороссии на растерзание католикам или магометанам...

Таким образом, между Россией и Украиной как цивилизациями встали объективные природные факторы и институты — разные формы собственности и формы политической власти; в идентичности великороссов и малороссов под влиянием этих факторов и институтов сложились разные формы ментальности и духовности, которые носят также объективный характер...

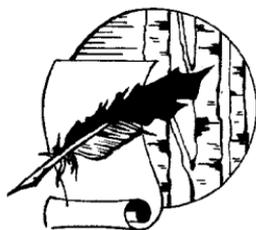
Представляется, что из этих объективно заданных развилок на дорогах истории Украины и России от Украины идут все черты, подобные западному миру — неблагодарность, хамское оплевывание своих действительных благодетелей как в прошлом, так и настоящем — царя, Москвы, России, русского народа, «москалей»; клевета против них, ложь, искажения и извращения истории...

Такое поведение нужно для оправдания собственной несостоятельности, страдания от зависти перед величием русской истории и культуры, для смягчения тягостного унижительного чувства своей исторической и цивилизационно-культурной неполноценности...

Современные аналитики считали, что физически Россия может победить Украину. Но сможет ли она изменить ее духовно и нравственно? Может ли она привить украинцам код жизни своей цивилизации, выработать способность ставить общее благо выше частного, что предполагает не свободу и произвол, а самоограничение и отдачу, жертвенное служение общему благу, истине, добру, справедливости?.. Ведь дух народа возникает не из крови только, а из архетипов культуры — из образов исторической памяти, форм собственности и государственности и подобное тянется к подобному! Горе народу, когда его подобность столь размыта, неопределённа...

Мощь действия объективных факторов не могут переломить и преодолеть заклинания о «братстве», «единстве нашей истории» «единстве русского мира» и «религиозном единстве» русских и украинцев, тем более что и оно не такое уж единое...

Без осознания и преодоления своих заблуждений и извращений относительно особенностей цивилизации и культуры России, без понимания народом Украины истоков мощи России, того, благодаря чему она освободилась, побеждала своих врагов, стала и снова становится могучей державой, — единство Русского мира с Украиной маловероятно.

Татьяна ГРИБАНОВА

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ЭЛЕКТРИЧКОЙ!

* * *

Лишь рассвет заплетёт поутру на берёзах косицы,
распояшет заря за угорами свой поясок,
осенившись крестом, над полями взовьюсь голубицей,
над родимым крыльцом, над речушкой в ресничках осок.

И крыла понесут невесомо над милою Русью
за околицу с вросшим в бурьяны по пояс голбцом,
за просёлком родимый, что знаю сто лет наизусть я,
до мозолей исхоженный прадедами и отцом.

Неоглядный простор — наше вольное русское небо,
А под ним! А под ним, от рябины к Покрову красна,
от пороши бела, словно рая Господнего слепок,
от Москвы до Курил — величаява наша страна.

* * *

Домотканый сермяжный февраль.
В полдень с крыши стекает сусаль,
а с приходом сурьмяной поры
конопатит позёмка дворы.

Размело, не собрать частокол.
Истрепался у вётел подол.
И с Кудыкиной вьюжной горы
вдоль просёлка гоняет вихры.

Ветродуй всеселенский сквозной
с потерявшейся где-то весной.
И с бескровным, погасшим лицом
беспризорный родительский дом.

Вроде та же под горкой река,
тот же во поле путь — сквозь века...
Только выщедил речку мороз,
только поля не видно от слёз.

Редкий брѣх на проулках собак...
Кувыркнулся бы хутор во мрак,
но над кровлями изб и крылец
затепливает Спаситель светец.

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Ночь билась в падучей, и в тартарары,
казалось, сметало несчастный наш хутор.
Но с неба помятого, словно с горы,
скатилось тишайшее, робкое утро.
Ужасно и вспомнить, что было в ночи!
Крыльцо скрежетало столбами от страху,
заламывая ветви, кричи не кричи, —
был сад обречён, словно смертник, на плаху.

...Сквозь тюли ласкается свет со двора,
с беспечными снами младенчика схожий.
Хоть выглянуть больно — там стук топора
и груды деревьев с израненой кожей,
но надо вставать и затепливать жизнь:
кормить берестою голодную печку;
по глади сатиновой стѣжку прошить —
воды принести из курящейся речки;
обрушить с амбаров и хаты снега —
как будто просыпать кули с рафинадом.
А там и Ярило в собольих мехах
окинет простор своим царственным взглядом.

* * *

Дождь со снегом, вдребезги просѣлок.
Дом исхлѣстан ветром до крови.
И душа — осколок на осколке...
Дни раздумий, всепрощенья и любви.

И паденьям нету оправданья,
и нет мочи с этим грузом жить...
Канет пост, и, может, в покаянье
обнажится свет моей души.

* * *

Ты войдёшь — я обо всё забуду!
Лет на сто заброшу все дела.
И махну рукой на пересуды!
Как я раньше здесь одна жила?

И твоими жаркими стихами
будет мир мой навсегда спасён,
чистым снегом выбелится память,
явью обернётся вещей сон.

И запахнет кухня пирогами,
ей казалось: вовсе отпекла!
И в прихожей почему-то сами
улыбнутся тихо зеркала.

* * *

Из каждодневной суеты
нырнёшь в прадедовские степи,
здесь и полынь тебе —
цветы,
здесь воздух до глотка целебен.
Какая ширь!
На сотни вёрст,
взгляни:
сермяжный холст размотан.
Незамудрёнистый узор
мотивом нашим,
русским,
соткан.
Стоишь средь этой лепоты
в сакральной отчей палестинке,
где небо —
выше высоты,
и чувствуешь себя былинкой.

* * *

Всего-то — четыре часа электричкой,
и небо моё можешь трогать руками,
листать умудрённые временем книжки,
вдыхать запах трав, что по дому пуками.

Скорей приезжай! Полюбуйся, как осень
пастозно кропит дерева акварелью,
а даль — по-сырому, тончайшая просинь,
и к ночи — туманы добротной фланелью.

У нас от рябин прямо некуда деться.
Тебе их горчинка пришлась бы по вкусу —
давно пригорюнилась к русскому сердцу,
вовек не изжить из судьбы её русской.

А ты всё стремишься на край ойкумены
для песен искать небывалых зачинов.
Смотри: журавли как трубят сокровенно,
как нынче особенно горьки рябины.

Всего-то четыре часа электричкой!

* * *

Ночь разродилась в муках жутким ливнем,
стонала так, что обмирала темь.
И не спалось, покуда пуповину
по краю леса, где-то за овином,
не перегрыз новорождённый день.

И я смежила, наконец, ресницы,
запеленалась долгожданным сном.
Как будто капли молока на ситце,
на миг размылись времени границы,
явив передо мною отчий дом.

...Как хорошо, бывало, в нём проснуться!
По певчим половицам — на крыльцо!
Луна — осколок старенького блюдца,
фаянсовый, едва белёсый, куцый
разбился вдрызг о скирды за сельцом.

Ему взамен румяно, яснооко,
в кокошнике окатных жемчугов
и в сарафане, на пять вёрст широком,
из Царских врат со стороны востока
восходит Солнце стёжкой на угор.

Спешу туда, где табуны на плёсе
раскоготали утреннюю синь;

где, травами вперегонки с откоса,
бегут купаться на реку берёзы;
где слаще мёда горькая полынь.

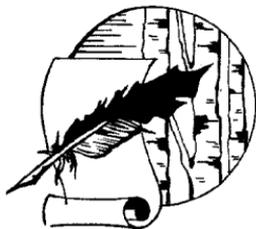
Дивлюсь, такой простой, такой знакомый
мотив: бурёнок стадо меж раки,т,
орёл, парящий в небе, невесомый,
дворов извечный, каждодневный гомон...
Но как же без него душа щемит!

* * *

Сливовый,
маттиоловый,
духмяный
июньский вечер
бродит меж ветвей
омытого закатным солнцем сада.
Сквозь шторы
одиночеству награда —
Рахманинов.
Концерт для фортепьяно.
Ван Клиберн.
И в сиренях соловей...

На всю Вселенную!
Над всей округой!
Да так,
что пыль просыпалась со звёзд!
И сердце — вдребезги,
и нет покоя,
душа слепа —
опять больна тобою,
метелит в ней
рахманинская выюга.
Ведь было!
Было!
Пусть и не сбылось...

г. Орёл

Владимир СКИФ

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

ВОРОНА

Сижу с Распутиным на даче:
Он на портрете — близкий, свой...
Мы говорим, а это значит
И он живой, и я живой.

На лиственнице, где ворона
Обыкновенная жила,
Вверху была не просто крона,
А разветвлённых три ствола.

И в сердцевине этой кроны
Среди стволов, среди тепла
Небезызвестная ворона
Гнездо высокое свила.

Живое лето пахло тмином,
Жарками полнилась гора,
И у Маруси с Валентином
Была придумана игра.

Жила ворона, как на троне,
Маруся думала своё...
—Что передать твоей вороне? —
Распутин спрашивал её.

Была ворона быстrokрыла,
Летала в ад, летала в рай,
Маруся тихо говорила:
—Привет вороне передай!

...Прошли года, ворона где-то,
Её искать никто не стал...
И ей последнего привета
Уже никто не передал.

* * *

Вчера уснуть ты не могла,
Хотя сдалась дождю на милость.
И ожила ночная мгла,
И время в ней остановилось.

Шуршали ветки под дождём,
И небо в тихий двор скатилось.
Мы часто ночью чуда ждём,
Чтобы оно, как сон, случилось.

И кажется, что чудо есть,
Во мгле качаются растенья,
И между ними — там и здесь —
Молчат потери, обретенья...

Остановилась тишина,
И жизнь как будто прекратилась.
И в небе не было окна,
Лишь Божья горница светилась.

КЮХЕЛЬБЕКЕР

В этом длинном забеге
От рожденья до смерти
Шёл Вильгельм Кюхельбекер
Присяжным у бессмертья.

Коренник Александр
Сергеевич Пушкин
В кущи райского сада
Был Всевышним отпущен.

А Вильгельм Кюхельбекер
В этой жизни — продлился,
Над Сенатской, как беркут,
Покружил и спустился

На обочину века,
На окраину жизни,
Где морозное млеко —
Это млеко Отчизны,

Где являлся он миру
В кольцах зимнего свея,
Грелся пушкинской лирой,
Миражами Лицея.

Позабытый в столицах,
Поискрошенный болью,
Как подбитая птица,
Умирал он в Тобольске.

В неказистой избушке
Видел он, умирая,
Как махал ему Пушкин
Из Лицейского рая.

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Смирнову Петру Алексеевичу

Родная дорога мерцает знакомо,
Теряется в травах на склоне пустом.
Тропа зарастает к отцовскому дому,
Оглохший, ослепший, осунулся дом.

И вот я приехал к бездомному дому,
Он еле узнал меня, глухо сказал:
«Ты был самым близким, а стал незнакомым,
Хотя бы однажды письмо написал...

Ведь я не исчез, да и адрес остался,
Поэтому было бы кстати письмо,
Я почерк твой знал, но тебя не дождался,
Твой облик остался, как в сердце клеймо».

Двор слушал, томился, в нём не было знаков,
А только крапива. Я встал на крыльцо,
Дом вздрогнул и замер, и тихо заплакал,
В туманный рассвет окуная лицо.

САХАЛИН

Без меня народ неполный.
Андрей Платонов

Сахалин находится не близко,
Надо постараться долететь
До объятий Южно-Сахалинска,
Чтобы от восторга онеметь.

Онеметь от осени, от жара
В небо улетающих рябин;
От любви сердечного пожара
И морских сияющих глубин.

Небо предвечернее не мглился.
Солнце красным полымем горит
Над раздольем Южно-Сахалинска
И меня тем жаром обагрит.

Остров обиталищем портовым
К русскому пространству испокон
Всей своею длинью пришвартован,
Чтоб навеки быть с материком.

Берега пологи и скалисты,
И ветра, и город-исполин,
И писатель южно-сахалинский —
Это всё наш остров Сахалин.

Сахалин не мыслим без России,
И Россия без него мала.
Вместе мы, как Муромец, всеильны.
Вместе мы. Да расточится мгла!

ВСТРЕЧА С ОКЕАНОМ

Я был у Охотского моря,
Об этом узнал океан,
На цыпочки встал у предгорий,
Увидел меня, закивал,

Мол, что же ты, сибирячина,
В своей затаился строке?

Забыл меня... Что за причина
Держала тебя вдалеке

От синих, летучих просторов,
От сизых и жёлтых песков.
Неужто истратил свой норов?
Ведь ты из своих мужиков.

С морскою державой был дружен
И в мой Муравьиный залив
Стремился и летом, и в стужу,
Был молод, задорен, красив.

...Ну что мне сказать океану,
Кому верой-правдой служил?
Заискивать, спорить не стану..
Прости! На Байкале я жил.

г. Иркутск

ЧЕМПИОН

РАССКАЗ

Это было так давно, что и подзабылось кое-что. Полвека прошло. Впрочем, зависит от того, что считать точкой отсчёта.

Чёрно-белое фото. На нём мы, первоклашки, за школьными партами. За последней, в гордом одиночестве, Васька Шелест. Помню его долговязым переростком, всегда сидящим позади всех. Двоечник. Учёба ему, что каторга, и тройка для него была той оценкой, которая давалась с трудом невероятным. Самым отстающим был. Он и школу бросил в шестом или седьмом классе, вроде как работать пошёл. Но это он нам говорил, что работать. Ничего толком мы о нём не знали, переехал он куда-то с родителями.

Впереди Васьки, тоже почему-то в одиночестве, сидел Боря Павлов. Такой же комплекции, что и Васька, и тоже старше своих лет выглядел. Учился он лучше Шелеста, но ходил всегда в отстающих, похвастать успехами в учёбе не мог.

Перед Павловым — Люба Королёва, красавица и отличница. С ней за одной партой — Федя Лошаков.

ПРОЗА

Не так давно он умер от рака лёгких, по две пачки сигарет в день выкуривал, до шестидесяти не дожил. Мы с Федей изредка виделись, наши с ним дома рядом. Учился он, как и большинство из нас, средне, в классе был незаметным, предпочитал держаться особняком. Но способности у него явно были — не зря же его взяли в Госдуму специалистом по обслуживанию компьютерной техники.

В левом ряду, с чёрными бантами на макушках — Ира Данилкина и Зоя Тараскина. Хорошистки. За третьей партой у боковой стены — Юра Вареник и Соня Долгова, тоже хорошисты.

Сашка Каманин — тот отличник. Он и по жизни очень правильный человек. Окончив школу с золотой медалью, поступил в педагогический институт, после чего работал учителем в какой-то московской школе, затем завучем, наконец, до директора вырос. На снимке он за одной партой с Ларисой Тимохиной. Так до выпуска вместе с ней и просидел, тянул её по всем предметам. Многие думали, что Саня с Ларисой поженятся, но нет — разлетелись голуби в разные стороны. Сашка так и не женился. Он и по сей день холостяк.

Да, всех помню поимённо, даже пофамильно. Всех... Ан нет, оказывается, не всех. Девочку с милым личиком и белым бантом, что сидит в левом ряду за предпоследней партой, как ни всматриваюсь в лицо, не могу вспомнить. Наверное, недолго с нами училась. И неудивительно: к выпускному состав класса изрядно поменялся. Костяк его, впрочем, оставался постоянным, но кто-то менял место жительства, кто-то в соседние школы переходил — к тому времени наш посёлок уже входил в городскую агломерацию, в которой насчитывалось четыре или пять школ. Наша — восьмилеткой была. Чтобы получить полное среднее образование, надо было переводиться в школу, что находилась за железнодорожным переездом, на границе с другим посёлком, где преобладал частный сектор. Но об этом чуть позже.

За первой партой — крупным планом, так сказать, напротив учительского стола — мы с Мишкой Коротеевым. Мы с ним тогда весь учебный год вместе просидели. Потом нас, конечно, рассадили, но мы уже так сдружились, что на дружбу нашу это не повлияло.

Сидеть же за одной партой с Мишкой мечтали многие.

Читать он начал лет с трёх. И не только книги — газеты читал: я от его родителей слышал, когда к нему домой приходил. А бывал я у него много раз — и в начальных классах, и позже, когда уже школу заканчивали.

Вот о Мишке-то и пойдёт рассказ. Человек он был уникальный, умница, каких мало. Одарённый от природы, схватывал все науки на лету. Казалось, и домашние задания ему выполнять не надо. Он, конечно, учил уроки, но как-то наспех, для порядка, вот и получал тройки. За небрежность. Память у него была отменная, но такую грязь в тетрадках разводил, что понять было трудно, что написано. Почерк отвратительный, сплошные каракули и кляксы вдобавок, и зачёркнуто, и ластиком подтёрто... Даже когда перешли с чернил на шариковые ручки, в тетрадях у него чище не стало.

Что и говорить: прилежностью Мишка не отличался. В дневнике — та же картина. Словом, с чистописанием и аккуратностью у него были проблемы, и они, эти проблемы, кочевали с ним из класса в класс.

Если б фотография эта была цветная, то мы увидели бы рыжеватую короткую Мишкину чёлку, бледноватые, в конопущах щёки и нос, даже на оттопыренных ушах были эти самые конопущи. Слегка вытянутое лицо делало его чуть-чуть комичным. Но первое впечатление было обманчивым. Несмотря на возраст, Мишка был очень серьёзным. А ещё незаносчивым, даже застенчивым. Порой его застенчивость, граничащая с кротостью, казалась не от мира сего. Если кто-то из ребят проявлял по отношению к Мишке агрессию, то, столкнувшись с его природной мягкостью, отходил ни с чем, словно наталкивался на невидимую преграду: сколько её не пинай — толку мало. Мишка был безобидный, как божья коровка. Он и сам страдал от своей мягкотелости, но ничего не мог с этим поделать. Наверное, потому, что был худеньким и физически слабым. Перемена в нём произошла в седьмом классе. К тому времени он заметно вырос и будто окреп, хоть и считался среди нас, мальчишек, чуть ли не самым слабым.

Помню, учебная четверть заканчивается, мы всем классом в клуб идём (в наш местный Дом культуры) смотреть «Корону Российской империи», про знаменитых «неуловимых». Разумеется, на дневной сеанс. В холле клуба шумно. У кассы — маленького квадратного окошечка — столпотворение. В основном подростки. Кто-то старается протиснуться к заветному окошечку без очереди. Мы с Мишкой в самом конце, как два тополя на Плющихе. Это наши девочки, которых мы пропустили вперёд, над нами подшучивают.

Впрочем, мы не торопимся, до начала сеанса времени много, билетов хватит на всех, а какие места — в первых рядах или нет — это уж как повезёт.

В какой-то момент Мишку ткнул в плечо незнакомый парень, тощий и выше на голову. Фитиль — сразу дали мы ему

кличку. С ним ещё двое: ростом поменьше, коренастые, но такие же нагловатые, как их вожак, который был в потёртом и засаленном, явно с чужого плеча бушлате, подпоасанном матросским ремнём с загнутой бляхой. Его дружки — в мятых задрипанных куртках и кирзачах. «Местная шантрапа», — решили мы.

— Гривенник гони, — потребовал Фитиль, озираясь по сторонам и обращаясь к Мишке, так как он стоял крайним в очереди.

Лицо моего друга внезапно изменилось: неулыбчивое и серьёзное, оно стало суровым, взгляд исподлобья, напряжённый, в нём было что-то необъяснимое, настораживающее. Боковым зрением Мишка видел, как за неприглядной этой сценкой наблюдают наши девочки.

— Гривенник гони, — повторил Фитиль, вновь ткнув его кулаком в плечо.

Мишка ещё больше набычился, несколько мгновений о чём-то раздумывал, затем осипшим до неузнаваемости голосом, глядя на тощего, произнёс:

— Давай отойдём.

Тот заметно опешил, во взгляде появилась неуверенность и вопрос: зачем отходить, куда?

Фитиль стал внимательнее нас разглядывать. Признаюсь, одеты мы были тоже не бог весть как. Правда, куртки наши были поновей и обувь попримичнее, а так... такие же расхристанные шалопаи. Мишка и вовсе сошёл бы за мелкую шпану.

Скорее всего, Фитиль и подумал, что мы с ним одного поля ягоды. И не важно, что мелкие: кто знает, может, у нас старшие братья есть... словом, лучше не связываться.

В общем, произошла заминка, после чего парни как-то потихому отвалили — просто развернулись и ушли. Никто из них даже косо не взглянул на нас. Мы же с Мишкой ещё не раз потом ходили в ДК, но никогда Фитиля с его дружками там не встречали. Даже засомневались: а местные ли они?

В тот день мы, конечно, посмотрели «Корону Российской империи», но настроение немного испортилось. Меня не покидала мысль: что было бы, если б Фитиль согласился «отойти» с Мишкой? Ведь мне пришлось бы вмешаться. Силы были явно неравные. Досталось бы нам по полной. У таких, как Фитиль, в кулаке всегда что-то припрятано. Да один матросский ремень с загнутой бляхой чего стоит!

Эти мысли крутились в голове весь день. Неужели Мишка стал бы драться? Он, который мухи не обидит! Неужели он такой смелый? А я? Да что я?! Я-то на самом деле струсил. То есть не так чтобы очень... но струсил же. Ведь нам хватало

денег и на билет, и откупиться от Фитиля. И что такое гривенник? Тьфу, мелочь, у нас её было достаточно.

Не выдержав, я спросил об этом Мишку.

— Я и не собирался драться, — ответил он.

— Как?!

— Так. Не собирался и всё.

Этого я никак не ожидал. Моё лицо выражало нечто такое, что Мишка, который редко улыбался, даже хихикнул:

— Да не собирался я драться. Я просто хотел отойти и дать ему гривенник.

— Почему отойти-то?

— Чтобы никто не видел...

— Не видел что?

Мишка вдруг стал серьёзным, сжался, как пружина. Мне даже показалось, что от его щёк отхлынула кровь — так он побледнел.

— Ты... ты... ты что?! — не находил он слов. — Ты... ты не понимаешь... На нас же девочки смотрели!

И вдруг из его глаз посыпались слёзы. Именно посыпались. Он не мог их сдерживать.

— Как бы я потом... — всхлипывал он, — как бы я потом смотрел им в глаза...

Мишку трясло, он плакал навзрыд, как ребёнок. Кровь мгновенно снова прилила к его лицу, и оно сделалось красным. На него больно было смотреть.

Когда Фитиль просил у него гривенник, он струсил, наверное, даже больше, чем я, ведь он же был слабее. А шпана шутить с нами не собиралась. И нужны ли им были эти десять копеек? Может, они просто искали повод подраться?

Но что было — то было. Мы оба тогда порядком оробели, оба, наверное, чувствовали страх. Только страх этот был у нас разный. Я боялся получить в лицо, а Мишка — потерять лицо. Вот в чём разница! Боязнь потерять лицо — пересилила в нём страх! Как же он потом станет смотреть нашим девочкам в глаза, если прилюдно, по требованию какого-то прохвоста, покорно отдаст деньги, пусть даже десять копеек. Для Мишки это было страшнее кулаков уличного хулигана, страшнее матросского ремня с латунной загнутой бляхой.

Случай с гривенником останется в моей памяти на всю жизнь, останется как пример, как первый урок психологии, о котором мой друг даже и не подозревал. Но осмыслен этот урок будет не сразу, а по прошествии многих лет.

Мы с Мишкой стояли в подворотне, откуда просматривался старый яблоневоый сад, где над сараями, недалеко от

беседки с шестигранной крышей, обитой толем, виднелась верхняя часть деревянного короба с металлической сеткой — голубятня Мишкиного отца.

Октябрь был в самом разгаре. Унылость обшарпанных малоэтажных домов, старых сараев, водонапорной башни скрашивали изумрудно-зелёные кроны антоновки, золотистые листья белоствольных берёз и краснеющие гроздья рябины.

— Я никому не скажу, что ты плакал, — обещаю я Мишке.

Он трёт ещё влажные, покрасневшие глаза тыльной стороной кулака, оставляя на щеках еле заметные следы от слёз.

— Как хочешь, мне всё равно.

— Клянусь, никому и никогда...

— Не клянись! — резко, даже с вызовом, бросает он.

— Почему?

— Да потому...

— Почему потому? — не понимаю я.

Он некоторое время раздумывает, затем произносит:

— Ты Евангелие читал?

Я пожимаю плечами.

— Вот видишь...

На Мишку я тогда немного обиделся: как же так, почему он не верит? Ответ на свой вопрос я найду лишь тогда, когда возьму в руки Евангелие. Но это будет спустя годы.

Чем чаще я размышляю об этом, тем больше прихожу к пониманию, что значили Мишкины слёзы. Ни разу потом, никогда и нигде, он не проронил ни одной слезинки. Даже когда стоял в спарринге с Рустамом Омировым: Рустам уже первый разряд по боксу имел, а Мишка практически был новичком, к тому же без капы работал. А без неё для Мишки — просто капец: верхние передние зубы у него сильно выступали вперёд. Он потом пластинку специальную носил, чтобы зубы выпрямить, но это уже другая история. А тогда Рустам так его разукрасил! Мне казалось, что он специально в губы бил, хотя это не так — спорт есть спорт. Просто жалко было Мишку. В глазах его такое было... Нет, не боль, что-то другое. Злость ли, обида?.. Или всё вместе. Словами это не передать. А на что обижаться? Хочешь — боксируй, не хочешь — уходи с ринга, насильно никто не держит.

Мишка тогда все три раунда продержался. Терпел. Морда в кровищи, но лезет на рожон. Тренер наш, Иван Яковлевич, бой непременно остановил бы, но он в тот день отсутствовал, занятия проводил Валька Олесин. Он уже мастером спорта был, иногда заменял тренера. Так вот, Олесин признался потом, что специально бой не останавливал — проверить Коро-

теева хотел на выдержку, силу духа у него вырабатывал. Ну разве так можно?! Мишка ведь без капы... Мы думали, что его верхнюю губу зашивать придётся — смотреть было страшно.

Но ничего, срослась губа, лишь толще стала, а Мишка как будто даже симпатичнее.

Может, прав был Олесин, что бой не остановил? Спорный, конечно, вопрос. Кто-то склонен думать, что прав. В самом деле — как же иначе? Из всех этих «мелочей», из таких вот критических ситуаций, пожалуй, и складывался Мишкин характер, закалялась его воля.

Но не стану забегать вперёд.

Братья-близнецы Полуэктовы появились в нашем 7-м «В» в начале второго полугодия. Не помню — до или после того, как мы с Мишкой посмотрели американский фильм «Чемпион» со знаменитым Кирком Дугласом в главной роли.

Звали близнецов Антон и Артём. Они были так похожи, что даже имена их казались нам малоразличимыми. А если учитывать, что школьная форма тогда была типовой, мы часто их путали.

Прилежные в учёбе братья вначале держались отстранённо, на школьных переменах не сразу и не со всеми шли на контакт. Чувствовалось их хорошее воспитание. И внешне они были вполне привлекательны: оба русые, с приятными лицами, всегда подтянутые — хоть завтра в строй. Когда в классе стало известно, что братья занимаются боксом, все удивились: так непохоже это было на них — интеллигентных молчунов.

С одним из близнецов, Антоном, и сошёлся Мишка; сдружились они крепко, до десятого класса просидели за одной партой. Хотя характеры у них были очень даже разные. Но когда Антон про бокс рассказывал, Мишкины глаза так светились — в пору солнечные очки надевать.

Впрочем, не только Антон повлиял на Мишку, но, как мне кажется, и фильм «Чемпион» с Кирком Дугласом. Уж не знаю, хотел ли кто из нас стать чемпионом, но боксом загорелись многие. А Мишка — хиляк, соплём перешибёшь — прямо-таки спал и видел этот бокс.

В общем, с появлением в 7-м «В» братьев Полуэктовых в секцию бокса записалась чуть ли не половина мальчишек нашего класса.

До районного Дома культуры, где находилась секция, надо было ехать две остановки на электричке, затем от вокзала ещё минут десять пешком. Когда мы, ведомые братьями-близнецами, с тыльной стороны здания ДК подошли к две-

ри, похожей на вход в дворницкую, прошли по длинному мрачному коридору и всей гурьбой ввалились в спортзал, Иван Яковлевич даже не удивился, а просто отправил нас всех в раздевалку.

Первая тренировка почему-то хорошо запомнилась.

В зал нас, мальчишек, набилось так много, что яблоку негде было упасть, настоящая путаница была. И одеты — кто как: некоторые не взяли даже трико, а кто-то и кеды с футболкой забыл — так в одних трусах и бегал по залу босиком.

Короче, после двух-трёх занятий я решил на тренировки больше не ходить. Решить-то решил, но Мишка — он же упорный: если что в голову себе вбил, клещами из него не вытащишь. И как он без меня?.. Друг всё же. К тому же слабый он, мало ли что...

Месяц не прошёл, как ребят на тренировках существенно поубавилось, многие из тех, кто пришёл с нами в первый раз, секцию бросили. Как говорится, произошёл естественный отбор. Иван Яковлевич уже после нам сказал, что остались самые стойкие. Признаюсь, приятно было это слышать: из трёх десятков пацанов осталось человек десять. Может, чуть больше. По-разному было: кто-то заболел, кто-то по иной уважительной причине не явится, но основной костяк сформировался.

Кроме братьев Полуэктовых выделялись в группе ещё два парня нашего возраста. Об одном — Рустаме Омирове — я уже упоминал. Смуглый, жилистый, с гибким красивым торсом и упругими ногами, запомнился он ещё коричневыми боксёрками, синими атласными трусами и красной майкой, выгодно подчёркивающей его уже наметившуюся мускулатуру. В нём всё было гармонично, он был так ладно скроен, что глядеть на него было одно удовольствие, особенно когда он обматывал бинтами кисти рук или перед зеркалом вёл бой с тенью. Выполнял он это так изящно — невольно засмотришься.

Другой, Игорь Шлябин, выглядел не так эффектно, как Рустам, и похвастать красивым телом не мог. Он был примерно такой же комплекции, что и Мишка Коротеев, но ростом повыше, почему и весил на пару килограммов больше, но всё равно у него был тот же бараний вес.

На тренировках Игорь всегда был в простом трико и каких-то старых кедах, но по движениям его, по тому, как он разминался, работал «на лапах», бил по груше или мешку, чувствовалось, что он не новичок.

И скоро, во время соревнований, мы смогли убедиться в неординарности Игоря. Он был настоящий боец. Хотя дело даже не в этом. Впечатляла его манера боксировать. На рин-

ге, во время боя, он почти всегда был спокойным, непостижимо хладнокровным, даже тогда, когда оставаться таким было очень трудно. В этом он был непоколебим. Ещё я не мог понять, как с физическими данными, оставявшими желать лучшего, ему удавалось побеждать в своей весовой категории, да ещё с явным преимуществом. Конечно, длинноватые руки Игоря способствовали этому, но побеждал он так часто, что, кроме восторгов, у нас, мальчишек, это вызывало и удивление. Ведь на тренировках его неординарность была заметна: трудно было даже предположить, что он обладает таким мощным ударом, который мог повергнуть соперника в нокдаун или даже в нокаут. Его особенность — незаметный прямой удар — ярко проявилась, когда мы учились в десятом классе.

К этому времени Игорь провёл, наверное, более двадцати боёв, и почти все они были выиграны с явным преимуществом.

Почему я так подробно об этом пишу? Да потому что именно в десятом классе произошли события, о которых пойдёт речь.

В отличие от Мишки, успеваемость у меня по многим предметам заметно упала. Не из-за бокса, хотя три раза в неделю мы и ездили на тренировки, спорт тут ни при чём. Обычная лень. Впрочем, не в успеваемости дело. Мы с Мишкой уже почти три года занимались боксом.

Как я уже говорил, чтобы получить полное среднее образование, надо было из нашей восьмилетки в другую школу переходить, в ту, что находилась за железнодорожным переездом. Старое здание это и поныне стоит: часть его помещений передана музыкальному училищу, а часть — под спортивные секции.

Так вот, кто-то из нашего класса пошёл в школу, что находилась за переездом, продолжив учёбу в смешанном 9-м «Б» — он был сформирован из выпускников восьмых классов; кто-то подал документы в техникумы и училища, а кто-то и вовсе пошёл работать (таких было двое или трое). Моего соседа по дому, второгодника со стажем, так почти сразу на срочную службу призвали.

Вообще-то в нашем классе второгодников хватало. Как и хулиганья. Кое-кто, наверное, и сейчас по тюрьмам и зонам кочует, если жив, конечно.

Словом, наш 8-й «В» был ещё тот класс! Завуч однажды сказала, что у нас всякой твари по паре. И всё же мы очень удивились, когда в первый учебный день увидели в новом 9-м «Б» Борю Павлова. Экзамены он сдал с горем пополам, и если б

не снисходительность учителей — не видеть бы ему свидетельства о восьмилетнем образовании. Все думали, что он пойдёт работать или подаст документы в училище, а тут — в девятый...

Ведь он, Павлов, фактически принял эстафету от двоечника Васьки Шелеста: как только тот бросил школу, пересел на его место и почти три года протирал штаны за последней партой. И здесь, в 9-м «Б», он тоже занял место за партой у задней стены, да ещё в самом углу, в коем так и просидел до выпускных экзаменов.

Долговязый переросток ещё с начальных классов, к десятому Боря стал высоким, точно каланча, — вымахал под метр девяносто. Но при этом был покладистым, незаносчивым и вовсе не глупым. Почему-то считается, что, если двоечник, то обязательно глупый. Это не так. Во всяком случае, про Борю я бы так не сказал. К тому же было видно, как он старался, хотел наверстать упущенное, просто ему плохо давалась вся эта учёба, особенно математика, химия и физика, поэтому и списывал всегда, в основном у Мишки Коротеева. Но у него кто только не списывал! Да Мишка никому и не отказывал, тем более Боре — вместе же голубей гоняли.

Сам Борька голубей не держал, голубятня была у его старшего брата. А продолжить учёбу он, полагаю, решил из-за Мишки, надеясь, что тот ему поможет подтянуть успеваемость. Быть может, и не зря надеялся — в итоге-то экзамены Боря Павлов сдал. С большим трудом, но сдал и получил аттестат о среднем образовании.

Если б не Боря, возможно, ничего не случилось бы, ведь, как ни крути, он невольно стал одним из главных персонажей всей истории. А с чего тогда разгорелся сыр-бор, выяснилось не сразу. Спросить же у него — как-то и в голову не приходило.

Одной из причин тех бурных событий, думаю, была ярко выраженная независимость Бориса. Она-то как раз и сыграла, как мне кажется, решающую роль, едва не ставшую роковой в Мишкиной судьбе.

Если не брать во внимание учёбу в школе, то в остальном Борька Павлов оставался как бы сам по себе, никогда и ни у кого помощи не просил.

Но всё по порядку.

Огромный наш посёлок, который впоследствии принял статус города, делился на несколько территорий. Дом культуры, к примеру, с прилегающими к нему дворами и улицами, где мы с Мишкой смотрели «Корону Российской империи», держали кирпичинские пацаны. Район, куда входила

школа за переездом, был, вроде бы, за новомосковскими. Парни с милицейского вообще жили на отшибе, там была своя шпана, о которой как-то и не слышно было. Особым авторитетом пользовались люблинские. У мостотрестовских парней была известность поменьше. Но тут как сказать — можно и ошибиться: границ как таковых никогда не было, те же люблинские вполне могли бы оказаться мостотрестовскими. К последним и относился Боря Павлов.

Мы с Мишкой иногда ходили смотреть, как его старший брат голубей гоняет. Правда, Павловы жили не на улице Мостотреста, где когда-то очень давно были построены первые кирпичные малоэтажки, многие из которых уже снесли. Они жили на одной из улиц частного сектора. Голубятня стояла несколько в стороне от их дома, и возле неё всегда кто-нибудь находился.

Нередко мы там видели Диму-дурачка. Он был старше нас лет на двадцать, а то и больше. Точный его возраст мы не знали. Помнил я этого Диму ещё с тех времён, когда в детский сад ходил. Очень я его боялся тогда. Кривобокий, с перекошенным телом, Дима ходил какими-то косыми шагами. Одну руку, немислимо выгнув, он прижимал к пояснице тыльной стороной кулака, другая произвольно выполняла хаотичные движения. Голова его тоже находилась в постоянном, я бы сказал, круговороте. В общем, двигательные нарушения всех его членов были налицо. Тогда я ещё не знал, что болезнь, которой Дима страдал с детства, — церебральный паралич.

Разговаривать он тоже как следует не мог. Нечленораздельную речь его, что-то между бульканьем и мычаньем, понимал, кажется, только Боря Павлов. Лишь изредка, когда Дима очень уж хотел что-то донести до своего собеседника, речь будто бы прорезывалась.

— Как жизнь, Дима? — спрашивали его.

Он улыбался, а точнее, его лицо искажалось, передавая то чувство радости и легкомысленного счастья, когда человек выглядит довольным идиотом. Всё тело его, голова и руки начинали приходить в движение, и он, напрягаясь, с налётом пены в уголках губ, брызгая слюной, с трудом извергал из себя те несколько звуков, в которых угадывалась фраза: «Спасибо, хорошо».

Диму жалели, понимая, как он несчастен. Он тоже всё хорошо понимал, старался не очень докучать окружающим. Быть может, по этой причине ходил от голубятни к голубятне, коих в нашей округе было немало.

Так вот, поводом тому давнему происшествию стали побои, нанесённые Диме-дурачку — безобидному больному че-

ловеку. Случившееся толковали по-разному, ходили слухи... впрочем, вполне обоснованные, а потому их можно принять за правду.

Обидели Диму то ли кирпичинские, то ли новомосковские. Никто толком ничего не знал, кроме, разумеется, Борьки Павлова.

Каким уж образом Диму-дурачка занесло в такие «далёкие» края, приходилось только гадать. Скорее всего, потянуло его туда обыкновенное любопытство, а точнее — желание поглазеть на чужих голубей.

Кому из местных не понравился Дима, что уж такого натворил или «сказал», одному Богу известно, только появился он возле нашей голубятни с синяком и ссадинами на лице. Смотреть на него без слёз было невозможно.

У некоторых пацанов кадык в горле застрял, слов не хватало. А у Борьки желваки заходили так, что стало ясно — не к добру.

Посыпались расспросы: кто Диму так разукрасил? Что да как? Он лишь крутил головой, мычал что-то нечленораздельное. Вымученная улыбка его больше походила на гримасничанье, что вызывало ещё большую жалость.

Никто из нас так и не добился от Димы, кто его избил.

Случай этот со временем подзабылся, мы уже учились в десятом классе и было не до несчастного дурачка Димы. По-прежнему три раза в неделю ездили на тренировки. Из нашего класса боксом теперь занимались только братья Полуэктовы и мы с Мишкой. Да и братья с началом учебного года стали тренировки пропускать, а ведь всё лето мы вместе провели в спортивном лагере, за городом. Занимались почти каждый день, кросс бегали... Много чего было. Мне даже «три по три» сделали. Кто хоть раз испытал это на себе, не забудет никогда.

За какую провинность я получил «три по три», не помню, но наказание это серьёзное. Ложишься ничком на койку, лицом в подушку, оголяешь нижнюю часть тела, а стоящие по бокам, сжимая мысок кеда, ритмично и по очереди бьют тебя по ягодицам резиновой подошвой. Уже с первого удара дух захватывает, а с третьего — так трудно дышать, что, кажется, будто в грудную клетку залили жидкий свинец. Ещё и седалище жаром горит. Но стараешься встать с лёгкостью и побыстрее натянуть штаны, ещё и улыбаешься, дабы не показать, какие ощущения только что испытал.

Не знаю, что в тот момент выражало моё лицо, но Мишка сказал, что испытание я выдержал достойно. Кстати, он отказался меня кедом лупить, банили меня кто-то из братьев

Полуэктовых и Рустам Омиров. Что ж, наверное, заслужил, ведь сам Иван Яковлевич тогда распорядился наказать меня, а он до шепетильности справедливым был. Если начистоту, наука эта — «три по три» — очень полезная, кое-чему учит.

Ещё будучи в спортивном лагере, тренер объявил, что осенью пройдёт первенство Московской области по боксу среди школьников нашего возраста. Меня это не очень взволновало, а Мишку... — он даже воспрянул как-то, всколыхнула его эта новость.

По поводу предстоящих соревнований он, конечно, вида старался не показывать, но я же заметил — что-то изменилось в нём. Если я иногда пропускал тренировки, то Мишка старался не пропустить ни одной, что, замечу, дало свои результаты. В спарринге его мастерство я почувствовал на себе: не ожидал, что за два с лишним года он выработал жёсткий, хлёсткий удар. Всегда казавшийся хлюпиком, он вдруг преобразился в совершенно иное качество, даже как-то заматерел. И как ни старался я взять над ним верх, используя всю свою физическую силу, у меня ничего не получалось: его мощное сопротивление просто подавляло.

Казалось бы, не так давно, помогая Мишке завязывать боксёрские перчатки, из лопнувших швов которых торчал конский волос, я с видом знатока разглагольствовал о преимуществах восьмиунцовых (как мы тогда говорили) перчаток перед десятиунцовыми; напутствовал его, словно тренер, как надо держать стойку. Я, который, не в пример Мишке, выжимал штангу и больше него подтягивался на турнике, я, считавший себя лидером, теперь проигрывал другу в спарринге. И где? На ринге, на самом настоящем, с красным и синим углами, с белыми канатами, на том самом ринге, на котором мечтал быть первым.

И кто бы мог подумать, что Мишка... Нет, я ему не завидовал, напротив, очень гордился своим другом, узнав, что он занял первое место на первенстве Московской области.

Их было двое из нашей секции — тех, кто, выиграв зональные первенства, дошёл до финала и занял первые места — Игорь Шлябин и Мишка Коротеев.

Финальные бои проходили в Химках, кажется, в разгар первой четверти, захватывая учебные дни. Чтобы у Мишки не было прогулов, его отцу пришлось идти в школу — так сказать, поставить в известность администрацию.

Ребята жили в гостинице возле стадиона. Это я от Мишки знаю. Ещё я знаю, что он провёл там два или три боя, которые и выиграл — не за явным преимуществом, как Игорь, а по очкам. И хоть у него был лёгкий вес — какая разница, выиграл же!

В классе все уже знали, что Коротеев — чемпион. На вопросы же, как проходили соревнования, Мишка не отвечал, а только краснел и отмалчивался. Странно, ведь занять первое место, да ещё по области — это не хухры-мухры! Даже тренер Иван Яковлевич сказал, что у Мишки уже первый разряд, а он всё как девица красная... Поэтому чемпионство его, как мне казалось, прошло тогда незамеченным. Но, оказывается, я заблуждался.

После осенних каникул, в один из учебных дней, мы увидели Фитиля. С компанией таких же лоботрясов он ошивался недалеко от школы, выбрав место на пустыре, где когда-то росли яблони и груши, где ещё оставались редкие деревца, огороженные невысоким покосившимся штакетником.

«Всё-таки он местный», — решили мы и не ошиблись, ибо потом узнали, что Фитиль находился в исправительной колонии, по малолетке, а потому в посёлке мы его не видели.

Нам это было, в общем-то, безразлично — детей с ним не крестить. Но события вдруг стали разворачиваться такой неожиданной стороной, что никто из нас и подумать не мог, чем это обернётся.

Всё началось уже после первой перемены. На второй урок почему-то опоздал Борька Павлов. Он влетел в класс запыхавшийся и красный как рак. Мы решили, что он бежал, дабы не опоздать на урок, и даже не заметили на его лице ссадин. И как их заметишь, если лицо всё красное?

Но по рядам, от парты к парте, побежал шепоток. И когда этот шёпоток достиг наших ушей, только тогда мы с Мишкой обратили внимание на Борькины руки: они слегка дрожали. Он пытался это скрыть, но руки же не спрячешь — урок.

Разумеется, мы заметили сбитые в кровь костяшки на кулаках, а, приглядевшись, и ссадины на скулах и подбородке.

На следующей перемене его обступили с расспросами. Он упорно молчал, хотя многие уже знали, что произошло: Борька дрался один с целой кодлой! Больше всего возмущались девочки: оказывается, они всё видели (наш учебный кабинет находился на втором этаже, и окна выходили на тот самый пустырь).

Не сразу Борька признался нам с Мишкой, что два года назад отлетел Фитиль за Диму-дурачка. Тот обещал отомстить, но загремел в колонию. Теперь, освободившись, пришёл вернуть должок, вот и ошивался возле школы, дожидаясь Борьку.

Встреча с ним ничего хорошего не сулила. Понимали это все и поглядывали в окна.

С Фитилём пришло человек семь. Даже стало страшно за Борьку: как он вообще решился пойти на пустырь один?!

Мишка его об этом спросил, а тот лишь ухмыльнулся:

— Я им тоже навалял.

Но мы и вовсе опешили, когда Борька сказал, что обещал выйти к Фитилю на большой перемене. Малахольный этот Павлов, не иначе!

— С кем ты пойдёшь? — спросил Мишка.

— Один, — ответил тот как будто равнодушно, хотя мы заметили, что он взволнован, возможно, даже ждёт поддержки, но сам просить не станет, мы знали точно.

— Я с тобой пойду, — решительно заявил Мишка.

Борька молчал. Молчал и я. Но когда мы встретились взглядами, я с трудом выдал из себя, что тоже пойду.

Братья Полуэктовы и часть ребят, окруживших нас, стояли в нерешительности — никто не хотел связываться со шпаной.

— Мы тоже... — почти в голос вдруг сказали братья.

Кто-то из девчонок, кажется, Ира Данилкина (она была влюблена в Антона), вздохнула.

— И мы... — раздалась неуверенные голоса.

На душе у меня легче не стало: пятеро против кодлы — силы, мягко говоря, не совсем равные. Правда, один Борька чего стоит! Но, возможно, помимо Полуэктовых, кто-то ещё решится пойти.

Когда прозвенел звонок на большую перемену, признаюсь, меня охватил мандраж. Лишь Борька, казалось, успокоился, хотя это было вовсе не так, просто краснота немного сошла с его лица. Наверное, все волновались.

Нас пошло пятеро. Правда, потом за нами увязался кто-то ещё, но их всё равно было больше. Некоторые курили. На Фитиле был тот же старый бушлат, перехваченный всё тем же матросским ремнём с загнутой бляхой. Ничто не изменилось в его облике. Впрочем, бушлат теперь приходился ему как будто в пору, да фикса сверкала на зубе. Ростом он был не ниже Борьки.

— А-а... чемпион, — увидев Мишку, ухмыльнулся Фитиль, — и ты здесь. — Затянувшись сигаретой и выпустив ему дым в лицо, как бы равнодушно добавил: — Жаль, я тебя тогда не сделал.

Помня наставления тренера вести себя достойно не только на ринге, Мишка и бровью не повёл. Но уличная драка — это не бокс, тут уж как пойдёт. И Мишка держался, не поддаваясь на провокацию. Так и стояли — лицом к лицу — мы и кодла. Мы вели себя достойно, они же, сотрясая воздух блатными словечками, не решались начать.

Признаюсь, в первый момент мне даже лестно было услышать из уст Фитиля «чемпион», значит, о Мишке он уже наслышан.

Стояние продолжалось недолго.

— Славик, может, старших позвать? — выступил чуть вперёд малоросток в кепке (он и впрямь был, что называется, метр с кепкой).

Только теперь мы узнали, что Фитиля зовут Славиком. Он сплюнул, бросил окурок и кивнул: дескать, зови.

Кепка куда-то убежала.

— Ладно, пойдём в школу, — сказал Мишка, — скоро урок.

— Испугались? — бросил Фитиль.

— Тебя, что ли, верста долбаная? — поддался на провокацию Борька. А зря. Впрочем, чему быть — того не миновать.

— Ну, гад!.. — кинулся на него Фитиль.

Они схлестнулись, сумбурно обмениваясь тумаками. Борька был явно сильней, и Фитилю, не подоспей помощь, конечно, досталось бы. Но тут вернулся малoletка в кепке. Он шёл с Додей, криминальная репутация коего была известна многим. Доде было лет двадцать, в армии он, кажется, не служил, работал на местном заводе. За ним плёлся незнакомый крепыш, он был постарше Доди, с наколками на пальцах в виде перстней.

— Ну и махалово!.. — вроде бы дружелюбно начал подошедший Додя. — Детский сад какой-то...

— А ты хочешь, чтобы статья? — сразу стал нагнетать обстановку крепыш, похоже, из блатарей. — Хочешь: «не жди — не встретимся»?.. Подгонят колясочку человек на десять, примут их... и пойдут они пыхтеть далеко и надолго.

— Настолько долго, что вернутся белыми и пушистыми, — ухмыльнулся Додя.

К моему удивлению, наколок у него не было, по крайней мере, на руках.

— Он первый начал, — размазывая кровь с разбитой губы, жаловался Фитиль. — Реально, губу мне разбил.

— Вижу, вижу, — продолжал Додя, словно давая понять, что хочет во всём разобраться честно и по-доброму. — О чём базар-то?

Он положил руку на плечо Фитиля и хотел уже, было, поприятельски приобнять Борьку, но тот, ускользнув от его «дружеских объятий», отступил на шаг, хотя возле них уже скупивалась шпана. Мы с Мишкой подошли и встали рядом с Борькой. Так мы и стояли в оцеплении пристяжных Фитиля. Чуть поодаль — братья-близнецы Полуэктовы и кто-то ещё из нашего класса.

Додя продолжал улыбаться. Блатарь тоже улыбался, но его гримаса больше походила на ухмылку. Фитиль, покусывая разбитую губу, доказывал свою правоту.

Я поглядывал в сторону школы — опоздать на урок не хотелось — и заметил, что из окон нашего класса за сценой на пустыре наблюдают. «Конечно, девчонки, — подумал я, — кто же ещё».

Мишка, наверно, тоже это видел. Видеть-то он видел, но за ситуацией следил. Я же лишь в последний миг заметил, как Фитиль нанёс ему удар. Но Мишка уклонился так ловко и легко, что как будто и не было ничего — реакция у него была отличная.

— Разве так бьют? — с ленцой в голосе обронил Додя.

«Мишке-то за что?» — успел подумать я и в то же мгновение получил сильный удар в лицо.

Удар пришёлся ровно в переносицу. Боли я не почувствовал. Даже не упал. Пятясь задом, засеменял ногами и, споткнувшись о кочку, завалился спиной на штaketник. Тут же вскочил и схватился за лицо. Кровь шла вовсю. Руки и одежда уже были в крови. Но ужаснуло не это: я не нашупал носа. То есть он, конечно, был, никуда не делся, но был, как говорится, всмятку — сплющился.

Трудно поверить, тем не менее именно страх остаться таким заставил меня сделать то, что, как уверяют, под силу только врачу.

Шпана мной больше не интересовалась, решив, что с меня хватит. Я же, вправляя пальцами нос и ощущая, как гуляют в переносице хрящи, не чувствуя боли и, кажется, вообще ничего не чувствуя, увидел, как после небольшой паузы, когда все взгляды были сосредоточены на мне (ведь удар Доди и впрямь был великолепен!), наши пацаны дрогнули, отбежали. Даже Антон, один из братьев-близнецов, и тот отступил.

И тут Мишка с диким каким-то озверением молниеносно нанёс несколько прямых ударов Доде, ошеломив его и сбив с ног.

Никто ничего подобного не ожидал и в первые секунды все растерялись: не думали, что какой-то молокосос решится на такое. И когда блатарь схватился с Мишкой, Борька с диким воплем: «А-а-а!.. Вашу мать!..» — бросился на Фитиля. Под оголтелые крики в бой ринулись и братья Полуэктовы, а за ними... уже и не помню кто.

Зрелище было то ещё!

Бились — кто как умел.

Мишка дрался мастерски, но не совсем так, как учил тренер Иван Яковлевич: в боксе такому не научишься —

только на улице. И мне было непонятно, откуда у него это? Когда успел?

Вправляя свой нос, весь в крови, будто сквозь пелену наблюдал я за потасовкой, словно за каким-то боевиком в кинозале.

На чьей стороне был перевес, не знаю. Я поглядывал на окна школы: шум и матерный гвалт доносились, наверное, и туда. О чём я тогда думал? Нет, не помню. Врать не стану. Быть может, о том, что все неприятности ещё впереди. И когда раздался возглас: «Мишку убили!» — только тогда я вышел из ступора.

Он лежал ничком на земле. Вся левая часть его головы была в крови.

— Валим отсюда! — крикнул блатарь Доде. — Сейчас менты понаедут.

Они уходили, но с достоинством, с видом победителей. Хотя победителей здесь не было. Фитиль с кодлой поспешили за ними, с опаской оглядываясь на нас.

У Мишки был рассечён затылок, но он был жив. Кто-то намеренно крикнул, чтобы остановить кровавое месиво.

— Это Фитиль его... — выдавил из себя Борька, — бляхой от ремня. — И, нервно вздохнув, проронил: — Не успел я...

Мишку хотели поднять, но он сам вдруг встал на ноги, посмотрел на нас рассеянным взглядом (он был в шоке) и, слегка пошатываясь, поплёлся к школе.

Происшествие на пустыре имело продолжение, но это уже, как говорится, другая история.

На Мишкину рану в травмпункте наложили швы. Слава Богу, всё обошлось, рана зажила, как и мой нос, который я тогда сумел вправить и придать ему надлежащий вид. Не помню, сколько дней я ходил с опухшим лицом и огромными, проявившимися немного погоды синяками под глазами. Довольно долго с правой стороны переносицы из еле заметной ранки выделялась какая-то прозрачная жидкость, но и эта ранка в конце концов затянулась. Если я кому-то, что бывало очень редко, рассказывал, как сам вправлял себе нос, порой замечал сомнение во взгляде, а кто-то и вовсе откровенно выражал своё недоверие.

Выпускные экзамены мы выдержали неплохо, даже Борька Павлов сдал их на твёрдые тройки. Мишка Коротеев мог бы окончить школу с отличием, но небрежность, с которой, как мне казалось, он справился, подпортила ему аттестат зрелости. Однако это не помешало ему поступить в Финансово-экономический институт, который он окончил с красным дипломом.

Бокс Мишка, конечно, бросил. Встречались мы редко, но я заметил — что-то в нём изменилось. Порой непонятно было, серьёзно он говорит или шутит — его улыбка вызывала во мне двойственное ощущение. А вскоре он и вовсе куда-то уехал.

Прошло много лет. Наша страна стала другой, да и мы все.

В конце восьмидесятых мне довелось писать статью для районной газеты о тружениках завода, на котором когда-то работал Доля. В одном из цехов, кажется, в механо-штамповочном, я встретил Борьку Павлова. Разговорились, вспомнили школу. От него я узнал, что Мишка Коротеев женился, успел развестись и живёт где-то в Подмоскowie.

Сам Борька был не женат. Признаюсь, это не удивило, даже не знаю почему. Гораздо больше я удивился, встретив в том же цеху Фитиля. Это был уже далеко не тот шпанистого вида оболтус, каким я его помнил со школы: передо мной стоял сутулившийся замшелый мужичонка. Они стали даже чем-то схожи с Борькой: оба неотёсанные — вроде бы и ростом удались, а словно скукоженные какие-то, в замасленных грязных спецовках... словом, двое из ларца, одинаковых с лица.

Конфузливо улыбаясь, Фитиль подошёл и протянул мне руку. Мы поздоровались, как старые знакомые. Фиксы у него не было, как и нескольких зубов, а те, что ещё оставались, нуждались в стоматологической помощи.

— Обедать идёшь? — спросил он Бориса.

По-видимому, они были в приятельских отношениях, что нисколько не удивило, как и то, что Славик-Фитиль меня вроде как смушался немного, поэтому, наверно, и спросил не к месту:

— Ну, как там... чемпион?

Мы с Борькой озадаченно переглянулись. А Фитиль ещё больше смутился, почесал свою плешивую макушку и произнёс:

— Да дураки были... вот так...

— Дураки... — согласился я.

— Ты это... только не думай... — вдруг как будто начал оправдываться Славик, — тебя трогать я не хотел. Да и друга твоего... С Борькой — да, были разборки...

И он направился в заводскую столовую, но вдруг вернулся:

— У Доди тогда свинчатка была, когда он тебя... Я не знал, честное слово.

— Но это же ты Мишку сзади ударил бляхой, — напомнил я.

Он хотел что-то сказать, но я опередил:

— А Диму-дурачка за что?

Славик как-то бессмысленно взглянул на меня, затем на Борьку и, махнув рукой — дескать, что уж теперь, пошёл обедать.

Мы с Борисом постояли пару минут и разошлись.

Через несколько лет, уже влихие девяностые, мы случайно встретились на улице. Разговорились. Он всё ещё был не женат, работал на том же заводе. Кое-что рассказал о Мишке, с которым поддерживал связь. Мишка стал главным бухгалтером в какой-то солидной фирме, в третий раз женился.

— Славик-то как? — спросил я.

— Помер Славик, сердце...

Меня не слишком тронула эта новость, на моей памяти было уже много смертей...

— А Додя в авторитете, — зачем-то сказал Борька. — На каком-то из московских вокзалов бригадиром напёрсточников...

На том и расстались, как мне кажется, уже окончательно, ибо с тех пор не встречались: я переехал в другой город. Как теперь Борька? Что с ним? Не знаю. Про Мишку Коротеева тоже ничего больше не слышал, но для меня он навсегда останется чемпионом. Чемпионом с большой буквы!

Почему он тогда за меня вписался и рванул на Додю, знает только он сам. Могу лишь предположить, что, как и я, видел, что из окон нашего 10-го «Б» за нами наблюдали девчонки. Как же он будет смотреть им в глаза...

*...И на пустыре, за школьным садом
Мы, волчата, выбравшись из нор,
Дрались, раздирая глотки матом,
Расширяя узкий кругозор...*

Эти строки родились уже позже, в девяностые. И кто бы что ни говорил — так было. Школа, конечно, много нам дала, но в те далёкие семидесятые улицы, задворки и подворотни были неотъемлемой частью нашей жизни. Именно там, среди дворовой гопоты, формировались характеры мальчишек моего поколения. Наши игры, не всегда безобидные, подчас дерзкие и даже опасные, были не чета компьютерным. Сейчас всё иначе. Впрочем, утверждать не берусь. У каждого поколения свои испытания.

г. Подольск Московской обл.

СОБАКИ

РАССКАЗ

1

Давно зазывал меня в гости старый дядька Володя, заманивал хорошей охотой и клёвой рыбалкой. Рыбалку я вообще не люблю, а вот пострелять зайцев поблазнило. Да и отец хотел навестить своего старшего брата — полгода не виделись, только созванивались. Всего-то сто пятьдесят километров от областного центра — пару часов езды.

Шла вторая неделя сентября. Стояли сухие солнечные деньки бабьего лета — хорошая пора для охоты. Выпросил я на работе у начальства три дня, плюс два законных выходных, и на пять дней решили мы с батей сгонять к дядьке Володе в Полуничи — древнюю деревеньку, помнившую Ивана Болотникова и второго Лжедмитрия.

Отец когда-то был заядлым охотником, а потом, из-за проблем с ногами, оставил своё увлечение. Но в детстве я раза три сходил с ним на уток и потому к охоте у меня остался большой интерес. На совершеннолетие отец подарил мне ижевскую двустволку, и вместе мы тогда постреляли немного уток. С тех пор

ПРОЗА

прошло уже более двадцати лет, а папа так ни разу и не выбрался на охоту.

Когда он выходил на пенсию, то сослуживцы подарили ему охотничий карабин «Сайга», очень похожий на автомат Калашникова. С ним батя только раз сходил в пригородный лесок потренироваться в стрельбе по жестяным банкам, но на охоту так и не отважился. А я раз в год, обычно по осени, выезжал с приятелями за город — подстрелить либо пару уток, либо глухаря, либо зайца, иногда и всё сразу, потешить свой охотничий инстинкт и привезти добычу домой — угостить жену и детей лесной дичью.

Отец созвонился со своим старшим братом, и поехали мы на стареньких папиных «Жигулях» — выдавшей вида, но ещё вполне бодрой «шестёрке». В багажнике лежали ружья, охотничье снаряжение и подарки для дяди Володи. Я рулил, а отец сидел сзади и с любопытством разглядывал окрестности. Первую половину пути мы проехали с ветерком по ровненькому полотну федерального шоссе. А вот когда мы свернули на второстепенную дорогу, ведущую в Полуничи, начались наши мучения — неровности, заплатки, колдобины, выбоины — как будто специально наковыряли!

2

В детстве я часто гостил летом у дяди Володи. Его сыновья, Витька и Петька, приходились мне двоюродными братьями.

Витька был старше меня года на четыре, и он редко общался со мной. Начав с пятнадцати лет подрабатывать на молочной ферме, он пропадал там целыми днями, а по вечерам водился со своими сверстниками, парнями и девчонками, — там были гитара, песни, танцы, посиделки. Отслужив в армии, Виктор сразу же уехал на севера зарабатывать деньги. Там он скоро женился и осел, изредка навещая своего отца, дядю Володю во время отпусков. Приезжал обычно с женой, двумя сыновьями и тётшей. Задаривал родителей дорогими гостинцами, устраивал шумные трёхдневные застолья для родни, приятелей, соседей и земляков, а затем продолжал путь на юга — отдыхать на курортах.

А Петька был моим ровесником, и в детстве мы с ним крепко дружили. Походы в лес, на речку, длительные велопробеги, игры, покосы, вечерние проказы в соседских палисадниках — всё это мы проделывали с Петькой и некоторыми нашими деревенскими приятелями. Да и к нам в город он часто приезжал погостить, и тут уже я водил его в кино, в театр, в парк, в музей и по прочим достопримечательностям областного центра.

Но судьба у Петьки сложилась не так ладно, как у Витьки, его старшего брата.

Пётр, окончив мореходное училище и вернувшись в Полуничи, женился на соседской девушке Тане, с которой дружил с самого детства, и увёз её с собой на Дальний Восток. Там они жили поначалу счастливо, и Таня родила сына. Петька, Пётр Владимирович, работал матросом на сухогрузе и часто уходил в длительные плавания, а Таня стала потихоньку прикладываться к бутылке и спиваться — то ли от тоски, то ли от дурости. Пётр терпел, но ничего с ней поделать не мог.

Как-то, вернувшись из плавания, он застал дома в усмерть пьяную жену, а сын в это время лежал с пневмонией в больнице. Ребёнок выздоровел, но терпение у Петра лопнуло окончательно. Отвёз он Татьяну назад в Полуничи, развёлся, отсудив права на сына, и оставил её в деревне. Сам же уехал с мальчишкой назад во Владивосток.

Пётр по-прежнему работал матросом и часто покидал дом. На всё время плавания ребёнка оставлял в школе-интернате. А когда возвращался домой, то они снова жили вместе, и Пётр сильно баловал сына, навёрстывая дни разлуки походами по городу, по магазинам, по кино и детским площадкам — воспитывал сына как мог.

Я знал от дяди Володи о печальной истории Петьки, но его самого не видел с тех самых пор, как тот женился, — я хорошо тогда погулял на его свадьбе. А ведь прошло-то уже более пятнадцати лет! Но вот сына Петра я так никогда и не видел.

3

Наконец мы подъехали к железнодорожному переезду. До Полуничей оставалось чуть более десятка километров, и эти места были мне хорошо знакомы. Слева, в шести метрах от дороги, плотной стеной стояли столетние мачтовые сосны, а справа протянулась поросшая густой травой низина, дальним краем вздымавшаяся к берёзовому перелеску, за которым располагалась невидимая отсюда звероферма. Когда-то на этой звероферме выращивали много разного пушного зверя: лисиц, куниц, соболей, норку и хонориков. Ныне она продолжала работать, но, как говаривали, едва ли в половину мощности.

Подростками мы часто хаживали в лес за грибами, но к звероферме никогда близко не подходили — старшие строго-настрого запрещали! Она была огорожена высоченным забором и колючей проволокой, по периметру стояли сторожевые вышки с прожекторами, как в исправительно-трудовом лагере. Но, самое главное, возле этой зверофермы обитала огромная стая бродячих и свирепых псов.

Пушных зверьков кормили рыбными и мясными полуфабрикатами, которые изготавливали здесь же, на территории зверофермы, в специальном цеху. Оставалось много съестных отходов: костей, требухи, кишок, обрезков — всё это выбрасывали в широкий и длинный вонючий ров вдоль одной из стен. Туда же, как говаривали взрослые, сбрасывали и ободранные тушки пушных зверьков. Поэтому там и кормились бродячие собаки, сбившиеся в большую стаю. Этих псов ещё и специально прикармливали хозяева зверофермы, — чтобы посторонние не бродили и не пытались красть ценную пушнину. Естественная, так сказать, защита от жуликов.

Однажды мы с Петькой заплутали в лесу и случайно забрели к звероферме. Мы вышли тогда на край поля, за которым метрах в двухстах, за редкими берёзами, виднелись сторожевые вышки и стена, огораживающая звероферму. И тут же мы услышали громкий собачий лай. Сначала затывало несколько псов, затем к ним присоединилось сразу много злых и рычащих голосов. На слух казалось, что там не менее сотни яростно лающих собак. Мы не стали дожидаться появления лохматых тварей и быстро побежали назад в лес. Честно говоря, мне тогда стало не по себе — собак я побаивался. Да и Петька потом признавался, что тоже слегка сдрейфил. Домой мы тогда вернулись благополучно, но дядьке ничего не сказали, а то бы он осерчал. Петьке бы точно всыпал. Но я надолго запомнил то неприятное холодящее ощущение от злобного лая огромной стаи бродячих псов возле зверофермы.

4

Переезд был перекрыт шлагбаумом, и над ним часто мигали красные огоньки. Впереди нас стояло пять легковых машин.

— Брат сказал, — заговорил отец, — что Пётр должен к нему нынче в отпуск приехать. Давно он не был-то у отца.

Мы простояли минут пять, но ни железнодорожного состава, ни локомотива так и не было видно, а лампочки над опущенным шлагбаумом всё продолжали тревожно мигать. Из стоявших впереди автомобилей начали выходить люди для разминки на свежем воздухе.

Сзади подъехал большой чёрный джип, из которого доносились гитарные аккорды блатной песни и хрипастый голос певца. Я глянул на отца — тот едва усмехнулся. Окна у нас были открыты, и поэтому мы очень хорошо слышали музон из крутой тачки.

— Интересно, долго мы здесь задержимся? — произнёс я вслух, постукивая пальцами по рулю.

— Кто его знает?! Наверно, маневровый тепловоз гонят с Шуваловского разъезда, — ответил отец и вылез из машины. Я тоже решил постоять и размяться.

Погода стояла чудная: яркое солнце, высокое ясное небо с редкими облачками, почвиркивали птицы, и настроение было благостное.

Вдруг справа, с дальнего края низины, внезапно раздался собачий лай. Я вспомнил про звероферму, и мне показалось, что злобно залаяла вся стая. Мы с отцом тотчас повернулись на зловещие звуки.

Из перелеска выбежал ребёнок и бросился через всю низину в нашу сторону. До бегущего было, наверно, около полукилометра, и поэтому даже своим острым зрением я не мог разглядеть его толком. На вид это был мальчишка не старше двенадцати лет — без головного убора, в серых штанах, в серой то ли куртке, то ли свитере, и бежал он со всех ног.

Через некоторое время из перелеска с громким лаем выскочили собаки, и их было так много, что стая, высыпавшая на пологий склон, больше походила на большую отару овец. Псы гнались за ребёнком!

Первое, что пришло в голову — надо быстрее поехать на автомобиле навстречу, подхватить мальчишку и спрятать в салоне. Но старые «Жигули» наверняка не одолеют низину, покрытую кочками, неровностями и густой травой. Что же делать?!

Я оглянулся, подбежал к чёрному джипу. В открытом окошке торчала упитанная харя мордастого мужика с короткой стрижкой.

— Брателло! — обратился я к нему с сильным волнением и показал в сторону низины. — Видишь, дикие собаки сейчас порвут ребёнка на части! Давай газанём на джипе навстречу — перехватим пацана. Твой вездеход пройдёт!

Мужик спокойно посмотрел в указанную мной сторону — ему хорошо были видны и бегущий ребёнок, и гонящаяся за ним стая псов. Затем он повернулся ко мне своей свиной рожей и с наглой ухмылкой произнёс:

— Если догонят и порвут, значит, судьба у него такая. А если убежит, то, значит, выживет. Естественный отбор! А машину по пустыкам я гонять не стану!

От гнева мне ударила в голову кровь. Я хотел уже выволочь гада из машины и отпинать ногами. Но тут раздался окрик отца:

— Паша!

Я обернулся. Отец стоял возле открытого багажника наших «Жигулей» и держал в обеих руках охотничьи ружья. Он был уже в снаряжении — с подсумками и ножом на поясе. Я моментально всё понял — подскочил к батю. Он протянул мой ИЖ-27:

— Зарядил. Крупная дробь. Держи патроны! — сунул полный патронташ. — Пошли!

Я схватил ружьё и боезапас, и мы кинулись бежать по низине навстречу мальчишке и собакам. Уже на бегу я застегнул на поясе патронташ.

5

Мы бежали резво, и расстояние между нами и ребёнком быстро сокращалось. Но расстояние между ним и собаками сокращалось ещё быстрее! Собаки бежали проворнее мальчишка. Я уже хорошо видел их. Огромные лохматые псы с оскаленными пастьями. Их было много — очень много! Я прикинул, что не менее полусотни — пятнистые, пегие, чёрные, похожие и на дворняг, и на овчарок, и на охотничьих лаек, и на другие разномастные породы. Они с громким, страшным лаем, от которого начинало звенеть в ушах, мчались во весь опор и уже догоняли ребёнка.

И тут мальчишка закричал. Он кричал пронзительным, нечеловеческим голосом, от которого стало не по себе. Он видел нас и бежал к нам в поисках спасенья. До него оставались ещё больше ста метров, но я уже мог разглядеть, с каким напряжением он бежал, часто перебирая ногами и подскакивая на кочках. Я не так боялся мчащихся в нашу сторону псов, сколько испугался отчаянного детского крика.

— Стой! — крикнул отец. — Стреляем. Я беру ближних, ты стреляй в середину. Мальчишку не зацепи!

Мы встали как вкопанные. Вскинули ружья. Я взвёл курки. Отец передёрнул затвор своей «Сайги». Мы изготовились. И напряжённо вцеливались в приближающихся собак.

Впереди стаи мчался огромный пёс, похожий на кавказскую овчарку, — почти медвежья морда с разинутой клыкастой пастью, с бело-рыжими боками, лохматый, страшный. За ним, почти рядом, бежали три пса такого же огромного размера, но уже похожие на лаек. Следом плотно сбитой стайей мчались остальные собаки и громко лаяли десятками визгливых и рычащих голосов.

Вожак уже догонял мальчишку..

Первым выстрелил отец. Вожак рухнул.

Я выстрелил следом, и пёс, бежавший за вожаком, крутанувшись, упал. Я выстрелил вторым стволом — ещё один пёс,

уже в стае, упал замертво, а два, заскулив, опрокинулись на бок и судорожно задргали лапами.

«Задел! Дробью!» — сообразил я. Страх улетучился. Вспыхнул боевой азарт. Умелым движением моментально перезарядил ружьё двумя новыми патронами и выстрелил снова. Я целился в несущихся собак в гуще стаи и попадал. Одни падали убитыми, другие, раненые, останавливали бег, скуля и визжа, тоже падали и дрыгали лапами или отскакивали в сторону и заваливались на бок с жалобным завыванием.

Отец стрелял одиночными с интервалом в две-три секунды — пули одна за другой разили псов насмерть. Те, которые бежали за вожакон, были уже убиты, а за ними падали и другие. Но стая продолжала упорно бежать на нас, и к их злобному лаю уже присоединились жуткий скулёр и душераздирающий вой смертельно раненых собак.

Выстрелы хлопали один за другим, и серые облачка порохового дыма клубами взмывали вверх. Я стрелял и моментально перезаряжал, снова стрелял, автоматически вынимал гильзы и вставлял в стволы новые патроны, взводил курки и опять стрелял. Я не считал патроны, просто не глядя вытаскивал их из патронташа, на ощупь, — я весь был сосредоточен на стрельбе.

Отец менял рожки с патронами и тоже стрелял без остановки. Собаки падали убитыми и ранеными, но остальные, ещё живые, продолжали мчаться прямо на нас. Я не мог сосчитать застреленных — их было много. Но казалось, что стая не становится меньше и подбегает всё ближе и ближе. На секунду мелькнула отчаянная мысль: «Сейчас порвут!» Но мы продолжали, как заведённые, стрелять под громкий лай, визг, скулёр и предсмертный вой подстреленных псов.

Мальчишка подбежал достаточно близко к нам — метров двадцать, не более. Он перестал кричать и бежал молча. Теперь я хорошо разглядел его лицо — оно было белым, как снег. Псы поотстали метров на пять-шесть и заметно снизили темп, но всё равно ещё продолжали упорно гнаться за мальчиком.

Я сделал ещё два двойных выстрела. Один пёс упал замертво, а второй, подскочив, завертелся с воем на месте. Отец расстрелял ещё один рожок и вставил новый. Я потянулся пальцами за патронами и не нащупал их. Глянул — мой патронташ был пуст. 24 выстрела! Больше патронов у меня не было. Я бросил отчаянный взгляд на отца. Он ободряюще кивнул и снова выстрелил в стаю...

В какой-то момент собаки остановились. Два выстрела из карабина уложили ещё пару зверей. Ещё один выстрел! И ещё один пёс упал...

Вдруг собаки кинулись бежать обратно, и я уже совершенно точно подсчитал, что их осталось всего восемь. Лай, уже не такой громкий, как в начале, сменился с яростного на испуганный и жалкий. Значит, мы отбились! Перестреляли свирепую стаю, а жалкие остатки её обратили в бегство!

Подбежал мальчишка и кинулся в объятия к моему отцу.

— Дяденька! Дяденька! Дяденька! — судорожно выкрикивал ребёнок и крепко хватался за плечи бати.

Я подошёл ближе. На мальчишке не было лица — закатывшиеся глаза, бледные губы, розовые веснушки на белой коже, прилипшие ко лбу светло-русые волосы. Его трясло, как в лихорадке.

— Ну всё! Всё! Всё! — приговаривал отец, похлопывая мальчишку по спине и успокаивая. — Перестреляли мы всех собак.

Я погладил ребёнка по голове — она была горячей и мокрой от пота. Скорее всего, ему действительно было не больше двенадцати лет — очень худой, с тонкими ногами и руками.

Немного успокоившись, мальчишка оглянулся назад и увидел убегающих псов — остатки стаи. Повернулся к нам и вымученно улыбнулся.

— Спасибо... Дяденьки... — произнёс он дрожащим голосом и заплакал — тихо, почти беззвучно, только с судорожными всхлипами. Это была реакция на пережитый страх. Я почувствовал, что меня уже отпустило напряжение и внезапно накатило нервное утомление.

— Пойдём! — скомандовал отец, и мы зашагали к дороге. Позади нас жутко скулили подышающие псы, а мальчишка плакал и вздрагивал всем телом. Батя придерживал его за плечи, похлопывал, и продолжал приговаривать:

— Ну всё-всё! Всё!

Я понял, что волнение ещё не отпустило отца.

6

Мы подошли к дороге, поднялись по пологому откосу насыпи и приблизились к своему автомобилю. Переезд всё ещё был закрыт шлагбаумом, но где-то невдалеке уже пыхтел и посвистывал тепловоз.

Люди стояли возле своих машин и с напряжённым молчанием глядели на нас. Кто-то подошёл и похлопал меня по плечу:

— Молодцы, мужики! Молодцы!

Ещё несколько человек подошли, пожали руки, одобительно похлопали по плечам меня и бату:

— Молодцы!

Пожилая тётка протянула мальчику белую эмалированную кружку с водой:

— Попей!

Тот взял обеими руками и жадно выпил до дна — протянул назад кружку:

— Спасибо.

Тётка налила из пластиковой бутылки ещё и протянула отцу — тот выпил быстро. Третья кружка была моей, и я с огромным удовольствием выпил холодной воды.

— Тебя как звать? — ласково спросила тётка у мальчугана.

Тот вытер на щеках слёзы, расправил плечи, поглядел на женщину и твёрдым голосом произнёс:

— Виталик.

Тётка, растрогавшись, потрепала мальчика по голове и отошла, покачивая головой, переживая про себя увиденное. Разошлись и остальные.

— Ты как там оказался?! Ты не местный, что ли? Разве не знаешь, что там звероферма? Что там злые собаки? — засыпал я парня строгими вопросами. — Там же нельзя ходить?!

Виталик повернулся ко мне, и в его серых глазах уже совсем не было страха:

— Я, дяденька, к мамке ходил на звероферму. Проведать хотел. Она там работает. А потом домой пошёл через лесок. Не по дороге. Срезать решил. А там собаки! Думал, что они не страшные. Думал, что они не тронут. А они как кинулись на меня! Как погнались за мной!

Виталик зажмурился — пережитое снова накатило на него.

— Ты из Полуничей? — спросил отец.

Мальчишка кивнул.

— Садись! Подвезём, — велел батя, и Виталик послушно сел на заднее сидение.

Я отстегнул стволы, запихнул ружьё в чехол и положил на своё место в багажник. Затем снял пустой патронташ и кинул рядом с ружьём.

Подошёл батя.

— Расстрелял весь патронташ — 24 патрона! — сообщил я ему.

— А я четыре рожка — 32 патрона! — ответил он и отстегнул рожок. — Нет, один патрон ещё остался.

— Сколько же собак мы убили? Полсотни? Там ещё подраненных много осталось. Сдохнут теперь.

Отец пристегнул рожок назад и передёрнул затвор:

— Одна собака ещё живой осталась!

Я не понял его фразы.

Отец быстрым шагом подошёл к чёрному джипу. Я не понял, что он задумал, и бросил взгляд на переезд.

Раздался выстрел. У меня ёкнуло сердце, и я резко обернулся.

«Застрелил гада!» — подумал я и кинулся к отцу.

Батя стоял возле джипа и направлял на водителя ствол карабина. В окошке что-то белело. Я не мог разглядеть — убит или нет мужик за рулём? Внутри меня всё заглохло. Но тут я увидел, что левое переднее колесо джипа прострелено и осело.

— Выходи! — скомандовал отец, не опуская ствола. — Живо!

Дверь медленно открылась, и из кабины осторожно вылез с поднятыми руками мордастый мужик. Его здоровенная харя была серой от страха. Свиные глазки его бегали из стороны в сторону, а сам он дрожал всем своим массивным рыхлым телом.

— Ты чего, батя? Ты чего? — испуганно бормотал мордастый.

— Значит, говоришь — естественный отбор?! — грозно проорчал отец. — Так вот я сейчас сделаю отбор! Пристрелю тебя, гниду бандитскую, и одним гадом на земле станет меньше!

— Батя, не надо! Не надо, батя! — лепетал мужик заплетаясь языком.

— Надо! Обязательно надо! Чтобы таких тварей меньше водилось! Ты же мог спасти мальчонку? Тебе в секунду можно было доехать до него. А ты ребёнка на растерзание псам оставил! Разве ты человек? Нет, я тебя сейчас завалю прямо тут. И мне пофиг, что со мной дальше будет! — отец приставил ствол «Сайги» к голове мужика. Тот рухнул на колени.

Мне тоже стало страшно — я стоял ни жив ни мёртв. И я нисколько не сомневался, что сейчас отец убьёт негодяя, но не мог ни пошевелиться, ни даже выкрикнуть.

Мордастый стоял на коленях с поднятыми руками и, опустив голову, сильно трясся. Слышалось только:

— Батя, пощади. Батя, не надо. Не убивай, батя! Батя...

Внезапно раздался пронзительный мальчишеский крик:

— Дяденька, не надо!

Это кричал Виталик. Я оглянулся — он стоял рядом с нашими «Жигулями» и с тревогой глядел на моего отца.

— Не надо, дяденька! Не убивай его! — ещё раз, уже просительно выкрикнул Виталик.

Рядом со своими автомобилями стояли замершие люди и растерянно наблюдали за нами. Видимо, они тоже испытывали страх от разыгравшейся на их глазах драмы с продолжением, и никто из них даже не попытался вступить за владельца чёрного джипа.

Мимо по железным путям прокатил, надсадно пыхтя и громыхая, тепловоз, и шлагбаум, погасив лампочки, сразу же поднялся вверх. Но никто из людей не двинулся с места — все ждали развязки.

Отец ткнул стволom в вислую мясистую щёку перепуганного мужика и опустил карабин.

— Ладно! — батя с презрением сплюнул себе под ноги. — Живи пока, гад! Но больше не попадайся мне на глаза! Ещё раз увижу: пристрелю как собаку!

Повернувшись, отец зашагал к «Жигулям». Подойдя ближе, потрепал Виталика по голове:

— Садись! Сейчас поедem! — оглянувшись на меня, нервно крикнул. — А ты чё встал? Поехали!

Я облегчённо выдохнул. Закрыл багажник и сел за руль. Батя уселся рядом — в руках он держал свою «Сайгу», похожую на боевой автомат, и она сильно воняла жжёным порохом. Виталик расположился на заднем сидении и ухватился за верхний поручень.

Я завёл мотор, включил левый поворотник и глянул в зеркало заднего вида. Мордастый мужик продолжал стоять на коленях возле своего джипа и, закрыв лицо руками, громко рыдал.

Я тронулся, резко вырулив влево, и объехал стоявшие впереди автомобили. На встречной полосе никого не было, и я спокойно проехал через переезд по левому краю. Кто-то помахал нам рукой вслед.

Отъехав подальше, я оглянулся и увидел, что остальные люди тоже расселись по машинам и тронулись в свой путь. Но чёрный джип так и остался стоять на месте.

— Ты где живёшь в Полуничах-то? — спросил батя Виталика.

Мальчишка был уже совсем спокоен и с любопытством разглядывал салон нашего старого «жигулёнка». Помедлив, ответил:

— На Мельничной улице, дом сорок пять.

Мы с отцом невольно переглянулись — это был адрес, куда ехали мы.

— Ты у дяди Володи, что ли, живёшь? — удивлённо спросил я.

Виталик покивал головой:

— Да, у деда Володи. Мы с отцом только вчера приехали из Владивостока. А я хотел мамку повидать... Я не видел её пять лет! — мальчишка на секунду замолк и резко смахнул рукой вытекшую слезу. — Решил сходить на звероферму. Мне соседка баба Нина сказала, что моя мамка там работает. Вот я и

пошёл, пока отец не прознал. Он бы не разрешил мне с мамой повидаться.

— А ты повидался? — спросил батя.

— Повидался, — произнёс Виталик с теплотой в голосе. — Она хорошая. Добрая. Она уже давно бросила пить. Я хочу, чтобы папка забрал маму во Владивосток, чтобы она снова жила с нами!

Виталик оказался моим сродным племянником — сыном Петра, моего двоюродного брата, младшего сына дяди Володи, который был старшим братом моего отца.

8

Вот так неожиданно мы и встретились с нашим младшим родственником.

— Счастливый у тебя сегодня день, Виталик! — промолвил мой отец и поглядел на меня с какой-то гордостью.

— Да уж! — согласился я и кивнул. Мы решили не открывать Виталику тайну, что мы его родня, пока не приедем домой к дядьке Володе. Пусть это для мальчишки станет неожиданным сюрпризом. Хотя после пережитого, что могло обрадовать его?!

— Ну, ты как? Отошёл? — участливо спросил батя.

Виталик радушно улыбнулся:

— Отошёл! Всё нормально. Вы за меня не переживайте, дяденька! Я в порядке.

Я тоже улыбнулся. У Виталика был наш характер — стойкий.

— Дяденька! — обратился мальчишка к моему отцу.

— Зови меня дядя Андрей, — ласково подсказал батя. — А ещё лучше — дед Андрей. Понял?

— Понял. А можно вас спросить?

Батя кивнул в ответ:

— Спрашивай.

— Дед Андрей, а вы, правда хотели убить того мужика? Из чёрного джипа?

Отец некоторое время молчал, наконец, отстегнул рожок и показал Виталику:

— Вот, смотри, рожок пустой — нет больше патронов. Я последней пулей прострелил ему колесо. А потом решил его поугатать маленько.

— А он нехороший? — настороженно поинтересовался Виталик.

— Да. Очень нехороший. Но я всё равно не стал бы его убивать. Я сильно разозлился на него. Попугал только. Чтобы он потом вёл себя хорошо.

Отец замолчал и принялся разглядывать дорогу справа от себя.

Близился полдень. Мы уже подъезжали к Полуничам. Вот въезд в деревню — старый каменный дом, где когда-то был сельмаг. Потом началась длинная улица с далеко отстоящими друг от друга усадьбами, огороженными высокими заборами. Всё утопало в зелени деревьев: вдоль дороги выстроились мощные тополя, рослые берёзы стояли рядами возле домов, гибкие черёмухи одиноко кудрявились в палисадах, коренастые липы раскидисто накрывали дворы, а молодые дубки высились у заборов. И кое-где уже пробивался лёгкий налёт осенней желтизны.

Там, на другом конце деревни, жил дядя Володя, старший брат моего отца. И там сейчас ждал нас Пётр — мой двоюродный брат, к которому мы везли его сына Виталика, так чудесно спасённого нами сегодня.

Мне стало не по себе от назойливой мысли — что было бы, если бы сегодня мы не поехали в Полуничи? Ведь мы могли поехать немного раньше или чуть позже, могли бы вообще не оказаться на этом переезде! И тогда Виталика разорвали бы дикие псы! Я содрогнулся...

— Да, Бог есть! — многозначительно произнёс батя, сжимаемая карабин.

До самого дома мы больше не проронили ни слова.

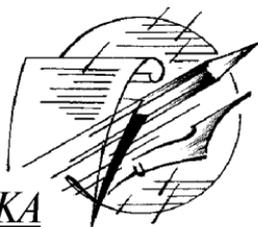
г. Красноярск

ГУМАНИТАРНЫЙ КОНВОЙ

Путевые заметки

Этот конвой в основном составляли посылки, собранные жителями Ферзиковского района Калужской области. «Газель» была загружена продуктами питания, приборами различного назначения, которые заказали бойцы нескольких частей, те, что сейчас дерутся на Соледарском и Артемовском направлении, книги, несколько рулонов сетки-рабицы. Предстояло часть груза доставить в Стаханов, часть в Первомайск. На этот раз поехали не сразу на Тулу, а завернули в Калугу и там, на одном из складов загрузили два контейнера со спальными мешками. Когда тридцать спальников перекинули через борт, оказалось, что наш грузовичок забит под самый тент.

Водители — Михаил, Геннадий, Олег. Правда, Олег за руль так и не сел, во всяком случае, по дороге туда (обратно я ехал уже в другой машине). У него, как оказалось, была другая миссия. Мы познакомились, разговаривали. Олег вдруг замолчал, о чем-то думал, иногда куда-то звонил, и в это время он был где-то далеко от нас. Вскоре я уз-

Продолжение. Начало в №1-2

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нал: Олег едет к сыну — тот воюет под Соледаром в 106-й воздушно-десантной дивизии, в разведке. Оказалось, я знаю его, познакомился во время ноябрьской поездки прошлого года: сын Олега — тот самый десантник по имени Игорь, который нас возил на «буханке» по разрушенной до основания Попасной, а потом на полигон. По кое-как расчищенным улицам Попасной мы пронеслись, как угорелые, так было предписано, потому как медленная езда по городу, который находился вблизи линии соприкосновения, могла привлечь внимание противника.

— Они постоянно следят за городом, — сказал водитель.

Запомнилась мне и та по-хозяйски отделанная рифлёной нержавеющей «буханка». Её земляки ремонтировали, готовили для дела специально с расчетом на вывоз с передовой раненых — усиливали, насколько это возможно, нижнюю часть кузова. Когда мы снова встретились, я спросил и о ней. В ответ десантник махнул рукой.

Пересекали бывшую границу России и Украины в Изварино. Медленно пробирались по лабиринтам КПП, проваливаясь в ямы напрочь разбитого, изломанного асфальта. «Предъявите паспорта!» «Покиньте машину!» «Можете ехать!» Спокойные и сосредоточенные, как врачи на приёме, пограничники, какие-то другие службы. То ли серая, то ли тёмно-зелёная форма, тяжёлая кобура на ремне. «Проезжайте, проезжайте...»

Мы на двух машинах. Третья, «Камаз» с прицепом, выехала из Калуги раньше нас, но, судя по телефонным разговорам между водителями большегруза и старшим конвоя Алексеем Сергеевичем Волковым, где-то остановилась в дороге — то ли ремонтировались, то ли поправляли груз. «Камаз» нагрузили подтоварником под завязку, он вёз шестьдесят кубометров леса. Война требует больших ресурсов. Наши ребята пошли вперёд, а это означает, что обжитые позиции пришлось покидать и устраиваться западнее, отрывать новые окопы, строить новые блиндажи и прочее. А для этого нужны доски, кругляк для накатов и стоек. И вот калужане отправили доверху гружёный лесовоз. Его мы ещё встретим, но позже.

Водитель Михаил быстро отстегнул и закинул наверх задний полог тента. Пограничник вскочил на борт, пошевелил контейнеры со спальниками, подвигал коробки с продуктами и блиндажными свечами. «А здесь что?» — «Книги». — «Детские?» — «Нет, взрослые. Для библиотеки Первомайска». — «Понятно. Счастливой дороги».

Заметил: чем ближе к Изварину, тем больше «Газелей», тентованных грузовиков — гуманитарку везут со всей Рос-

сии, посылки своим, не забывают солдат, родных земляков. И это ещё одна яркая и неоспоримая черта *народной* войны. Мои размышления усилил неожиданный диалог водителей:

— Прикинь, что будет, если подвоз из областей вдруг прервётся?

— Что будет... Плохо будет, особенно там, в окопах.

— Да... Везём всё: и жратву, и окопное снаряжение, и дроны, и квадрациклы, и спальники, и маскировочные сетки, и сапоги, и берцы. Даже вон рабицу заказали.

— Говорят, из какой-то области на передовую ребятам миномёты привезли. Прямо с завода.

— Да, без добровольной помощи тыла кое-кто тут же на жопу сядет. — Эта фраза прозвучала более жестко, да простит меня читатель.

— Кое-кто пусть снарядами обеспечит. Ракетами, дронами. Чтобы не было, как в ту войну — одна винтовка на отделение. А мы тут как-нибудь...

— Ну да, миномёты мы не везём. Потому что в Ферзикове их не делают.

— Зато дрон везём.

— Дрон — не миномёт, его купить можно.

— А наш, который для десантников везём, сколько стоит? Небось тысяч пятьсот?

— Где-то так.

— Дорого.

Зазвонил телефон — вышла на связь вторая машина. Мы приближались к назначенному пункту, где должны были уточнить дальнейший маршрут движения. Разговор прервался, а я подумал: сейчас так говорит почти вся Россия. Почти вся... Потому что есть и такие, кто думает иначе, кто не желает нашей победы, кто втихую продолжает помогать украинским нацистам, пересылает им деньги, ждёт подходящего момента, чтобы выступить открыто, против России или за *свою* Россию. В трудную для страны минуту такие всегда находились. Спящие ячейки, ждуны, колаборанты.

Вспомнилась родина, деревня Ямное, которая всего в нескольких километрах от моего родного Воронцова, что в Куйбышевском районе. Летом 1942 года её вместе с жителями сожгли. В последний момент пощадили только женщин и малых детей. Загнали в противотанковый ров и приказали лечь на землю. Когда ложились на землю, дети заплакали, женщины и старухи заголосили, думали, что их сейчас убивать будут, да там, во рву, и закопают. Всех остальных — в ригу. Ригу обложили снопами соломы, облили керосином и подожгли. Долгие годы говорили и писали, что в Ямном звер-

ствовали немцы. А недавно, когда пелена межнациональной дружбы с глаз спала, выяснилось — полицейские, полицейская рота, стоявшая в Новосельском, что в пяти-шести километрах выше по течению Десёнки; рота состояла из украинцев, в основном западных областей, бывших советских военнопленных Рославльского концлагеря, изъявивших желание служить Германской армии на занятой её войсками территории. Вот они и служили, выслуживались перед новыми хозяевами. Подожгли ригу с жителями Ямного, поставили на горюшке пулемёт. Когда рига запылала и из нее, выбив доски на оконных проёмах, выскочили несколько человек, в руках одного из западенских иуд заработал этот пулемёт..

Многие годы собираю материалы об этой трагедии. Хочу написать книгу. В прежние годы украинская тема была плотно прикрыта «дружбой народов». Но всё вылезло с неожиданной стороны. Правда истории, она такая, идеологии не подчиняется.

Мы мчались по шоссе М-4 среди воронежских полей и ширей. Жалко, что ночь скрывала их. Никогда не бывал в воронежских местах. Только читал о них в степных рассказах Бунина, в стихотворениях Кольцова и Никитина, в архивных документах времён Великой Отечественной войны.

Воронеж... Воронеж... Однажды в Тарусе мой воронежский приятель, окидывая глазом базарный ряд, где продавались овощи и фрукты, сказал: «Вижу кое-что наше, воронежское. Но вот земляника не наша. У нас, в воронежских местах, земляника душистей, крупнее!» И вдруг вспомнилось совсем другое, не земляничное, но воронежское: Воронеж во время войны был разбит до фундаментов, так же как и Сталинград, и был единственным городом, где немецкие оккупационные власти так и не смогли сформировать из местных свои, так сказать, рабочие органы управления; несколько раз давали объявления о наборе в полицию, расклеивали листовки и приказы, обещали паёк, другие льготы. Но никто не пришёл в управу и не взял в руки полицейскую винтовку и повязку. Никто!

Олег разговаривал по телефону с сыном. Мы задерживались с прибытием на контрольный пункт, а наш земляк, десантник Игорь, был уже на месте и звонил отцу.

Рассвело. Справа и слева от шоссе лежали балки, заросшие лесом курганы, дымили трубы заводов, мелькали домишки деревень и селений. Бедный край. Кажется, что со времён отложения Украины от СССР здесь ничего не изме-

нилось. Это обсуждали и водители. Для жителя сердцевиной России, откуда ехали мы со своим грузом для сражающейся Российской армии здешний пейзаж казался скудным, бледным, бедным. Снега здесь уже не было. Рыжие поля открывались солнцу на многие километры вправо и влево от шоссе. Серое жнивье уже стыло в ожидании плуга. Кстати, в дороге мы обгоняли транспорты с сельскохозяйственной техникой. Россия везла на Донбасс плуги, сеялки, уборочные агрегаты с логотипом «Ростсельмаш».

Водители, поглядывая в окна, продолжали свой диалог:

— Смотрите, крыши все шиферные. У нас таких и в глухих деревнях нет, уже железом перекрыты.

— Да ещё есть, есть и у нас.

— Сараюшки и хлева кое-какие, из каких-то щитов сколочены кое-как...

— А мы считали, что шахтёры — народ богатый...

— Смотри, разбита почти вся улица. Горели... Прямое падание...

Проезжаем Луганск. Город большой. Едем по улице Оборонной, одной из центральных в столице ЛНР. Улица широкая, похожа на проспект. В середине работает дорожно-строительная техника — город восстанавливает трамвайные пути. Отрыт неглубокий котлован, укладывается песчаная подушка. Когда-то, ещё при Советском Союзе, когда большая страна вкладывала в Донбасс огромные средства, трамвай в Луганске был одним из самых развитых, экономичных и экологических видов городского транспорта. Множество линий, соединявших рабочие окраины с центром, жилые районы с заводами, предприятиями. Когда Украина вышла из состава СССР, киевские власти на города Донбасса плюнули. В инфраструктуру городов и рабочих посёлков не вкладывали достаточных средств. Закрывались заводы, народ начал нищать. Деньги перекачивались в карманы олигархов и хапуг. И неважно, какой национальности они были, капитал везде одинаково жесток к простому человеку. Деградировали и трамвайные линии в Луганске. Теперь сюда пришла Россия. И результаты этого прихода мы наблюдали.

Кстати, первым городом в Российской Империи, где появился трамвай, был Киев. Многое мы отдали Украине.

В Стаханов въехали по отремонтированному шоссе. Россия и здесь приложила свои заботливые руки. Вдоль дороги указатели, не заблудишься. Город Стаханов находится немного западнее Луганска и в 124-х километрах к северо-востоку от Донецка. В справочнике читаю: «...граничит с горо-

дами Первомайск, Брянка, Кировск, с юга — с Перевальским районом ЛНР». Действительно, Стаханов *граничит* с соседними городами — заканчивается один город и тут же начинается другой. Когда-то именовался Кадиевкой. Стаханов разрастался и постепенно поглотил Ирмино, Алмазную. Кругом степь. Река Камышеваха разрезает город. Когда-то так называемая Стаханово-Алчевская агломерация была крупным экономическим и промышленным объединением, благосостояние которой основывалось на угледобыче и машиностроении. Объединение «Стахановуголь» насчитывало девятнадцать шахт. Махина! В городе и окрестностях действовало тридцать крупных заводов. Тоже махина, которая вливала в местный бюджет огромные средства на благоустройство, на социальную сферу, культуру, образование, здравоохранение. Десятки тысяч рабочих мест! К примеру, Стахановский вагоноремонтный завод был крупнейшим не только на Донбассе, но и в Союзе, выпускал товарные вагоны для всей большой страны. Вагоны из Стаханова мчались в Россию, по сибирским трассам, в Среднюю Азию. Здесь же, в цехах вагонзавода исполнялись технологически сложные заказы для стран СЭВ: Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР. Когда началось строительство евротоннеля под Ламаншем, часть тоннельного оборудования изготавливали тоже здесь. Киевская власть долгие годы истощала экономику Стаханово-Алчевской агломерации. Прибыль забирали, при этом не делали никаких ощутимых вложений в развитие и обновление средств производства, в социальную инфраструктуру, в дороги, в коммунальное хозяйство. В местных хрониках читаю: *«В 2007 году в городе прекратилось трамвайное движение: рельсы и 23 трамвая были отправлены украинскими властями в цветной лом. В 2008-м было прекращено троллейбусное сообщение — все провода сняли и сдали в металлолом вместе с частями троллейбусов. В 2012 году официально ликвидировано центральное отопление, закрыты все котельные города. Людям, включая жильцов многоэтажек, украинские власти предложили самостоятельно отапливать квартиры. Затем в городе площадью почти 100 кв. км отключили освещение улиц — Стаханов погрузился во тьму. В 2013 году Стаханов исключили из маршрутов поездов дальнего следования. За год до «евромайдана», по данным ООН, в городе осталось лишь 77,7 тыс. жителей».*

В советское время здесь проживало около ста тысяч человек, а в Стаханово-Алчевской агломерации — более трехсот тысяч. Народ стал покидать эти обжитые места, люди бежали от нищеты, от наглой украинизации, от войны.

Во время Великой Отечественной пять тысяч добровольцев в первые же дни ушли на фронт, а всего в годы войны в Красной Армии сражались более двадцати тысяч стахановцев. В городе создавались истребительные отряды, формировалось народное ополчение. В октябре 1941 года, когда немцы подошли к городу, началась спешная эвакуация заводов. До июля 1942 года город оставался в прифронтной полосе. Войска нашей 12-й армии остановили наступление немцев на Ворошиловоградском (Луганском) и Сталинском (Донецком) направлениях. В июле город был оккупирован. Из местных хроник: «Фашисты установили в городе режим террора и бесправия. За время оккупации в городе было уничтожено около 3000 жителей, более 900 юношей и девушек было угнано на принудительные работы в Германию». Несмотря на жесткий оккупационный режим, в городе и окрестностях действовали подпольщики и партизаны. Взрывали железнодорожные линии, жгли объекты, жизненно важные для оккупантов, расклеивали листовки, в которых рассказывали о победах Красной Армии.

В начале сентября 1943 года войска 91-й стрелковой дивизии 51-й армии Южного фронта освободили Стаханов и окрестности.

В память о погибших, расстрелянных немцами и полицаями, зверски замученных и сброшенных в ствол шахты № 33-бис в городе рядом с братской могилой установлен памятник «Непокорённые».

Власть украинских нацистов оказалась не лучше власти нацистов немецких. Эти сразу принялись за искоренение русского языка, русской культуры. Уничтожали в русском народе русское, исконное, завещанное отцами и дедами. Проект «антироссия» осуществлялся широким фронтом с привлечением всех средств пропаганды, административного давления, а потом и военного. В этом смысле те фашисты к местному населению были куда лояльней: хотя бы не запрещали родного языка, да и свои рескрипты после немецкого «Achtung!» писали по-русски. Стаханову повезло: город оказался в тылу, линия фронта пролегла западнее, у Первомайска и Попасной. Казаки атамана Козицына, добровольцы ЛНР не пустили сюда украинских нацистов. Но разрывы от снарядов их дальнобойной артиллерии всё ещё видны.

Две машины нашего конвоя прибыли с небольшим опозданием. Лесовоза ещё не было. Нас встретил гражданский,

средних лет. К нему подошёл Алексей Сергеевич Волков. Быстро переговорили. Я услышал:

— Да тут, рядом совсем.

А Олег обнимался с сыном. Время от времени отстранял его, словно для того, чтобы убедиться, что вот он, его Игорёк, что живой и здоровый, и снова душил в объятиях. Глядя на них, радостно было и нам. Каждый из нас невольно примерял этот эпизод и к себе: а как бы чувствовал себя и он, если бы его сын или брат воевал на Артёмовском или Соледарском направлениях и судьба свела их в неглубоком тылу между боями.

Игорь худощавый, невысокого роста, совсем не похожий на десантника с картинки, где маршируют, складывают парашюты, сидят на броне БМД (большой машине десанта) рослые, плечистые, с квадратными подбородками парни. На рукаве нашивки разведчика. Напарник его покрупней. Такие же нашивки. Волков сразу передал десантникам коробку с коптером. Десантники открыли упаковку, вытащили чёрный корпус. Переглянулись.

— Хорошая «птичка». Из дорогих.

— Выбирали лучшую из того, что вы заказывали, — сказал Волков.

Обо всём, о чём хотелось поговорить, обстоятельства нам не позволили. Во-первых, не хотелось мешать отцу и сыну побыть наедине. Во-вторых, время у десантников было ограничено. Вскоре они уехали. Я успел им подписать книги «Из солдатского вещмешка», передал несколько экземпляров для их боевых товарищей, а самое главное — книгу «Маргелов» в серии Жизнь замечательных людей. Пусть читает нынешнее боевое поколение десантников о своём легендарном бате — истинном отце ВДВ Василии Филипповиче Маргелове.

Следующей была встреча с танкистами. Наша «Газель» въехала в просторный ангар. Когда вышли из кабины и осмотрелись, поняли, что мы в большом цеху. Цех отапливался. Вверху застеклённые окна. Кран-балка, с которой свисала лебёдка. По стенам станки.

Быстро разгрузили коробки, контейнеры со спальными мешками, рулоны с рабицей. В коробках блиндажные свечи, продукты, чай, детские рисунки, письма для бойцов, носки, маски, тёплое бельё, другие необходимые в холодных окопах вещи и предметы.

Я рассчитывал увидеть боевую технику, танки, но ничего подобного не увидел. А в район их дислокации проехать нам не разрешили. Офицер, встречавший нас, сказал тоном, не допускающим иных вариантов:

— Как-нибудь в другой раз.

Что ж, нельзя, так нельзя. Совестно удовлетворять своё любопытство на фоне войны. А она гремела западнее, как раз в том краю, о котором нам говорили — в стороне Соледа-ра и Артёмовска.

Как-нибудь в другой раз...

Вместо позиций танкисты пригласили нас на чай: с доро-ги, мол, надо...

Столовая была оборудована тут же, в одном из ангаров. Хозяйничала красивая женщина средних лет. Погон на её плечах не было — опрятный поварской белый халат. Но по-гоны мы вскоре почувствовали. Позывной Светланы Влади-мировны — «Стрела». До столовой она работала в госпитале в Первомайске. А когда его разбомбили «хаймарсами», при-шла сюда, в столовую, служить победе дальше. Она быстро накрыла на стол: отварные сардельки, варёные яйца, сли-вочное масло, даже печенье. Потом, когда принесли чай, го-рячий кофе и молоко, Светлана Владимировна удивила нас горячими, только из духовки, булочками. Те булочки запо-мнились больше всего. Румяные, ароматные — они пахли пшеничным полем и ванилью — они хрустели на зубах и на-поминали детство и родительский дом. Кажется, что нашу дорожную усталость сняли именно они, эти солдатские, но вполне домашние пироги доброй Светланы Владимировны.

— Жалко, что вы торопитесь, а то бы отведали нашего бор-ща. Варится, только поставили. На второе котлеты. Фарш тоже только сделали. А может, подождёте? Хотя бы котлет.

— Нет, Светлана Владимировна, у нас ещё много дел.

Офицер, опекавший нашу волонтерскую бригаду, сказал, что кормят танкистов хорошо. Мы в этом убедились.

Этот неожиданный «чай» у танкистов мы вполне сочли за обед и помчались в Первомайск. Волков пытался созвониться с командиром тяжелого артиллерийского гаубичного дивизи-она им. Г.К. Жукова. В конце концов выяснилось, что и ко-мандир, и зам по тылу «Добрый» — на позициях и что пови-дать их не удастся. Но в Первомайск всё равно надо было ехать.

Собираясь в поездку, я выбрался в Москву, в своё родное издательство «Молодая гвардия». Вторым и сразу третьим изданием в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга о генерале В.Ф. Маргелове. Надо было забрать авторские экземпляры. Заглянул к руководству издательства, сказал, что еду на Луганщину и непременно зайду в городскую би-блиотеку города Первомайска. Рассказал, как калужане, шефы Первомайска отремонтировали библиотеку, завезли оборудование, мебель. Сказал:

— Было бы здорово, если бы издательство «Молодая гвардия» выделила некоторое количество книг для пополнения и обновления её фондов.

На моё предложение тут же в один голос отозвались и главный редактор, и коммерческий директор «Молодой гвардии»: идите, мол, на склад и отбирайте то, что посчитаете нужным. Пошёл и отобрал.

Первые три коробки книг мы доставили в Первомайск. Библиотекари нас встретили с восторгом. Когда книги извлекли из коробок и разложили по столам в читальном зале, они всплеснули руками. Никогда в таком количестве они не получали в свои фонды книги самой, пожалуй, знаменитой книжной серии. Биографии полководцев Суворова, Жукова, Федюнинского, Барклая де Толли, Кутузова. Художников Брюллова, Кустодиева, Айвазовского. Знаменитых артистов, музыкантов, писателей, политиков.

Директор Валентина Григорьевна Илясова произнесла небольшую речь. Посетовала на то, что после недавнего налёта на городскую больницу, читательские собрания в целях безопасности отменены.

— А как уместно было бы собраться и поговорить об этих книгах. Я думаю, наступит время, когда мы всё же соберёмся и поговорим.

Это время, конечно, наступит. Но сперва надо победить на фронте. Все это понимают именно так. И жители Первомайска, и Стаханова, и Золотого, и окрестных селений.

Свой третий транспорт — лесовоз с прицепом, гружёный подтоварником для блиндажей и окопов, мы встретили на обратном пути в Изварине на КПП. Волков выскочил из машины и коротко (задерживаться было нельзя — очередь) переговорил с водителями.

— Всё нормально. Немного поломались. Подремонтировались и теперь едут медленно. До Стаханова дотянут. А там танкисты их починят основательно.

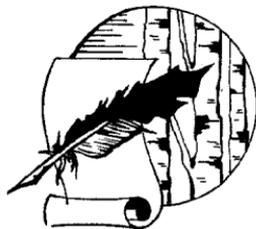
Да, непросто даётся дорога от Калуги до Первомайска и округа.

Весь путь назад мы разговаривали с Волковым.

Грузы в Первомайск и округ Алексей Сергеевич возит с самого начала войны. Ездил и на южный участок — под Херсон и Мариуполь. В этом смысле его можно считать ветераном волонтерского движения, которое столь мощно развито в нашей родной Калужской области. Уезжали на фронт мобилизованные и добровольцы, а следом за ними потянулись из Калуги и районов — Кондрова, Тарусы, Ферзиковка, Лю-

динова, Медыни, Боровска, Мешовска, Мосальска, Бетлицы, других — грузы с продовольствием, снаряжением, тёплым бельём, куревом и всем тем, что в больших объёмах потребляет война. Одновременно Калужская область взяла шефство над Первомайском и округом, куда входят многие населённые пункты и города. Некоторые из них, такие, как Попасная, разбиты до основания. Идёт их восстановление. Хотя «хаймарсы» и снаряды тяжёлой артиллерии сюда продолжают прилетать. Как раз накануне нашего приезда были разбиты городская больница, поликлиника и стационар. В одну из ночей прилетели несколько «хаймарсов». Говорят, что установки этого типа обслуживают военнослужащие НАТО, потому что солдаты и офицеры ВСУ, какое бы рвение в боевой учёбе они ни демонстрировали, не могут в полном объёме освоить сложные комплексы, сделанные в США. Да и команду на пуск каждого «хаймарса», очень дорогого, дают из Пентагона. Во время огневого налёта на первомайскую больницу погибли трое гражданских жителей города. А сколько военных, проходивших курс лечения в первомайском стационаре, — сведений нет. А это всё наша кровь. Она, эта кровь убитых не на линии фронта, а в городской больнице, будет стучать в груди до тех пор, пока не будет отомщена.

г. Таруса Калужской обл.

Вячеслав ДЕВЯТКОВ

СВЕЧА ГОРИТ...

* * *

Мне нужно привыкнуть, скорее привыкнуть
К твоим волосам и глазам.
Читать эту жизнь, как любимую книгу,
Глотая её, как бальзам.

Ты мне предлагаешь решать теоремы,
И тут же смеёшься в ответ.
Но мне очень нравятся сложные схемы,
Характеры, музыка, цвет!

И вновь опрокинется небо над нами,
И твердь превратится в песок.
И ты ранним утром махнёшь мне крылами,
И скажешь, как путь твой высок.

И нет никакой и нигде больше тверди!
Свет истин и правил иссяк.
Готовиться нужно к любви или смерти.
А всё остальное — пустяк.

* * *

Я люблю возвращаться в мою разноцветную осень,
Тихо с трапа сойдя, обращаться к ней снова на «вы»...
Никогда, никогда ни о чём меня осень не спросит,
Просто молча обнимет мне плечи круженьем листьев.

Я люблю возвращаться в мой тёплый невидимый город,
Он наполнен цветами, мечтами, мерцаньем огней...

Никогда, никогда не смогу утолить я свой голод
По объётам его и глубинам ночных площадей.

По его силуэтам, что в окнах горящих мелькают,
И по запаху кофе, плывущему над головой...
Никогда, никогда и никто на земле не узнает
О мелодиях, спящих под жёлтой осенней листвой.

Я люблю возвращаться в мой город, в сгоревшее лето,
Молча с трапа сойдя, окунуться в прощальный закат...
Никогда, никогда в нём не будет ни снега, ни ветра,
Просто душу мою до краёв заметёт листопад.

* * *

Ты видишь, как ветер деревья качает,
И как на листочках прожилки дрожат?
Послушай, послушай, как ветер скучает,
Взгляни, как печально деревья молчат.

И пусть холода ещё будут нескоро,
От мыслей ночных никуда не уйти.
В осеннюю гавань причалил наш город,
Прости ему это, забудь и прости!

Немногого хочется, просто блаженства!
Чтоб кто-то смеялся вблизи невпопад,
Печёной картошки, и мяса по-венски,
И чтобы летел над землёй листопад.

А можно уехать куда-нибудь в дебри,
Где люди друг с другом как будто родня,
Где пахнет глинтвейном, смородиной, цедрой,
И можно до ночи сидеть у огня.

А утром над морем, огнями, цветами,
Над садом угасшим, над влажной травой,
Промчится, промчится, промчится, как пламя,
Воздушный корабль в тишине голубой.

* * *

Когда замучает жара,
Уж вы простите,
Но, значит, мне пришла пора
Уехать в Питер!

Бродить по улицам его
И закоулкам,
И погружаться в торжество
Санкт-Петербурга.

И что-то важное понять,
Дыша прохладой,
И Летний сад опять обнять
С его оградой.

О, Летний сад! Вселенский ритм!
Мечты обитель!
И потому душа не спит,
А едет в Питер.

На берега ночной Невы,
К Адмиралтейству.
Туда, где до сих пор волхвы
Слагают Песню.

Где в полумраке мастерских
Идёт работа,
Где у поэтов молодых
Видна порода.

И мир летит не абы как,
А по орбите.
И я сжимаю русский флаг
И еду в Питер.

Всё просто: в этой кутерьме
Видна основа,
Видны «Аврора» в полутьме,
Душа и Слово.

Когда всё тускло и невмочь,
Уж вы простите,
Я тут же выбираю ночь
И еду в Питер!

* * *

Мы друг друга ищем понемногу,
Ищем с неба падающий свет.
Если ты найдёшь ко мне дорогу,
Я достану самый тёплый плед.

Ты прости, что я молчаньем строгим,
Как святыней древней, дорожу.
Зябкие твои укутав ноги,
О тебе я музыку сложу.

Музыку порхающего счастья!
Нежную мелодию любви!
Знаю, улыбаться нужно чаще,
Чаще целовать глаза твои.

Голубей кормить, бросать им просо,
И бродить по улицам ночным,
Понимая — жить легко и просто,
Если из трубы струится дым.

Чтобы мы в себя могли поверить,
И гулять по улицам вдвоём,
Целый день метут в полях метели,
Плачут ночью вьюги за окном.

* * *

Когда-то я шёл по зелёному парку,
И понял, что в небе желтеет листва,
И ждут меня дома романы Ремарка,
И ждёт моих строчек ночная Нева.

И осень меня за углом ожидает,
И клин журавлиный кричит мне вослед...
Я шёл по зелёному парку, мечтая
О том, чего не было в мире, и нет.

И белая полночь меня обнимала,
И золото сыпалось прямо в карман.
И всё мне прошедшей любви было мало,
И в дальней дали меня ждал Зурбаган.

Как будто уже всё случилось со мною,
Как будто запели ветра обо мне.
И белый жасмин с голубой резедой
Качались, как пламя, в ночной тишине.

И что мне разлуки и жёлтые листья?
Ведь ты мне махнула рукою вдали.
И падали звёзды на мокрую пристань,
И таяли в небе мои журавли.

* * *

Ночь. Позёмка. Белый снег.
Белый свет и сумрак белый.
Где-то свет блеснул, и смело
Вышел в сумрак человек.

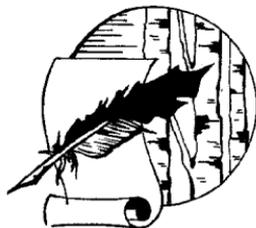
В этом сумраке ночном
Очень просто заблудиться,
Стать позёмкой, белой птицей,
И звездой, и белым сном.

И ветлою, и рекой,
И травой под белым снегом,
Белым светом, горьким веком,
Просто памятью людской.

Так зачем же в ночь-полночь
Вышел в сумрак человеке?
Плащ, накинутый на плечи,
Как у Пушкина, точь-в-точь.

Вышел тихо, налегке,
Обнял белый свет неспешно.
И стоит во мгле крошечной,
И свеча горит в руке.

г. Тюмень

Евгений ХАРИТОНОВ

НА ГРАНИЦЕ ВОЙНЫ

* * *

Между мною и войной —
Меньше часа по прямой.
От войны и до меня —
Залп ракетного огня.

Здесь, на западе страны,
Сёла в коконе войны.
И с разорванным лицом
Хата матери с отцом.

* * *

У костра бойцы сидят,
Разговор не клеится.
Поутру был жив бурят,
А теперь... Не верится.

Разгорается в груди
У солдат пожарище.
Хоть буди, хоть не буди —
Крепок сон товарища.

Что ни день, то на краю —
Так всегда с разведкою.
Скольких он спасал в бою
Верной пулей меткою.

А теперь в одном строю
Павших в ополчении.

Нынче даже не поют
Соловьи вечерние.

Хоть огонь костра погас,
Парни не расходятся.
За бурята, за Донбасс
Тихо Богу молятся.

ГОРОДА

В глухой асфальт закатаны луга,
От бывших рощ едва найдутся щепки.
А небо, прежде синяя дуга,
На вид не лучше выстиранной кепки.

По ржавым трубам мечется родник,
Его теперь не выпить без фильтраций.
Лишь птичья трель — унылый проводник
В потерянный уют цивилизации.

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Утихло летнее веселье.
Ветра, схватив в ладони косы,
Срезают листики с деревьев,
Как рожь мужи на сенокосе.

Дымят без устали туманы,
Укрыв в речном затоне прачку.
Земля, листвой набив карманы,
Готова впасть до марта в спячку.

И только кони равнодушны,
Что всё в округе по-иному.
В дощатой дедовской конюшне
Смакуют мордами солому.

СВОДКИ

Этой ночью опять не уснёт старый пёс Аполлон,
Хоть усталость заметна в его беспокойной походке.
И, прижавшись к ногам, по-собачьи расплатится он
От разрыва вдали... Ну а после, из утренней сводки,

Как ни в чём не бывало мы снова прочтём имена
Тех, кто всё же уснул... Навсегда этой проклятой ночью.
Жаль, не всем удалось осознать то, что эта война
В каждом списке имён оставляет для нас многоточие.

* * *

Сойдёт весной благодать
На каждый метр земли России.
И все мы сможем наблюдать,
Как жизнь в земле находит силы.

Былой покой нарушит песнь
Лесной малиновки горластой.
Как о весне пришедшей весть,
Весне желанной и прекрасной!

И шаг за шагом, по чуть-чуть,
Росток окрепнет под дубами,
Как тот малыш, сосущий грудь
Своими пухлыми губами.

КАК ВСЕ

Кричать мне хочется о многом,
О чём народ привык молчать.
Да как-то стыдно перед Богом
За крик тот будет отвечать.

Вот и молчу, как все другие,
О жизни тягостной молчу.
Чтоб не слышали глухие,
Какую ношу волочу.

* * *

Не время, брат, с тобой нам пить вино.
Плесни-ка лучше в чашки лимонада.
Почти два года длится СВО.
И знаешь что? Помочь ребятам надо!

Да знаю, знаю... Чёрт тебя дери!
Позволь сказать, а после проповедай!

Душа скрипит, как петли на двери,
Когда летит над маем «День Победы».

Пока мы здесь сидели в стороне,
Наш старый враг не брезговал насилием.
Не так страшусь увечий на войне,
Как слышать стон израненной России.

Тебе ль не знать фашиста дикий нрав?
В его мечтах — оставить Русь вдовою.
Чего притих? Я прав или не прав?
Кивни в ответ хотя бы головою!

Вот то-то же! Тогда за дело, брат!
Почти два года дали нам поблажки!
Бери рюкзак — пойдём в военкомат.
Пришла пора и нам надеть тельняшки!

* * *

В семистах километрах от МКАД,
Где нарушена жизнь благодатная,
Над селом разгорался закат
И звучала стрельба автоматная.

Горло рвал на заборе петух,
Пахла с поля трава ароматная.
И всё больше тревожила слух,
Не смолкая, стрельба автоматная.

Но едва показалась луна,
Как послышались взрывы раскатные.
И, как будто взрывная волна,
Пролетело «Ура!» многократное.

Облегчённо вздохнул стар и млад
В том селенье с судьбой перекошенной.
В семистах километрах от МКАД,
На границе, войной припорошенной.

г. Белгород

ФРОСЯ

РАССКАЗ

Сантехник Серафим выиграл по лотерее бытовой вагончик и сгоряча был даже огорчен от такой удачи. Ну зачем ему, молодожену, недавно обменявшему квартиру в городе Баку на равноценную жилплощадь в городе Ростове-на-Дону по причине женитьбы на донской казачке, зачем ему этот крашенный голубой курятник, хотя и совсем даром?

Голова и сердце Серафима были доверху переполнены толстоморденькой поварихой в розовой шляпке с голубыми лентами, с семиструнной гитарой подмышкой и с прыгающими ямочками на щеках. Повариха Фрося ворвалась в его жизнь, как желанная майская гроза. Девушка с гитарой в Рязани села на поезд, в котором ехал из Москвы в Баку молодой инженер нефтяник Серафим. Судьба свела их вдвоем в одном купе до самого Ростова. Фрося всю дорогу рассказывала о себе и о ресторане, в котором она после кулинарного училища работает старшим поваром уже одиннадцать месяцев. В подчинении у Фроси четырнадцать человек, и все полюбили ее прямо с первого дня, и она ответила горячей взаимностью.

ПРОЗА

Конечно, рассказами о себе и о ресторане можно утомить, но Фрося знала меру. Она вовремя меняла пластинку, брала в руки гитару и пела про левый берег Дона, про речку Темерничку, про Нахаловку, про блатную нахичеванскую братву.

— Эти песни пел мой друг, Костя Ундров. Мы даже чуть-чуть не поженились, но чуть-чуть не считается. Э-эх, пил Костя много. У нас в ресторане весь оркестр пьёт, как сантехники. Костя любил, как я пою. А тебе нравится?

Серафим искренно восклицал:

— Ещё бы! Я сроду такого не слышал!

В Ростове Фрося взяла у Серафима визитку, поцеловала его в губы и уже с перрона помахала розовой шляпкой:

— Не скучай, скоро вырвусь в Баку!

Ровно через неделю Фрося глядела из окна поезда на бархатную гладь Каспия, на плавучие платформы с нефтяными вышками. И ей казалось, что на одной из них сидит инженер Серафим и глядит в бинокль на проходящий поезд Москва—Баку и видит в окне розовую шляпку с голубыми лентами.

Когда человек обуян страстями и желаниями, ему помогают какие-то волшебные силы. Не прошло и часа, как Фрося прямо с вокзала оказалась на плавучей платформе, вознеслась вверх, бережно сняла с вышки инженера, прислонила его спиной к камбузу и впиалась горячими губами в его холодные губы.

— Как я скучала, как я страдала!

Она целовала нефтяника до тех пор, пока и его губы стали горячими. Вокруг собралась толпа черных промасленных старателей, они молча смотрели, раскрывши рты, на ангела в розовой шляпке с голубыми лентами.

Серафим пришел в себя только в Ростове, в маленькой комнатке общежития, где жила старшая повариха. Через месяц или два Серафим совершил квартирный обмен, жених и невеста обручились, поклялись, что будут любить друг друга, пока смерть не разлучит. И бегом въехали в двухкомнатную квартиру возле памятника начальнику конницы Буденному, на Буденновском же проспекте.

— Я тебя сердцем угадала. — Шептала счастливая Фрося и прилипала, приклеивалась к мужу, как банный лист. А у него не сходила с лица глупая добровольная улыбка, а сердце громко толкалось в грудную клетку. Толкалось и замирало от ощущения, что попал он в хорошие руки.

— Ты пахнешь, как майская гроза, — шептал очарованный Серафим.

Одно огорчало чувствительную Фросю, мужу не нашлось работы по специальности. В недрах Ростова пока не развед-

ли черного золота. Бывшего нефтяника с высшим образованием позвали в сантехники, усмотрев сходство в профессиях. Там и тут трубы, краны, муфты, вентили и разводные ключи-бобки. И шанс дорасти до главного инженера ЖКУ. Коллеги мало-помалу, с оглядкой, раскрывали секреты, как заработать больше главного инженера и даже больше самой, боже упаси, Сусанны Ованесовны, управляющей ЖКУ.

Вместе с приткой Фросей мы несколько опередили события, вернемся к Серафиму, огорченному ненужным выигрышем. Огорчение от удачи сразу вызвались обмозговать коллеги из подвальной мастерской. Весь дружный коллектив в количестве четырех человек начисто вытерли руки ветошью, след в след вылезли, оглядываясь, из подвала и решительно повели молодого Серафима через дорогу в пивную на собеседование.

После первой кружки слово взял старший сантехник Демьянович. Он вытер потную лысую голову белой пляжной кепкой с идеальными отпечатками пальцев на козырьке и аккуратно засунул ее в нагрудный карман. Ветеран отхлебнул вместе с пеной «жигулевского» и по-отцовски обратился к Серафиму.

— Ты, сынок, с бухты-барашты огрѐб дармовой капитал и вроде как недоволен. Понятно, вагончик в авоське домой не принесешь. Но ведь, обдумавши, можно распорядиться им очень удачно и прибыльно....

После разумных мыслей Демьяновича товарищи наперебой стали предлагать советы. Вчерашний выпускник философского факультета Егор, малорослый и шуплый, как школяр, сказал, нахмуривши густые брови:

— Это голубое красивое помещение наш стартовый пятак к быстрому капиталу. Предлагаю расписать вагончик бременскими музыкантами из мультиков и на паях открыть возле домоуправления прием стеклотары. Получить разрешение, конечно, у Сусанны Ованесовны. Это может только наш Демьянович, он вхож к ней на правах близкого друга. Надо немедленно зарегистрировать точку и приступить к бизнесу. Здесь самый пьющий пиво из стеклянных бутылок народ на нашей улице...

Встрял дядя Митя, богатырь с рыжей бородищей и застенчивыми васильковыми глазами.

— Если точку, то пивную! Только так, вариантов нет! На золотую жилу сядем, ребята!

В этот момент в пивной объявилась Фрося. Случайности быть не могло. Но кто ей пошептал, что здесь обсуждается судьбоносное решение! Язык немеет выговорить...

Фрося радостно улыбнулась, ямочки на щеках подпрыгнули, и в одно мгновение были разрушены мечты коллектива. Она обняла пьяненькую голову мужа и громко пошептала ему в ухо, ехидно глядя на растерявшихся товарищей:

— Дурачок! Наша бабушка в хуторе Свечникове отписала мне по завещанию участок и флигель. Флигель развалился, а участок стоит без дела прямо на берегу Дона. Вагончик нам сам бог послал. Готовая дача в курортном месте! А твоих друзей будем встречать, как дорогих гостей.

Серафим подивился разумности женской мысли.

— Однако ты глубже всех видишь....

Молодожены в обнимку скрылись за углом, оставив компанию в пивной в недоумении и разочаровании.

Что делает дача с раскрепощенным городским человеком! Как только собственник шагнул через калитку на свой зеленый пятачок, он расслабляется и глупеет от какого-нибудь лютика, или одуванчика. От малой птахи мухоловки, от синички, или пчёлочки, от тучки с золотым окаёмом...

Фросе каждую ночь снились цветные сны. Цветная дорожка из тротуарной плитки от калитки до самого вагончика. По обе стороны клумбы с петунией, с голубыми ромашками, с нарциссами, с гиацинтами, с фиолетовыми колокольчиками и т.д. Клубника величиной с куриное яйцо и помидоры в кило весом. И всё цветет и пахнет от рассвета до заката. Добровольное счастье свободного человека! Примерно в таких красках снился Фросе унаследованный от бабушки участок в пойме.

Она ушла с работы и с весны безвылазно проявляла упорство на даче, а Серафим без выходных зарабатывал деньги. Когда он в начале осени приехал в хутор и увидел на месте заросшего бурьяном участка сплошной забор и крашенные ворота с завитушками, он подумал, что ошибся адресом. Отворилась калитка, Фрося в розовой шляпке выпорхнула навстречу.

— Заходи, хозяин!

Серафим огляделся вокруг. От солнца и цветочных клумб, выложенных из каменной плитки, рябило в глазах. Серафим три раза чихнул и по-собачьи помотал головой. Фрося засмеялась и повела мужа по участку.

— Тут маленькая плантация. Помидоры, огурцы, перцы, капуста, лук, чеснок, травы и всё-всё-всё!

Голубой вагончик стоял под широким крытым навесом с бетонным полом. Навес служил открытой верандой, обставленной пластмассовой мебелью. Посередине участка был посажен небольшой садик, десятка два саженцев карлико-

вых яблонь, груш, слив, вишен и даже персика, который здесь плохо приживается и постоянно в болячках, как в скарлатине. В разных местах на выкошенной траве врыты деревянные скамейки. Возле них пара шезлонгов и гамак на металлических штангах.

Когда Серафим проникся всей красотой, в его удивлении проявилась какая-то растерянность. Супруги сели на скамейку и Серафим не без робости спросил:

— Как же ты, Фросенька, успела сотворить такое? Ведь это больших денег стоит?

Фрося как-то загадочно, скороговоркой проворковала:

— Не поверишь, Симочка, почти ничего не стоит...

Тут Серафим упёрся и усомнился.

— Не может такого быть!

— Может!

Фрося топнула ножкой и решительно потребовала:

— Хорошо, я всё тебе расскажу.. Но ты поклянись, что не станешь ревновать!

Серафим упёрся еще больше, даже набылчился.

— Не буду я давать никакой клятвы!

Немного набылчилась и Фрося.

— Ну, тогда не спрашивай ни о чем!

Серафим замолчал, засопел и пошел бродить по участку без всякого интереса.

Это была первая размолвка. Но спать легли вместе, в вагончике была только одна кровать. Ночью Фрося вспомнила покойную бабушку. Вспомнила, как она учила свою дочку, тетку Фроси, которая не один раз уходила от непутёвого мужа. «Дитё, — говорила дочке бабушка, — плетью обуха не перешибешь. А ночная кукушка своего мужика всегда перекукует. Вот и кукуй по ночам в постели, да поласковее, позабористее. И всё по-твоему будет...»

Фрося до утра шепотом рассказывала Серафиму откровенную историю. Вслхлипывая и тыкаясь мокрыми губами в ухо, в небритую щеку. Муж слушал, нервно дышал и не проронил ни слова. История была чувствительная.

Несколько лет назад в хуторе появилась большая шишка из Москвы, советник в военном ведомстве в чине генерала, Иван Ильич Сумароков. В ведомстве, где он работал, случился скандал и были отставки чиновников. В их число попал и Сумароков, которому не было ещё шестидесяти. Продолжать службу в другом месте он не захотел и решительно вышел на пенсию. В это время в автомобильной аварии на своей машине погибла жена, и пошел слух, что она покончила с собой. Печальный итог жизни и тяжелая обида

сломили генерала. Но он не стал пить горькую, молча страдал от бессонницы, от головных болей и не хотел видеть вчерашних друзей. Нашел через ростовских знакомых глухое место на Дону, хутор Свечников, и решил круто переменить жизнь, отряхнув с себя былые заслуги и тяжкие обвинения. Прыгнул, очертя голову, в хутор Свечников, в самую бучу жизни.

Через год, в мае месяце Иван Ильич вселился в новый дом и постепенно обживал, обустроивал всю усадьбу, опоясанную кирпичным забором с коваными решетками. Внутри двора рабочие вели кладку стен флигеля, подсобных помещений и гаража. На постоянную работу хозяин пригласил из местных — шофера и повариху Таню с длинной черной косой. День генерала был наполнен рыбалкой на заре, долгими прогулками по пойменному лесу с могучими вербами и тополями, с зарослями терна и калины. Работой за письменным столом на компьютере.

Генерал всю жизнь тайком писал стихи и еще в молодости издал сборник любовной лирики. Но об этом не знали даже близкие. Генералы почему-то стесняются быть поэтами. Иван Ильич, носящий поэтическую фамилию, открещивался и страдал от подозрений в стихотворчестве. Казалось бы, теперь он свободный человек и может читать свою поэзию прямо на улице или в аптеке. Увы, многолетняя скрытность наложила печать на уста. В своем хуторском кабинете молодой пенсионер мог, наконец, воспарить. Новые стихи, как признак выздоровления, страница за страницей откладывались в папку каждый день.

Однажды, возвращаясь с прогулки, Иван Ильич остановился напротив заброшенного участка с новеньким голубым вагончиком. Из открытой двери слышались аккорды гитары, и молодой чистый голос негромко пел известный мотив.

Утро туманное, утро седое...

Иван Ильич дослушал до конца и окликнул хозяйку. Фрося выглянула из двери, накинула розовую шляпку и уверенно подошла к незнакомцу.

— Здравствуйте! — вежливо сказал генерал и слегка поклонился. — Я ваш сосед через три дома. Рад познакомиться и предложить помощь, если понадобится. Вы, я вижу, готовитесь к строительству?

— О, нет! — громко рассмеялась Фрося, и генерал не мог не заметить, как прыгают ямочки на толстых щеках. — Муж выиграл вагончик в лотерею, это и есть всё наше строительство. На простой забор денег нет. Но мы и вагончику рады, будем приезжать, как дачники.

— Извиняюсь, а где вы учились пению и игре на гитаре?

— Сама училась, я способная!

И опять смех, весёлый огонёк в смелых глазах.

Они поболтали немного, как соседи. Напоследок генерал неожиданно сказал:

— Я хочу сделать вам предложение...

— Интересно, вы, наверное, военный?

— Гм... Я офицер, но это не имеет значения. С вашего позволения, я завтра загляну насчет предложения.

— Заходите.

Вечером Иван Ильич долго сидел в своем кабинете, не включая света. Он чувствовал легкое беспокойство, как перед дальней командировкой. Не о барышне в розовой шляпке он думал, ей богу, нет! Хотя ее ямочки запомнились. Он думал о себе, и еще больше волновался. В голове навязчиво крутилась строчка, не имеющая продолжения: «Запали меня с четырёх сторон...» Дурацкая строчка. Он долго ворочался в постели, думал обо всём сразу и ни о чём конкретно, так и уснул ни с чем далеко за полночь.

Утром, на свежую голову, вчерашние мысли прояснились. Как человек, у которого есть деньги, он захотел помочь молодым соседям привести участок в порядок и хотя бы поставить недорогой забор с воротами. Но как это сделать? Не может же он, чужой дядька, прийти к вчерашней знакомой замужней женщине и без всякой причины бесплатно ставить забор с воротами? Свежая голова подсказала: может. И причина есть, и не бесплатно! Утро вечера мудренее.

Фрося ждала нового соседа возле вагончика, они сели в холодке на пеньки напротив друг друга, и вот что сказал Иван Ильич.

— Любезная соседка! У меня не совсем обычное предложение. Я с детства вырос в артистической в некотором роде семье. Мама учительница пела в самодеятельности русские песни и романсы, отец играл на аккордеоне и на скрипке, и был постоянным аккомпаниатором в Доме культуры. Я тоже неплохо пел на сцене до поры до времени. После университета я попал совсем в другую среду. Среди чиновников, управленцев, военных и бизнесменов не принято показывать свои таланты. Это у Гоголя губернаторы вышивают гладью и крестиком, нынешние чиновники не вышивают, не поют, не пляшут и не пишут стихи. И я поневоле заморозил свои таланты. А вот сейчас, на пенсии, опять стал писать стихи и петь, закрывшись у себя в кабинете. Только уже без юношеского запала, без музыкальной грамоты. А душа поет! Как быть? Вчера услышал вашу гитару и ваш голос и растревожил былое.

Видно, Бог послал мне вас. Научите, дайте мне уроки игры на гитаре! А я помогу вам по хозяйству. Завтра пришлю двух рабочих на всё лето...

Ну какой разумный человек откажется от такого предложения? Фрося, конечно, была рада учить Ивана Ильича, но еще больше обрадовалась возможности поставить забор с воротами и расчистить заросший участок.

Фрося всю ночь рассказывала ревнивцу Серафиму о благородном генерале из Москвы и его бескорыстной помощи. Уже рассветало, когда Фрося закончила свой рассказ и с удивлением обнаружила, что Серафим крепко спал, отвернувшись к стенке. Розовое солнце мягко окрасило белые занавески на окне, и маленькая комната вагончика наполнилась теплым светом, как в сказочной лубяной избушке в темном лесу. Где-то рядом, как на армейской поверке, не щадя голосовых связок залихватски драли горло хуторские петухи. Хорошо было в утренней пойме на пустынном берегу Дона!

На завтрак Фрося прямо с грядок собрала овощей и зелени, накрошила большую чашку салата с кинзой и огненным стручковым перцем. Поджарила яичницу с помидорами. Серафим сел за стол прямо из душа, выбритый и свежий, как огурец на грядке.

— О-о-о! — воскликнул он, задрав голову. — Да здравствует Фрося! Да здравствует солнце и наш голубой вагончик!

Фрося с благодарностью вспомнила мудрую бабушку и ответила игриво:

— Здравствуй и ты, дорогой!

Иван Ильич после утренней прогулки всегда заглядывал к соседке, интересовался, как продвигаются дела на участке. Фрося познакомила его с Серафимом.

Генерал и сантехник сначала смотрели друг на друга прохладно и совсем без интереса, но постепенно общение обмаслилось, Иван Ильич как-то даже пригласил Серафима к себе в гости познакомиться поближе. И встреча состоялась. Соседи хорошо, с аппетитом выпили и закусили. Генерал рассказал свою историю, бывший нефтяник поведал о своей несбывшейся карьере. Разговор был философский, о женах. И пришли к философской же универсальной формуле: хорошая жена — при хорошем муже, а хороший муж — при хорошей жене.

Иван Ильич впервые исповедовался чужому человеку:

— Моя жена, Валентина Семеновна, работала простым научным сотрудником в сельскохозяйственной академии, кажется, в отделе селекции масличных культур. Она была

лучшей на курсе, и защитила диплом по гибридным сортам подсолнечника, как самостоятельную научную работу. Могла быть и кандидатом, и доктором наук. Могла бы, но вышла замуж за офицера, и прощай наука! Свою жизнь полностью подчинила моей службе. И никогда, ни разу не перечила моей воле. Я был хозяин, она раба. Это считалось нормальным в офицерской среде. Теперь я понимаю, что всю жизнь невольно губил близкого дорогого человека. Она погибла в аварии ужасно и нелепо. Была ли она счастлива со мной? Не знаю. Двое детей, теперь уже взрослые замужние женщины, были ближе к матери, а меня считают солдафоном и виновником ее гибели. Я оставил квартиру в Москве детям и внукам, чтобы не выглядеть для них монстром. И теперь живу здесь один, как монах в скиту. Я генерал, а никого не сделал счастливым...

Серафим близко к сердцу принял исповедь Ивана Ильича, и в ответ рассказал свою историю.

— Жизнь моя не так богата, чтобы быть поучительной. Я родился в бедной семье и вырос без отца. Учился в университете плохо, пропускал занятия из-за нужды. По ночам работал грузчиком на железной дороге, зарабатывал на еду и общежитие. А стипендии, которую я редко получал из-за пропусков лекций, едва хватало на городской транспорт. Но я был жилист и упрям, спал и видел себя инженером. В Баку я поехал уже вместе с другом Тофиком Алиевым, у которого отец работал главным инженером нефтедобывающей компании. Он помог мне устроиться и стать на ноги в незнакомом городе.

Пять лет проработал я в Баку в хорошей компании среди замечательных людей. А дальше случилось то, что случилось. Я влюбился сумасшедшим образом, непоправимо и бесповоротно. В Рязани, в поезде Москва—Баку, в мое купе подседа девушка в розовой шляпке с голубыми лентами, с гитарой. Мы ехали вместе до Ростова-на-Дону. За это время я поглупел настолько, что стал целовать ее руки и горячно объясняться в любви. Она гладила меня по голове, как больного и успокаивала: « Это бывает, бывает... Подожди немножко... Все будет хорошо...»

Через неделю она приехала в Баку, сняла меня с вышки и в тот же день увезла в Ростов-на-Дону, как скоропортящийся продукт. Так я стал мужем Фроси и сантехником ЖКУ. Я, кажется, навсегда похоронил в себе инженера...

Иван Ильич снисходительно и насмешливо улыбнулся.

— И слава богу, что похоронил! Лучше быть счастливым сантехником, чем никому не нужным генералом.

Прошло много лет. Не узнать сегодня хутор Свечников. Куда делись белые шиферные крыши и окна с резными наличниками. Палисадники с мальвами, барвинком, пионами и сиренью. Просторные дворы, сплошь покрытые кудрявым спорышом. Ладанный дымок над летними печками-горнушками. Колодцы с высокими журавлями над бревенчатыми срубам...

Кажется, за одну ночь волшеббно сменились декорации. Улицы покрылись черепично-кирпичной мозаикой новостроек. Заморская архитектура отгородилась от улицы и от соседей сплошными высокими заборами из крашеного листового металла. Холодом и отчуждением веет сегодня от подворотен.

Иван Ильич Сумароков располнел, с трудом ковыляет по двору с бамбуковой тростью. В погожие дни старик сидит в глубоком кожаном кресле под зеленой кроной ореха. При нём неотлучно лежит у ног лохматый кобелёк Карасик с выпуклыми мокрыми глазами. Генерал и пёсик часами лениво наблюдают, что делается во дворе...

Две женщины в сарафанах и фартуках с большими карманами растапливают печку-горнушку под навесом. Мойют и выставляют на широкий стол стеклянные банки под варенье. Воздух пахнет айвой, яблоками и ночной фиалкой. Жужжат пчелы, тенькают синички. В распахнутые ворота въезжает «Газель», шофер выгружает в сарай ящики и коробки, кричит кому-то в проем дверей:

— Не ходи, дурак, босиком, там стекло битое!

Из дома вышла хозяйка, дебёлая красавица с твердыми глазами и черными, как у цыганки волосами с пробором, схваченными на затылке тугим углом. Красавица, шурясь, медленно оглядывает из-под ладони весь двор. На ней белая блузка с янтарными в три ряда бусами и длинная шелковая юбка. Трудно узнать в этой женщине стряпуху-экономку Татьяну из местных, которую пригласил Иван Ильич сразу после приезда в хутор.

Не спрашивай, читатель, как находят свою половину одинокие пенсионеры генеральского звания. По-разному сводит их судьба, и нет в этом никакой тайны. Иван Ильич долго приглядывался к молодой экономке Тане, сдерживал даже малейшие легкомысленные движения. Просто брал себя за горло и душил. Но, увы, женская молодость всегда берет верх. Однажды генерал вспыхнул, как мальчишка и упал на колено перед Татьяной. Она не удивилась, по-хозяйски кивнула головой и погладила его по лысине.

— Я согласна, Ваня...

Прошло немного времени, и молодая жена, Татьяна Карповна, стала полной хозяйкой генеральской усадьбы. Про таких говорят: клад-баба. Она держала в уме каждый гвоздь. Наощупь, наизусть знала продуктовые запасы. И весь гардероб в шкафах и на вешалках. Помнила название всех таблеток, растирок и пузырьков. Все разносолы, весь погреб держала в уме. Вроде бы не женское дело инструмент, Татьяна Карповна помнила место каждого молотка и ножовки. Понадобится мужу шило, Татьяна Карповна сразу подаст ему самое лучшее шило!

Но даже не за хозяйственные таланты любил молодую жену генерал. Он больше ценил в ней чувствительность к его гитаре, к цыганским песням, которые просила петь мужа Татьяна Карповна.

Они по вечерам сидят друг против друга у камина. Генерал берет выразительные аккорды и негромким баском напевает:

*Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...*

Татьяна Карповна шумно вздыхает, грустно качает головой и промокает глаза платочком.

А ещё генерал любил, когда к ним приезжали родственники жены. Целая толпа дядьев и теток, племянников и племянниц, двоюродных и троюродных. Заполняли двор разноцветной толпой, усаживались за длинные столы. Две женщины бегом носили на подносах жареных кур, гусей, отварную баранину, шашлыки. Пирамидами укладывали на столах помидоры, огурцы, перцы, укропы с кинзой, лук с петрушкой. И выпивки, конечно, в разных флаконах было богато на столе. Всё это быстро выпивалось и съедалось с аппетитом на радость гостеприимной хозяйки. А потом песни хором под аккордеон и бубен, эхо от которых разносилось по всему хутору.

Генерал с Карасиком во время застолья сидели под оре-хом, наблюдая горячие пляски и шумные перебранки гостей. Тут случались и потасовки с разорванными рубашками, разбитыми губами и фонарями под глазами.

Вечером, уже по-темному, родичи прощались с хозяйкой и беспорядочно грузились в две «Газели». Татьяна Карповна тайком совала племянницам понемножку денег и благодарила, что проведали.

Изредка заходили Фрося с Серафимом. Ладные, сытые, веселые и очень похожие друг на друга. Они недолго сидели

за столом. Выпивали с хозяевами вишневой наливки, которую делала Татьяна Карповна, обменивались новостями и торопились домой, где их ждали четверо ребят школьного возраста. Фрося, то есть Ефросинья Павловна, бизнесмен и депутат районного собрания, очень занятой человек. Вокруг нее всегда люди, разговаривает на ходу и решает, как блины печет: «Это можно». «Это только через администрацию». «Это нельзя».

В собственности у Ефросиньи двухэтажная гостиница с рестораном прямо на берегу Дона и вырытой бухты. Берег и бухта выложены бетонными плитами, а весь участок вокруг засеян газонной травой и обсажен ивами, елями и березками. Вдоль утрамбованных мелким щебнем дорожек чугунные фонари и скамейки. Гости гуляют здесь по вечерам и любуются огнистыми закатами над широким устьем Дона, изрезанным нерестовыми каналами.

Гостиница в тридцати километрах от города, и от гостей нет отбоя круглый год. На этажах всегда веселье, музыка, женский визг, хохот. Заселять по брони становится всё труднее, много жалоб и недовольства из-за нехватки мест. Серафим, назначенный Ефросиньей директором и завхозом одновременно, с трудом справляется с кипучим объектом. И просит жену оставить его только завхозом, а директора подыскать из специалистов с опытом, и только женщину. «Ни один мужик не выдержит в этом вертепе!»

Хозяйка без сочувствия невидящим взглядом смотрит на Серафима.

— Я уже заказала проект и смету для нового корпуса. Начнем строительство, и сразу назначим директора. Ты прав, у меня есть на примете женщина с хваткой.

Домашнее хозяйство Ефросиньи Павловны расширилось за счет прикупленных у соседей двух участков. Дом из итальянского кирпича напоминал замок с круглыми башнями по углам, крытой аркой с гербом и тяжелыми коваными дверями с вензелями Ф и С. Вдоль кирпичного забора — гостевой флигель, кухня, сарай, гараж и подсобки. Все строения из одного материала, гармонично, со вкусом. И в самом дальнем углу старый знакомый, голубая бытовка, вагончик, отданный под игры четверем братьям школярам.

Как быстро летит время, и меняются декорации! Ефросинья Павловна уже не берет в руки гитару и не поет. На плечах гирями висит гостинично-ресторанный бизнес, сравнимый разве что с подпольным казино или ночным клубом. Заработать полдела, трудно обойти разорительные налоги. Тут или пан, или пропал. Приходится ловчить, депутатским манда-

том прикрываться. И всё срочно, и всё бегом. Уже гнуться стала, уставать. По ночам едва сил хватает добрести до кровати.

Но Ефросинья не нуждается в жалости. У нее по-прежнему от улыбки прыгают ямочки на щеках. В глазах веселый и упрямый огонёк. Она сильнее и выносливее других в своем окружении. В невидимых и жестоких ристалищах конкурентов удача редко изменяет ей.

Правда, в последнее время Ефросинья всё чаще глядит в зеркало, запершись в своей комнате. В гладко зачесанных волосах искрит седина, заметно припухли и оплыли, как свечи, глаза. Вокруг губ обозначились чужие скорбные складочки. Боже, как незаметно подкрадывается старость! С фотографии на стене на Ефросинью удивленно смотрит девушка в розовой шляпке с голубыми лентами. Ефросинья берет в руки овальную рамочку и целует фотографию. С острой болью чувствует, что уже никогда, никогда не испытает того запаха счастья, которое когда-то излучала удивленная Фрося... Впервые за много лет уставшая женщина, не сдерживаясь, плачет, тяжело, по-бабьи, захлебываясь, охватив голову руками.

Грустно видеть, читатель, как меняются и стареют близкие тебе люди.

Хутор Рогожкино Ростовской обл.

СВОЙ—ЧУЖОЙ

РАССКАЗ

Как и большинство россиян, в тот самый день, 24 февраля, с утра Владимир Викторович Ларионов, доктор наук, профессор военного института радиоэлектроники «Сириус» узнал о начале СВО.

Отныне он день ото дня с безгливостью наблюдал на телеэкране хаотичное броуновское движение невесть откуда взявшихся новых эмигрантов, лихорадочно бежавших через казахстанский коридор в Грузию, Вьетнам, Таиланд и прочие далеко не родные края.

Именно тогда Ларионову и была подарена свыше исключительно актуальная идея. Из разряда тех, которые, по словам великого писателя Достоевского, носятся в воздухе.

Приступив вскоре к её материальному воплощению, Ларионов весь день до позднего вечера эдаким молодцом носился туда-сюда по сборочному цеху их особого секретного института, раздавая задания и советы конструкторам, инженерам и рабочим. Нужные чертежи он ещё утром исполнил карандашом чуть ли не на коленке.

ПРОЗА

В общем, Ларионов на целый день стал здесь центром некоего сложного взвихренного движения всех и каждого, начиная от начальника цеха и заканчивая кладовщицей. Само собой, Ларионов кого-то бодро поторапливал, кого-то безобидно, почти весело журил.

В итоге общими авральными усилиями инженеров и рабочих, отставивших перекуры и даже отменивших обеденный перерыв, был изготовлен некий прибор, размером приблизительно с коробочку вай-фай приёмника.

Владимир Викторович загадочно оглядел его, как живому что-то шепнул и, зажмурясь, приложил к груди. На минутку. А потом, подняв этот прибор над головой, уверенно пообещал всему коллективу цеха весомую внеочередную премию. И, выждав паузу, строго, пророчески произнёс:

— Попомните мои слова, что кое-кому созданное вами сейчас уникальное устройство по душе не придётся. Ой как не придётся! Некоторые такой вой поднимут, хоть мёртвых выноси...

На другой день ровно в восемь утра Ларионов с торжественным выражением на лице уже сидел в кабинете Генерального директора «Сириуса» Дмитрия Михайловича Перевозчикова. Кстати, тот встретил профессора как дорогого гостя с самой что ни на есть сердечной и радушной улыбкой.

Генеральный, будучи ростом с два Владимира Викторовича, приобнял его с особо учливой бережностью и немедленно осведомился о здоровье и вообще обо всех беспокоящих проблемах.

— Всё замечательно, дорогой Дмитрий Михайлович, подвигаемся вперёд семимильными шагами! — чуть ли не по-мальчишески озорно всхохотнул Ларионов.

— Чаю? Кофе? Или наперекор всему и всем дерябнем отменного французского коньячку? — живо вскрикнул Дмитрий Михайлович, близко глянув в лицо гостя. — У вас Владимир Викторович во всем вашем облике нечто такое сейчас со всей очевидностью сияет, словно с минуты на минуту вы решительно осчастливите запутавшееся в своих нескладных проблемах человечество!

— Или, скорее, огорчу его... Если вовсе не вгону в ступор! — многозначительно проговорил Ларионов и почти равнодушно, как бы между прочим, положил на стол ту самую плоскую коробочку, над исполнением которой они вчера так старательно, ажиотажно трудились всем сборочным цехом.

Тут как раз секретарь-референт Анна Павловна, во всём выглядывшая классическим образом своей особой профес-

сии, подала коньяк со всеми соответствующими моменту причиндалами.

Ларионов, вдохновенно сияя, едва дождался, когда они с Генеральным останутся тет-а-тет.

— Как вам известно, дорогой Дмитрий Михайлович, на военных самолётах стоит разработка нашего института «свой—чужой»... — чуть ли не шёпотом загадочно проговорил профессор. — Так вот, перед вами её аналог. С тем, однако, отличием, что сия коробочка способна влёт определить любого человека: «свой» он или «чужой». Иначе говоря, патриот ли своей страны или самый, что ни на есть, прохвост-либерал. Если вовсе не иноагент, не предатель...

— Однако... — достаточно строго хмыкнул Генеральный. — Надеюсь, дружище, вы меня не разыгрываете?

— Давайте сейчас всё и проверим! — Ларионов прокашлялся. Даже по груди себя постучал, но без особого упорства. Скорее, машинально.

— Как проверим?... — напрягся Дмитрий Михайлович и тотчас на глазах как бы несколько поскучнел. По крайней мере, тон его слов попрохладнел.

— Да, на нас с вами! Можно и на Анне Павловне! Зама вашего пригласим! — с бодрой радостью в голосе произнёс Владимир Викторович.

Генеральный как-то вдруг смутился и многозначительно поморщился.

— Думаю, сейчас не самое подходящее время для экспериментов с вашим новым изобретением... В этом вопросе нужен особый подход. Я бы сказал, государственный, — отчётливо обозначившимся номенклатурным голосом проговорил Генеральный. И быстро, нервным рывком употребил элегантную рюмочку-тюльпан французского коньяка: густо-красного, с шоколадным отсветом. Понятное дело, ведущего родословную от одного из самых великих коньячных дворов Remy Martin. Конечно же, категории X.O.

Не долго думая, Ларионов сделал то же самое, но с ещё большей лихостью.

— А сами себя вы, дорогой Владимир Викторович, уже подвергали такой испытательной проверке? — то ли озорно, то ли с хитринкой, в общем, с эдакой вёрткой лукавинкой, но при всём при том явно начальственно прищурился Генеральный.

— Всенепременно!.. И не раз! — подмигнул Ларионов и вновь не менее хватко отработал по элитному напитку. — Ответ всегда был один: свой! Свой в доску! И более чем на сто процентов!

Тотчас в миниатюрном оконце его сверхчувствительного и проницательного аппарата вспыхнул зеленоватый глазок с миниатюрными буквами. Они легко прочитывались. Это было слово «Свой». С тремя восклицательными знаками.

— Он зрит в корень! — вдохновенно вскрикнул Ларионов. — Как не вертись, как не лукавь! Признаю вам по секрету... Когда мы в цехе собрали сей прибор, так тотчас все представители рабочего класса наперегонки кинулись замерять им свою, так сказать, политическую ориентацию. Кстати, он им всем подряд «Свой» выдал. А вот интеллигенция тамошняя чего-то воздержалась пока. Мол, пусть мой прибор получит официальное разрешение. А то как бы того...

— Именно, именно... — аккуратно вздохнул Генеральный. — Лично мне кажется, что они в чём-то правы. Вопрос вопросов, однако... Так что не будем пока делать никаких поспешных выводов насчёт немедленного массового производства вашего эпохального изобретения.

— Конечно, конечно... Я не без понятия! — уважительно закивал Владимир Викторович. — Как там народ говорит? Спешка нужна только при ловле блох...

— А я со своей стороны сегодня же доведу до сведения, кому следует, о вашем, без преувеличения, судьбоносном открытии, дорогой вы наш! — ёмко вздохнул Генеральный. — Кстати, этот приборчик свой вы каким названием окрестили?

— Как-то ещё не определился... — чуть ли не повинился профессор и как-то неуклюже вздохнул.

— Понятно... — рассудительно проговорил Генеральный. — Само собой, я немедленно распоряжусь: наши секретчики присвоят ему, как полагается, нужный код. Под ним он будет проходить в дальнейшем во всех официальных документах. — Дмитрий Михайлович напрягся, точно собираясь решительно преодолеть невидимый для других, но очевидный для него некий труднопреодолимый барьер. — Итак, до завтра, дорогой вы наш! Жду вашего звонка прямо с утра.

Ни с утра, ни в обед, а тем более к вечеру дозвониться до Генерального у Ларионова не получилось. Тогда он сам поднялся на главный административный этаж. Здесь, как всегда, царствовал дух эдакого номенклатурного классицизма с элементами барокко — множественные почётные грамоты Министерства в золочёных массивных рамках, масштабная Доска почёта, одетая в густо-красный блестящий бархат, на полу с тяжёлым матёрым дубовым паркетом — длинные пышные ковровые дорожки и развесистые густые пальмы с ажурно резными размашистыми листьями, ёмкие аквариумы, за-

гадочно мерцающие и интригующе проблескивающие матовым серебром рыбьей чешуи, а также изысканные разлапистые светильники, мощно пламеневшие со стен и потолка.

В общем, встреча с Генеральным в тот день так-таки не состоялась. Со слов секретаря-референта Анны Павловны, тот куда-то ранней раннего срочно уехал, не сказав, когда будет, но просил ни с кем его не соединять, так как ему предстоит утрясать некий масштабный вопрос государственного значения, требующий предельной сосредоточенности для принятия выверенных решений повышенной ответственности.

Оставшись как бы не удел, Владимир Викторович до конца рабочего дня ещё раз для верности провёл, так сказать, ряд «полевых» испытаний новоиспечённого прибора на фигурантах телевизионных передач на самых разных каналах. И ему такое с этим «свой—чужой» открылось, хоть святых выноси!..

В итоге прибор реально перегрелся, словно утомившись давать оценку ведущим, комментаторам, бизнесменам, шоуменам, экспертам и прочим иным...

На другой день за пять минут до окончания рабочего дня Анна Павловна, которая всегда, самым что ни на есть загадочным образом даже на расстоянии перенимала настроение своего шефа, с потаённой досадой и глухим, вызревающим раздражением объявила Владимиру Викторовичу по внутренней связи, что Генеральный ждёт его.

И после многозначительной паузы особо требовательно добавила: «Немедленно».

— Догадываешься, зачем вызвал?.. — сегодня, даже не поднимаясь со своего места, весомо проговорил Дмитрий Михайлович.

— Будем наш прибор в серию запускать?! — смело вскрикнул Ларионов.

Дмитрий Михайлович судорожно откинулся в кресле:

— Размечтался, как девица красная! Будем передавать все документы по твоему прибору секретчикам. На архивацию.

— А смысл какой? — тревожно вздохнул Владимир Викторович.

— Вопрос наивный. Если не глупый... — прищурился Генеральный. — Но тебе, как другу, отвечу: ответственные люди, очень ответственные, однозначно убеждены, что сегодня политически ошибочно наглядно разделить наше общество на «своих» и «чужих». Всё это в реальности гораздо сложнее, чем твой нахальный прибор дерзает показывать! Такая пута-

ница может начаться... Такая головоломка... В общем, ты, дружище, извини, проявил политическую недалёковидность. Вознамерился, так сказать, впереди паровоза бежать... Сдалеко идущими тревожными последствиями. Тем не менее, пусть и с трудом, компромиссный выход найден. С учётом твоих былых заслуг. Тебе предложено с завтрашнего дня стать почётным пенсионером.

Владимир Викторович на эти слова странно промолчал. Дмитрий Михайлович ещё минуту-другую пождал продолжения их приватного разговора. Даже того самого более чем отменного коньячку хотел было предложить профессору. Да только вовремя понял, что Ларионов, кажется, потерял сознание, если не более того.

Санитары не заставили себя ждать — Анна Павловна заранее предусмотрительно вызвала бригаду «Скорой».

До машины Дмитрий Михайлович шёл рядом с носилками, на которых лежал профессор. На свежем воздухе тот вдруг ненадолго пришёл в себя, тотчас изловчился и незаметно навёл на Генерального свой приборчик.

Экран немедленно и вполне бесстрастно ответил изумрудными аккуратными буквами — «Чужой».

г. Воронеж

«НАЙДЕТ ЛИ ВЕРУ НА ЗЕМЛЕ?»

Евангелие от Луки прямо и отчетливо ставит именно перед нами, ныне живущими православными христианами, этот наиважнейший вопрос Христа, несомненно относящийся ко временам Его второго пришествия и кончины мира. «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18: 8).

Мы знаем, что Господь наш Иисус Христос часто называл Себя Сыном Человеческим, любил это наименование. Оно ярко свидетельствует о Его особой близости к нам, единстве Его с людьми по воплощению (см. у протоиерея Иоанна Бухарева «Толкование на Евангелие от Луки») и встречается еще в Ветхом Завете у пророка Даниила (см. Дан. 7: 13).

«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» В Толковой Библии читаем: «Грусть слышится в этих словах Христа. Ему больно, что придется к большинству людей применить строгое осуждение, вместо того чтобы их помиловать и сделать участниками Своего славного Царства».

Далее обратимся непосредственно к святоотеческим писаниям и толкованиям.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Блаженный Феофилакт Болгарский: «...Мало найдется тогда верующих. Ибо сын беззакония будет иметь такую силу, что прельстил бы и избранных, если бы можно было (см. Мф. 24: 24). <...> Господь, придя на облаках, не найдет веры на земле, исключая разве немногих».

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Сын Божий, пришедши на землю, почти не найдет никого или найдет весьма-весьма мало таких, которые имели бы истинную веру и зависящее от нее, являющее ее молитвенное преуспеяние. <...> Все человеки займутся вещественным развитием, займутся тем, чтоб обратить обреченную на сожжение землю в свой рай; сочтут в самообольщении временную жизнь вечною, заботы о приготовлении себя к вечности отвергнут и осмеют. Для тех, которых мысли всецело устремлены к земле, нет Бога».

Святитель Феофан Затворник: «Имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но всё это — только видимость, внутри же отступление истинное».

А что нам являет день сегодняшний? Всеобщая апостасия (отступничество) налицо. «Непогрешимый», окончательно отбросив последние иезуитские приличия, благословил однополое браки.

Мировые закулисные толстосумы открыто провозгласили в Давосе свое полное отречение от Христа, пригласив на свои церемонии чудовищного шамана. Вот уж действительно, что может быть общего между Христом и Велиаром (см. 2 Кор. 6: 15), как совместить служение Богу и маммоне? (см. Мф. 6: 24).

Итак, нам с ними — совсем не по пути. Как бы ни старались некие доморожденные их защитники убедить нас в обратном. Найдет ли Господь веру на земле? «Этот вопрос остается еще открытым» — убаюкивают нас эти «оптимисты».

Ну а на самом-то деле? Уже в ходу назойливая реклама нейросети «Библия»: «Задайте вопрос и получите ответ на основе **машинного анализа** (выделено мной. — П.Б.) текстов Священного Писания и современного Христианства!» Неужели недалек тот час, когда иными «церквями» будет управлять искусственный интеллект (ИИ), в их «храмах» увидим голограммы «святых», а на «службах» — клонов — «иерархов» и «верующих» роботов? Неужто нисколько не страшно?

Но это будет лишь одним из признаков завершения собственно человеческой истории, знамением того, что второе пришествие Христово неумолимо приближается. Общее чис-

ло спасенных людей (людей, но отнюдь не человекоподобных особей, доверху напичканных последними достижениями нанoeлектроники и подключенных к базовому сверхкомпьютеру) должно сравняться с числом ангелов, некогда отпавших от Бога. И только тогда Господь подведет итоговую черту — наступит день Страшного Суда и справедливого воздаяния.

Будем ли мы удостоены «деснаго стояния»? Узрим ли мы блаженную жизнь будущего века?

Да, если Сын Человеческий обрящет в нас веру.

Лина МКРТЧЯН

ЛАБИРИНТ КЛОАЦИНЫ

*О жертве вечерней иль новом Иуде
Шумит молочай у дорожных канав?*

Н.А. Клюев

Когда-нибудь лет через 5-7 после... Победы соединятся несоединимые миры — мир нашей Новороссии и Донбасса, где стоят насмерть святые дети России. И мир чужебной вавилонской блудницы с её набираемым обороты «пиром во время чумы». Но для этого противоестественного соединения надобно, чтоб все обитатели сточных канализационных вод вместе со своею Клоациной нырнули глубже — туда, в преисподнюю. Навсегда. Это единственное условие. И тогда не будет больше на карте ЭРЭФ, а будет Россия, если мы заслужим того, Великая Российская Империя.

Не случайно мы вспомнили Римскую мифологию с её богиней сточных вод Клоациной. Не так уж и далека от нас Римская Империя времён её падения и распада. Включите любую государственную радиостанцию, любой канал телевидения, кроме авторских программ Ирины Изволовой и Татьяны Скабард (на «Культуре»). Не говоря уж о сточных водах Интернета, в зловонных парах которого живут наши

дети, театрах, торговых центрах и т.п. Да распахните окно, и вместо утопающих в зелени дворах, несмолкаемого птичьего клёкота и шума детворы вы окажетесь в Римской Империи ЭРЭФ.

«Не так связывают любовь, дружба, уважение, как общая ненависть к чему-либо». Или к кому-либо, продолжим мы за Антоном Павловичем Чеховым.

Выплывшая всё из тех же вод, замаранная кровью Игоря Талькова, бывшая тридцать лет тому «шоузвезда» получила отмашку от Клоаины на защиту «героя» всех открытых педерастических представлений. Мы уже и говорили, и писали о змеиной зависти и ненависти этих каинитов к воистину невероятному явлению нашего перевёрнутого времени Ярославу Дронову. Простите великодушно за небольшую справку для живущих в Интернете и не читающих книг: каиниты — потомки Каина, первого сына падших Адама и Евы. Между тем в древнем армянском «Сказании об Адаме и Еве» мы находим свидетельство того, что змий, соблазвивший Еву, был никот иной, как сам сатана и родившийся от него Каин и стал первым человекоубицей, из зависти убившим брата своего Авеля.

Мотив такого упоминания мы находим у Рафаэля «Адам и Ева», фреска Станца делла Сеньятура (Рим, Ватикан, 1508 год). Если у Рафаэля тело змия с головой юноши ревниво смотрящего на Адама, то на фреске Микеланджело голова змия — это страшное мужское лицо, мужское тело и только хвост, огромный змеиный хвост, обвивающий Древо познания добра и зла. Правая рука его уже держит в своей руку Евы, глядя при этом прямо в глаза Адама, тщетно пытающегося дотянуться до «лица» этого страшного похотливого чудовища (Рим, Ватикан, плафон Сикстинской Капеллы «Грехопадение», 1512 год).

Впрочем, за 400 лет до Микеланджело в гениальном творении Владимиро-Суздальского княжества в Димитровском Соборе, в рельефе западного фасада мы видим борьбу человека с человеко-змеёй, лицо и торс которой соединены со спиралью закрученным хвостом змия. Недаром Гюго говорил, что зодчество было преобладающей формой письменности для всех народов. Но у каждого народа свои пластические символы. И если для русского таковыми до сих пор, вопреки всему, остаются Храм Покрова на Нерли, упомянутый Димитровский Собор Владимира, Московский Кремль и, конечно, «юродивый», неизреченной красоты Храм Покрова на Рву (Василия Блаженного), то символ Франции — отвратительные химеры на Соборе Парижской Богоматери (!). Ра-

зумеется, бывают и исключения: например, в центре Стокгольма стоит памятник Галине Сергеевне Улановой как символу не только единственному в мире одухотворенному русскому балету, а всей великой русской культуре. «Наши» каиниты поставили во время войны памятник другой Галине, фамилию которой рядом с Улановой язык не поворачивается произнести.

Как же защитить незабвенную русскую культуру и всех, кто ещё остался на том берегу, от легиона каинитов и клоацин, обитающих здесь — на этом берегу? Ведь Россия — это не нефть, не газ, а **Культура во все века, хранимая как Дом Пресвятой Богородицы, — духовный колодец человечества!** Конечно, милосердный Господь не раз и защищал, и спасал Россию войной, но, быть может, чтобы приблизить Победу укреплением внутренней национальной безопасности, которая невозможна без восстановления Культуры, соединить воедино в неразрывный круг Митрополита (Тихона Шевкунова), Никиту Сергеевича Михалкова, Петра Олеговича Толстого, протоиерея Леонида Сафронова, протоиерея Алексия Гомонова, Михаила Александровича Тарковского, Александра Андреевича Проханова, Михаила Васильевича Плетнёва, Николая Львовича Луганского, Людмилу Ивановну Семеняку, Илзе Марисовну Лиєпа, Анну Борисовну Шафран, Валентину Андреевну Майстренко (Красноярский край), Светлану Александровну Быченко, уже упомянутых Ирину Викторовну Изволову и Татьяну Викторовну Скабард, Константина Геннадьевича Ильина (Тверская губерния), Александра Михайловича Гундорова, Марию Васильевну Шукшину и для сверхконтроля — Карину Александровну Геворгян, и, конечно, Александра Вячеславовича Лосева. В этом списке нет любимого всеми нами Владимира Машкова, потому что у него уже есть две государственные должности. Такой штаб гарантировал бы стране, хотя бы во время войны, полученные частными клиниками деньги за миллионы аборт, деньги государственных радиостанций, финансируемых пятой колонной и транслирующих круглосуточно «англосакскую» музыку с рекламой средств для повышения потенции, деньги, полученные от чемпионата по метанию ёлок (Ростов-на-Дону), деньги, полученные от фестиваля снежного человека (Удмуртия) и всё, что вкладывается в строительство памятника Москва-реке, направить нашим святым детям в Донбасс, в Новороссию, чтоб не отводить от стыда глаз, глядя на возвращающихся без рук, без ног наших воинов.

Клоацина уже шипит: «А как же во время Великой Отечественной войны пели песни и снимали кинокомедии?» О,

несчастные лилипуты! Вы сравниваете себя с корифеями МХАТа — Анастасией Платоновной Зуевой, Михаилом Михайловичем Яншиным, Аллой Константиновной Тарасовой?! С великими солистами Большого театра — Иваном Семёновичем Козловским, Надеждой Андреевной Обуховой?! С Лидией Руслановой, что пела даже у стен поверженного Рейхстага?! В фильмах, снятых во время Великой Отечественной войны, снимались Черкасов, Симонов, Кадочников, в комедиях: Жаров, Марецкая, Грибов, Орлова, Лукьянов, Ладынина, Целиковская, Раневская, Гарин, Плят, Мартинсон, Жеймо! Военкорами были Шолохов, Твардовский, Симонов, Михалков! С фронта вернулись гениальные режиссёры, операторы, актёры, вошедшие в историю мирового кинематографа! Премьера балета «Ромео и Джульетта» с Улановой и Сергеевым состоялась в 1944 году на сцене Большого театра! «Священная война» Александра, в исполнении его Ансамбля, которого уже никто и никогда не заменит, потрясла весь Мир и осталась навсегда! И вы смеете напоминать нам о недосыгаемой культуре, апогеем которой были 1939—1953 годы, до которых нам еще десятилетиями расти и расти! Да, по инерции, накопленной за эти годы Правдой, Красотой и Любовью снимались ещё несколько лет такие шедевры неореализма, как: «Наш дом», «Иванов катер», «Спокойный день в конце войны», «Баллада о солдате», «Пристань на том берегу», «Когда деревья были большие», «Летят журавли», «Старшая сестра», «Мне двадцать лет», «Июльский дождь», «Ваш сын и брат», фильм «Иваново детство», снятый по повести «Иван» служившего в СМЕРШе выдающегося советского писателя Владимира Осиповича Богомолова.

Так же, как Пушкин был рождён Победой 1812 года, Никита Сергеевич Михалков плоть от плоти, кровь от крови — Дитя Великой Победы, рожденный 21 октября 1945 года! Ровно через 50 лет с начала войны, в день празднования Казанской Иконы Божией Матери родился Игорь Тальков, прямым наследником которого и стал Ярослав Дронов, и вернул нам Русскую мечту. И если после бесконечно любимого Петра Наумовича Фоменко сохранится его великий театр, с него и начнётся один из этапов Русской мечты.

У Фёдора Михайловича Достоевского главный герой «Белых ночей» безымянный, он назван просто Мечтатель. Вот и я, подобно Бальзамину или этому Мечтателю, — вечно в поисках Беловодья вспоминаю Беловодское Царство «яко и умом непостижимо». Если же вспомнить, что «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом», — ста-

новится ясно, как в этом будущем далеком-далеко нужен будет «Русский протокол» сегодня кажущихся утопистами Сергея Владимировича Тимченко и Андрея Витальевича Сошенко. Потом когда-нибудь мы наконец восстановим русскую деревню, и вернётся на нашу некогда Святую землю исконно русское сословие крестьян (христиан). И Беловодское Царство и Святой град Китеж освятят своим светом не-вечерним всю Вселенную! И

*Мы восплещем зарными крылами
Над кручинными всерусскими полями,
Вдунем в борозды заплаканные нови
Дух живой всепобеждающей любви, —
И в награду, друженьки, за это
Вознесут нас крылья в лоно Света.*

Н.А. Клюев

Январь 2024 г.

Максим ВОРОБЬЁВ

КОГДА «БОГ В ДУШЕ»

В заголовке слово «бог» стоит с маленькой буквы. Ведь языческие боги и должны писаться с маленькой, как и подobaет ложным богам или бесам. Почему вместо Творца мира в душе вроде бы верующего человека водворяется идол? По-пытаюсь ответить на этот вопрос.

Я уже затрагивал эту тему в своих статьях, но, так сказать, мимоходом, не разрабатывая её подробно. Мне казалось, что тема эта достаточно ясна всякому человеку, имеющему хоть какое-то понятие о Православии и христианстве. Но нет, я ошибался. Огромное число людей, сделавших идею «бога в

душе» своим жизненным кредо, заставило меня обратить на неё более пристальное внимание.

Дело осложняется ещё и тем, что каждый понимает «бога в душе» применительно к самому себе и часто весьма туманно. Впрочем, суть идеи нисколько не зависит от индивидуальных представлений и их недоговоренности или неясности.

Надо сказать, что идея «бога в душе» по своему происхождению христианская, ибо ни язычники, ни мусульмане, ни другие религии и культы (за исключением, пожалуй, буддизма) не обращают такого внимания на внутреннее состояние души, как это делает христианство. Однако это внимание в данном случае доведено до абсурда и потому на практике идея «бога в душе» становится явно антихристианской.

Подавляющее большинство тех, кто заявляет о наличии «бога в своей душе» либо никогда не слышали, либо просто проигнорировали слова апостола Иакова о том, что «вера без дел мертва». Хотя есть и такие кто слышал об этом и даже старается по мере сил делать добрые дела, сводя, таким образом, христианство к делу социального служения. Вот с этого редкого и любопытного типажа я и начну.

«А что еще надо? — искренне недоумевает такой человек. — Я забочусь, по мере возможности, об окружающих, не убиваю, не ворую, пью только по праздникам и в меру. Что еще от меня хотите? Внутренняя жизнь души? Так ведь я про то и говорю, что бог у меня в душе. Я его чувствую, у меня с ним доверительные отношения. И вообще, это моё личное, внутреннее дело. Зачем мне в церковь ходить? У меня и так всё хорошо». А то ещё горделиво добавит: «Мне не нужны посредники для общения с Богом». Вот она, та самая «гордость житейская», о которой писал апостол Иоанн Богослов.

Кстати, любопытное наблюдение: из тех, кто провозглашает «бога в душе», никто не скажет: «У меня Христос в душе». Вряд ли тут дело в богословских тонкостях или духовной интуиции. Скорее всего дело в незнании и непонимании Христа, Его Крестной Жертвы и Воскресения. Да многие Христа и не воспринимают как Бога, Творца мира. Для многих и многих людей Христос — это персонаж из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда» или Иешуа из романа «Мастер и Маргарита». Словом, этакий прекраснодушный романтик не от мира сего, добрые намерения которого потерпели полный крах, столкнувшись с реальной жизнью. И такой персонаж — Бог?

Однако, заявляющие о наличии бога в своей душе и не подозревают, что кроме Бога в человеческой душе находится еще и диавол. Вспомним Достоевского: «Тут диавол с Богом

борется, а поле битвы — сердца людей». Может ли человек, наивно верящий в свою природную праведность (а именно это и подразумевается в большинстве случаев), отличить голос истинного Бога от соблазнительного шепота искусителя? Никогда. Да и от собственных мыслей и представлений не отличит. Ведь именно под субъективными мыслями и переживаниями и подразумевается «бог, живущий в душе». А как удобно-то иметь своего личного, послушного и согласного во всём с тобой бога! Со всем он согласится, всё одобрит, на всё благословит. Так идея «бога в душе» оказывается теснейшим образом связана с другой сверхпопулярной ныне идеей, что «у каждого своя правда». И в самом деле, каждый прав по-своему, особенно в своих глазах. А если у каждого своя правда, то и абсолютная истина — тоже относительна, да и вообще её не существует. И здесь возникает новый любопытный момент, а именно — равенство всех религий. Ведь каждая из них по-своему права, а Бог — один для всех. Ну, стало быть, и без разницы, как верить и во что верить. Отсюда мертвящая теплохладность к духовной жизни и падкость на всякое зло. Вот она — самая главная идея новой религии Нью-Эйдж, стремящейся объединить все религии, культы и секты под своим крылом.

Начало новой духовной доктрины было положено в своё время (конец XIX века) Рамакришной и его учеником Вивеканандой с одной стороны, и различными эзотериками и теософами с другой. Рамакришна был служителем богини смерти, войны и разрушения — Кали. Этакое женское воплощение сатаны. Впоследствии он без колебаний погружался во все духовные практики, которые можно было только найти в Индии XIX века. Однако поклонение Кали он сохранил на всю жизнь, она и была его «богом в душе». Если отбросить туманную мистику и экстатические состояния, столь восторженно описываемые его почитателями, то придется признать, что Рамакришна был одержим бесами. Причем не просто одержим, а одержим жестоко, целиком и полностью, добровольно отказавшись от собственной личности. Более того, он мог эту одержимость передавать своим последователям. А уж они в экстазе преклонения возносили своего гуру до небес. В первую очередь — Вивекананда, донесший идеи Рамакришны до широких масс западной цивилизации. К тому времени Запад уже полностью утратил чистоту христианства и понятие о духовной жизни, а потому семена нового восточного учения упали на благодатную почву. Поражает, насколько противоположна была жизнь и учение Рамакришны жизни и учению христианских святых. Вплоть до мелочей. Осо-

бенно ополчался Рамакришна против смирения и покаяния. В то же время, несмотря на стыдливые иносказания его биографов, у Рамакришны обнаруживается множество сходных моментов с основателем современного сатанизма Алистером Кроули.

Отсюда становится понятным источник и самой идеи равенства всех религий, и движения Нью-Эйдж, и соблазнительной идеи «бога в душе». Огромное число последователей, усвоивших основные положения относительности истины и второстепенности религиозных учений и практик, не поддается исчислению. Впрочем, вседозволенность всегда была привлекательна для падшей человеческой природы. Ослепленные яркой идеей равенства всех религий не замечают, что она прямо противоречит первой Заповеди. Большинство даже не задумывается над этим, а некоторые особенно рьяные адепты новой Эры Водолея провозглашают полную отмену Заповедей как Ветхого, так и Нового Завета. Они в упоении ждут прихода то ли грядущего будды Майтрейи, то ли машиаха, словом, нового спасителя человечества, того самого которого христиане именуют антихристом.

Но оставим одержимых и вернемся к несчастным духовным слепцам, искренне не понимающим: почему они не могут жить так, как велит им их изменчивое сердце, изменчивый ум и изменчивые обстоятельства. Вот она причина — наша изменчивость. Таково свойство всего живого. Мы постоянно движемся не только в физическом, но и в психологическом и духовном плане. И если мы не стремимся подняться ввысь к Богу, то неизбежно опускаемся вниз, в царство тьмы. Самое ужасное, что из-за размытости нравственных норм и религиозной безграмотности многие люди, искренне стремящиеся стать лучше, неуклонно движутся прямо в бесовские объятия. Потому как нет у него в руках той путеводной нити Ариадны, которая смогла бы вывести его из духовного лабиринта. Такой нитью, может быть только религия, а ярким маяком, освещающим путь в мировой тьме — Православная Церковь. Своими собственными усилиями человек не может спастись от власти дьявола, иначе не нужен был бы и приход Спасителя. Никакой «бог в душе», а проще говоря, внутренний голос, не сможет заменить Живого Бога. Более того, лукавый шепот сатаны примешивается к мыслям и чувствам и постепенно становится главным голосом, звучащим в душе человека.

Если типичный современный человек хоть Запада, хоть Востока заявляет, что у него «бог в душе», можно не сомневаться, что никакого бога у него нет, а его душа подчинена

диаволу. Он, конечно, о том и не догадывается, и будет искренне возмущен, если услышит подобный вывод, но сути дела его возмущение не меняет. Ведь и психически больные люди в большинстве своём считают себя здоровыми. Что уж говорить о болезнях духовных.

Еще один парадокс: человек чувствует в своей душе бога, но любви к нему не испытывает.

— Нет, неправда! — слышу я негодующие протесты, — бог в моей душе, и я его люблю!

Возможно. Возможно многие и действительно любят того бога, которого они взлелеяли в своей душе. Того самого, который помогает, поддерживает и благословляет их на всякое дело и всякое сумасбродство. Хоть на блуд, хоть на пьянство, хоть на аборт. Того бога, который закрывает глаза на всякий грех и поощрительно гладит по головке. Как же не любить такого душку? Только вот этот личный бог является чистой воды плодом сознания и воображения, не имеющим ничего общего с реальным Богом. Ибо реальный Бог говорит: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3: 19), и еще: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 13-14).

Но как же приятен современному человеку, привыкшему к комфорту, широкий путь! Чего там искать какие-то тесные врата, калитку какую-то незаметную. Иди себе по широкой дороге вместе со всеми и наслаждайся жизнью. А куда путь ведет? Да не всё ли равно, куда-нибудь да выйдем. Какая такая дисциплина, внимание и посты? Идем все вместе, шагаем весело, развлекаемся в пути, а что в конце ждет адское пламя, не хотим знать. Не верим, потому и не хотим, чтобы нам об этом напоминали. А где еще можно о своем неизбежном конце вспомнить, как не в Церкви?

Нежелание идти в храм — явный и верный признак не любви к Богу. Такой же, как неприязнь к окружающим людям. Приведу простой пример. Молодой человек утверждает, что от всей души любит девушку. Вспоминает её и вздыхает. Возможно, даже её фотографию на гаджете ежедневно разглядывает. Живут они в соседних домах, но вот только молодой человек совсем не стремится к личному общению и довольствуется тем, что видит предмет своих вздыханий издалека. Чуть не ежедневно ему предоставляется возможность подойти, поговорить, пригласить на свидание, а он возможностью не пользуется. Даже телефон этой девушки знает, но не звонит. И так проходит год, второй, третий... Возникает

закономерный вопрос: любит ли он эту девушку на самом деле? Или, может, он просто не совсем адекватен? В любом случае о настоящей любви тут говорить не приходится. То же самое происходит и с человеком, утверждающим, что «бог у него в душе», но при этом не находящим возможности прийти в храм, где присутствие Божие ощутимо гораздо более, чем в любом другом месте. Проходят годы, человек стареет, а плода духовного так и не приносит, подобно бесплодной смоковнице. Привычка мешает, да и голос «бога в душе» всё новые оправдания бездействию находит. Мучается человек, страдает, а менять что-либо в своем комфортном и пустом существовании боится.

Очень немногим из таких людей удастся осознать свое плачевное состояние и изменить свою жизнь.

СИОНИЗМ И ФАШИЗМ. КОРНИ РОДСТВА

В декабре 2023 года портал The Intel Drop сообщил сенсационную новость, повергшую в шок, как писали в советские времена, «всю мировую общественность»: «Фирма Film heritage Inc в минувшем октябре приобрела в Германии за 8 млн. евро виллу под названием «Дом на Богензее» неподалеку от Берлина». Как выяснилось, Film heritage Inc зарегистрирована в Белизе, а ее владельцем — совместно с женой Еленой — является Владимир Зеленский. Сама же купленная вилла в свое время принадлежала министру пропаганды нацистской Германии Йозефу Геббельсу, которую ему подарил лично Адольф Гитлер.

Напомню, что, по свидетельству Гимmlера, зафиксированному в известном «Дневнике Керстена», «Геббельс придерживался мнения, что еврейский вопрос можно решить лишь путем уничтожения всех евреев. Покуда будет жив хоть один еврей, он будет продолжать оставаться врагом национал-социалистской Германии. Поэтому никакая гуманность и мягкость в отношении их неприемлемы».

Общеизвестно, что Зеленский — еврей по происхождению и сионист по

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

убеждению. В списке самых влиятельных сионистов планеты, опубликованном изданием The Jerusalem Post еще в 2019 году, имя Владимира Зеленского стоит под номером 8. О том, что говорил Геббельс о евреях, он не мог не знать. Откуда же у этого «сиониста под номером 8» такая тяга и фетишистская страсть к фашизму и его разновидностям в форме украинского национализма от Симона Петлюры до Степана Бандеры?

В период Интербеллума (промежутка между Первой и Второй мировыми войнами) у правительства Украинской Народной Республики (УНР) в изгнании имели место контакты с представителями Всемирной сионистской организации (ВСО). Правительство УНР официально приветствовало 12-й Всемирный сионистский конгресс, проходивший в Карловых Варах в сентябре 1921 года. Во время него членом руководства ВСО и организатором Еврейского легиона Владимиром Жаботинским и главой дипломатической миссии УНР в Чехословакии Максимом Славинским было подписано соглашение о создании при Украинской армии еврейской жандармерии (оно не было реализовано из-за краха попыток УНР организовать борьбу против большевиков, но его никто не отменял).

Революция и Гражданская война в России раскололи общество подобно глубокой тектонической трещине в земной поверхности. В нее бесследно канули миллионы. Этот раскол не миновал и российское еврейство. Далеко не все евреи поддерживали большевиков. Поначалу сионисты выступали против них практически единым фронтом. Большинство сионистских партий, а вместе с ними и коммунистический «Бунд», отмежевались от большевиков и Октябрьский переворот не приняли.

2 мая 1918 года в Москве состоялась секретная конференция одной из весьма разветвленных тогдашних организаций сионистов «Цеире-Цион». Принятая ею программа представляла собой конкретный план борьбы с коммунизмом. В ней, в частности, говорилось: «Большевизм стоит сионизму поперек дороги. Таким образом, сионизм и социализм не только два полюса взаимоотталкивающиеся, но два элемента, друг друга совершенно исключают...» (ЦГАОР. ДП, ОО. Д. 11. Ч. 2. Литер Б. 1898).

Батя Махно вошел в историю как организатор масштабных еврейских погромов. Между тем революционную науку в его ставке в Гуляйполе преподавали идиш-анархисты.

Противостояние сионистов и коммунистов, отметим, началось еще до 1917 года. «Всё международное социалистическое движение, — писал лидер английских коммунистов

Ральф Палм Датт в журнале «Лейбор мансли», — еще до 1914 года, еще до того, как оно разделилось на коммунистическое и социал-демократическое движение, осудило сионизм как явление, не совместимое с социализмом. Когда сионистское движение, не порывая тесных связей с «денежными мешками», сделало попытку создать у себя секции, именовавшиеся «социалистическими», и на этом основании оно ходатайствовало о принятии его в старый Социалистический Интернационал. Интернациональное социалистическое бюро, в котором в то время были представлены все секторы социалистического движения, отвергло эту просьбу» (Labour Monthly. London. Feb. 1970).

Добавим к этому, что уже после того, как был образован Коммунистический Интернационал, марксистская оценка, данная сионизму революционной социал-демократией, не изменилась. Исполком Коммунистического Интернационала указывал в одном из своих документов: «...попытки отвлечь еврейские трудящиеся массы от классовой борьбы пропагандой массового переселения в Палестину являются не только националистическими и мелкобуржуазными, но и в своем существе контрреволюционными...» (The Communist International. 1919—1943. Documents. Vol. 1. London, 1956).

Именно в контрреволюцию сионисты и подались в России после 1917 года, хотя и там их не встретили с распростертыми объятиями. В декабре 1917 года еврейская буржуазия Ростова-на-Дону собрала 800 тыс. рублей для организации казачьих отрядов, которые должны были бороться с советской властью. Эта сумма была передана атаману А.М. Каледину лидером донских сионистов А. Альпериным, заявившим: «Лучше спасти Россию с казаками, чем погубить ее с большевиками».

По мере узурпации власти большевиками, лидеры которых были в основном евреями, с началом красного террора советская власть стала восприниматься в России, а уж тем более в Белой армии как «власть жидовская». В декабре 1918 года Добровольческая армия стала выпускать антисемитские листовки, брошюры и газеты.

На Украине сионисты активно сотрудничали с Центральной радой. 9 января 1918 года ею был утвержден закон о национально-персональной автономии, составленный еврейской комиссией под руководством М. Зильберфарба. Этот закон признавал за всеми неукраинскими национальностями, в том числе и за евреями, право на автономию и «самостоятельное устройство своей национальной жизни». Но когда войска Центральной рады вместе с немецкими оккупан-

тами 1 марта 1918 года вступили в Киев, то в течение трех недель происходили расправы над евреями. В декабре 1918 года было восстановлено действие закона о национально-персональной автономии и было образовано еврейское министерство во главе с Я. Лацким-Бертольди. Однако с декабря 1918 по август 1919 года украинские войска под командованием Симона Петлюры и связанные с ними банды устроили сотни кровавых еврейских погромов, в результате которых, по данным комиссии Международного Красного Креста, было убито около 50 тысяч человек. И тем не менее во времена петлюровской «Директории» в правительстве так называемой Украинской Народной Республики восседали представители ряда сионистских партий, в том числе таких, как «Бунд», «Поалей-Цион», «Объединенная еврейская социалистическая партия». «Представители этих партий в правительстве «УНР», — писал украинский историк А. Лихолат, — спокойно взирали на истребление петлюровскими извергами трудового еврейского населения. Министры по еврейским делам занимались только регистрацией разгромленных сел, местечек и городов и подсчетом числа жертв. А вождь сионистов Жаботинский даже предлагал Петлюре создать еврейские воинские части. Не мудрено, что сионисты в конечном итоге оказались в лагере оголтелых погромщиков. Неужели заправили киевского режима, возведшие Симона Петлюру в ранг национального героя, не знали об этом? Думаю, что они в курсе.

Напомню, что еще 28 декабря 1918 года по инициативе украинских социал-демократов было созвано совещание центральных и главных комитетов всех «социалистических партий» с участием главы «Директории» Винниченко и ряда петлюровских министров. После совещания было опубликовано заявление от имени украинских социал-демократов, украинских эсеров, «Бунда», российских меньшевиков и эсеров, «Объединенных еврейских социалистов», «Поалей-Цион» и Польской партии социалистов с призывом «поддержать революционное правительство УНР». И это в то время, когда по всей территории Украины шли погромы еврейских местечек, массовые облавы и расстрелы большевиков, русских и украинских рабочих! На уже упоминавшемся совещании в качестве одного из наиболее ярых защитников погромщиков выступил представитель сионистской «Поалей-Цион» Ревуцкий. Его панегирик «национальной политике Директории», которая, отметим, преследовала не только евреев, но и другие национальности, в том числе русских, был принят петлюровцами с восторгом. Через несколько дней Ревуцкий получил должность министра по еврейским делам.

Не прошло и месяца после этого совещания, как петлюровские сечевики устроили чудовищные погромы в Житомире и Бердичеве в ответ на попытку рабочих и примкнувших к ним солдат восстановить советы и взять власть в свои руки. То же самое было в Проскурове (ныне — Хмельницкий) и Фельштинe, где петлюровцы, подавив восстание против «Директории», устроили массовую резню. «В петлюровских газетах, — пишет Лихолат, — велась систематическая травля евреев; солдаты петлюровской армии открыто призывались к резне еврейского населения, а также лиц, причастных к революционным организациям. Тушить пламя революции в крови погромов — таков был девиз петлюровских извергов».

Стоит напомнить нынешним киевским поклонникам Симона Петлюры во главе с сионистом Зеленским, что массовые погромы еврейской бедноты в городах Украины, в результате которых были зверски убиты тысячи евреев, включая женщин, стариков и детей, петлюровцы начали сразу же после того, как 15 января 1919 года объявили войну Советской России. Что же предприняли в те годы господа сионисты, и тогда, как и ныне, выступавшие в роли «спасителей евреев», для предотвращения этих зверств?

Передо мной уникальный документ, датированный 1919 годом. Это отчет о встрече «головного атамана» Петлюры с «еврейской делегацией» в Каменец-Подольске 17 июня 1919 года, т.е. почти полгода спустя после страшного Проскуровского погрома. Во встрече принимали участие раввин Гутман, представитель местной Каменец-Подольской еврейской общины Клейдерман, один из лидеров сионистов Альтман, представитель от «трудового еврейского населения» Крайз, от «рабочей» партии «Поалей-Цион» — Драхлер, от Бунда и Партии объединенных социалистов — Боград. Эта компания нашла полное взаимопонимание с Симоном Петлюрой. «Большевизм, — пророчествовал раввин Гутман, — с точки зрения святой Торы — своего рода Вавилонское столпотворение, поколение которого было наказано потопом, ибо не могло существовать. Также и большевизм, пытающийся подкопаться под самые основы, на которых стоит религиозная часть еврейства, не может рассчитывать на симпатии этой части. Я даю клятву от имени всех еврейских святынь, что в верующей части еврейства нет места для большевизма». После этого верноподданнического заявления Гутман устроил молебен в честь Петлюры. Затем представитель сионистов Альтман заверил Петлюру в таких же симпатиях к его режиму, как и раввин Гутман, и в своей ненависти к больше-

визму: «Мы, сионисты, не можем выступать за большевизм, мы верим в большевизм меньше, чем кто-либо вообще». Представитель «трудового еврейского населения» Крайз заверил «головного атамана» в том, что «еврейские ремесленники и еврейские националисты понимают, что для их экономики большевизм губелен», а также пообещал организовать в помощь Петлюре отряды «евреев-казаков». От имени «еврейских рабочих» представитель «Поалей-Цион» Драхлер заверил Петлюру в том, что в рядах его черносотенной армии «еврейский казак рука об руку с украинским будет воевать за освобождение Украины». Естественно — от большевизма. Представитель «Бунда» и Объединенных социалистов Боград на той встрече также заявил о своей полной поддержке петлюровского министерства по еврейским делам и изъявил готовность даже войти в него. Бундовцы призывали евреев выступать с оружием в руках в рядах петлюровской армии против большевиков. Несколько позже врангелевский министр сионист К. Писманик повторил почти дословно слова Гутмана и Альтмана, заявив: «Большевизм представляет собой наибольшую угрозу для российского еврейства» (см.: Беренштейн Л. Критика идеологии сионизма. Киев, 1991).

В том же духе высказывались и анархо-сионисты, которые преподавали революционную науку в Гуляйполе Батьке Махно. В числе идиш-анархистов, вернувшихся в Россию из США весной 1917 года, были Александр Беркман и Эмма Голдман. «Некоторое время, — пишет М.М. Гончарок, автор ряда исследований по истории идиш-анархизма, — эти интеллектуалы анархизма находились на Украине, в гуляйпольской ставке Н.И. Махно, при Реввоенсовете его Повстанческой армии». Махновцы, заметим, как и казаки Петлюры, не раз отметились в погромах евреев. Но идиш-анархисты из США работали в махновском культурно-просветотделе вместе с идиш-анархистами из Европы. После разгрома большевиками анархистского движения в России Голдман и Беркман сумели уехать (1921). По данным французского русскоязычного журнала «Мулета» (Париж, 1986), во время Гражданской войны некоторое время в ставке Махно в Гуляйполе находился сын известного литовского раввина Йегуды Лейбы Гордина организатор всероссийского движения пананархизма и Московской анархистской федерации, редактор ее газеты «Анархия» в 1917—1918 годах раввин Абба Гордин. Во время выступления на одном из анархистских митингов в Москве он был ранен агентом ЧК. Вскоре после этого был арестован, находился в заключении по обвинению в причастности к махновской контр-

разведке. Как ни странно, за него перед Ф. Дзержинским заступилась не кто-нибудь, а жена В.И. Ленина Н.К. Крупская. Гордон поэтому не был расстрелян, а сослан на границу с Маньчжурией, откуда бежал через Сибирь, Маньчжурью, Китай и Японию в Соединенные Штаты, где стал одним из лидеров идиш-анархизма.

С самого начала становления нацистского режима сионисты постарались установить личные контакты с функционерами гестапо высокого ранга. В начале 1933 года барон Леопольд Иц Эдлер фон Мильденштейн по инициативе Геббельса совершил вместе с женой путешествие по Палестине, чтобы поближе познакомиться с сионистами и написать о них серию путевых заметок для его газетенки «Ангрифф». Барона и его жену сопровождал во время их шестимесячного путешествия по Святой земле один из руководителей берлинских сионистов Курт Тухлер. Они посетили несколько еврейских поселений, о чем барон и написал в весьма доброжелательном тоне в серии статей в «Ангриффе» под общим названием «Путешествие национал-социалиста в Палестину». Он не только высоко оценил достижения сионистов, но и увидел в их деятельности возможное решение «еврейского вопроса» для Германии. Барон писал: «Еврей, который сам возделывает свою почву, становится совсем новым евреем» (Ibid). Так в нацистской пропаганде была на время взята новая линия, совпадающая полностью с установками сионистов — следует разделять евреев-ассимиляторов и «палестинских евреев». Первым в точном соответствии с классификацией Хаима Вейцмана предстояло обратиться в пыль в нацистских концлагерях. Вторым нацисты решили помогать вернуться «на родину предков». Геббельс настолько оценил писания барона, что распорядился даже отчеканить памятную медаль с изображением звезды Давида на одной стороне и свастики на другой. Не поэтому ли Зеленский так запал на Геббельса и его виллу?

Барон фон Мильденштейн был именно тем человеком, который будет назначен начальником еврейского реферата (отдела), разведывательного подразделения СС, службы безопасности, руководимой Рейнхардом Гейдрихом. Одним из подчиненных барона станет печально известный Адольф Эйхман, который жил в Палестине, знал иврит и идиш, имел широкие связи среди сионистов. Вот ему-то и было поручено заниматься еврейским вопросом. Он занял должность начальника отдела IV-A-4 в гестапо, в ведении которого находились дела Церкви и еврейский вопрос (см.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1959. С. 713).

Характеризуя личность Эйхмана, который, по его собственному признанию, ответствен за уничтожение пяти миллионов евреев, Ханна Арендт писала: «Эйхман презирал евреев-ассимиляторов, его раздражали евреи-ортодоксы, сионистов же Эйхман любил, так как они были такими же, как он, идеалистами». Причины такой любви точно подметил журналист Ганс Хене в своей серии репортажей в «Шпигеле». Он писал: «Коль скоро сионисты и национал-социалисты возвели расу и нацию в масштаб всех вещей, то между ними неизбежно должен был возникнуть общий мост». Неудивительно, что на том же принципе построенный украинский национализм обернулся откровенным фашизмом. Добавим, что опорам для этого моста служили антикоммунизм и антисоветизм как фашистов, так и бандеровцев и сионистов. Конечно, не только на «идеалистической» основе возникло и поддерживалось взаимопонимание нацистов и сионистов. Гитлер и его камарилья, которых поначалу финансировали еврейские банкиры, попытались использовать сионизм в борьбе против Англии, которая всячески противилась ускоренной сионизации Палестины, потому что нашествие евреев вызывало нежелательные волнения арабского населения британской подмандатной территории.

В 1939 году правительство Англии опубликовало так называемую «Белую книгу» М. Макдональда, в которой, как отмечает американский историк Алан Р. Тейлор, «содержались суровые ограничения иммиграции евреев в Палестину». Сионистский конгресс 1939 года назвал эту книгу «незаконной».

В мае 1935 года сам Гейдрих, в то время шеф СС, а позже губернатор («протектор») Чехии, написал статью для *Das Schwarze Korps*, официального органа СС. В этой статье он называет сионистов расистами, «как мы», и советует (а это уже воспринималось как прямое указание главы РСХА) разделить евреев на две категории: на сионистов, которых надо опекать и всячески помогать им, и на всех остальных евреев, которые потенциально постараются ассимилироваться и уже потому являются врагами третьего рейха. «Своим тяготением к строгому расизму и поощрением эмиграции в Палестину они помогают в строительстве своего собственного еврейского государства», — писал Гейдрих. Аналогичные аргументы в защиту сионизма использовал и Феликс Эдмундович Дзержинский, что неудивительно, так как объективно и ЧК, и гестапо способствовали эмиграции евреев в Палестину, хотя и преследовали при этом различные цели.

Идя на сговор с гестапо, сионисты стремились максимально использовать антисемитскую политику нацистов для орга-

низации широкомасштабной эмиграции в Палестину. Для этого было заключено несколько специальных секретных соглашений с ведомством Гиммлера, сменившего Гейдриха на посту рейхсфюрера СС. На их основе осуществлялся отбор эмигрантов, проводилась систематическая идеологическая обработка еврейской молодежи, а также при содействии гестапо осуществлялась их военно-спортивная подготовка в специальных лагерях. В 1933 году Хаим Арлозоров, руководитель политического отдела Еврейского агентства, заключил с нацистскими властями сделку о планомерном переселении евреев в Палестину. В 1937 году в Берлине начал работать так называемый Палестинский офис, занимавшийся при непосредственном участии будущего премьер-министра Израиля Леви Эшколя «сортировкой» беженцев.

Как отмечают авторы книги «Тайные пути» Джон и Дэвид Кимше, сионистские эмиссары «приезжали в нацистскую Германию не для того, чтобы спасти немецких евреев — они отбирали молодых мужчин и женщин, готовых стать пионерами, бороться и воевать».

С одобрения нацистских властей вблизи Берлина и других крупных городов Германии были созданы специальные «лагеря перевоспитания», в которых молодых евреев подготавливали для использования в сельскохозяйственных кибуцах. За этой работой сионистов, как свидетельствует на основе документальных данных Ганс Хене, пристально следили нацисты, в частности, уже знакомый нам начальник отдела по делам евреев 11.112 ставки разведки фон Миндельштейн, который «всячески содействовал деятельности сионистских организаций».

Весной 1934 года Гиммлер разработал подробный план работы среди еврейской молодежи с целью подготовки будущих переселенцев в Палестину. Этот отчет-план получил название «Ситуационный рапорт — еврейский вопрос». Согласно этой стратегии фашистский режим помогал сионистам поощрять и пропагандировать еврейские школы, язык иврит, занятия спортом, «особое» еврейское искусство и музыку.

Сионистским центрам по трудоустройству и переквалификации оказывалась значительная государственная помощь. Даже после запрета всех еврейских организаций гестапо исключало сионистов из круга преследуемых евреев. Согласно этой политике, 28 января 1935 года баварское гестапо распространило постановление, которым информировало местную полицию, что «члены сионистской организации не должны подвергаться тем же ограничениям, что члены остальных еврейских организаций — ассимиляторы».

13 ноября 1934 года Муссолини принял главу Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) Наума Гольдмана. Целью его визита в Рим было заручиться поддержкой «одной из наиболее сильных личностей западного мира» в деле создания ВЕК, который предназначалось использовать для работы среди евреев, поначалу не приемлющих сионистских взглядов. (Впоследствии Гольдман долгое время — с 1956 по 1968 год — был главой Всемирной сионистской организации (ВСО) и ВЕК одновременно.) Муссолини одобрил идею сионистов и обещал свою поддержку (Иванов Ю. Осторожно: сионизм! М., 1970. С. 82).

Дуче в принципе был против геноцида евреев и советовал Гитлеру поддержать сионистов. Несмотря на все свои опасения, Гитлер дал указание гестапо содействовать осуществлению сионистской колонизации Палестины. Гитлер говорил своему военному адъютанту в 1939-м и вторично в 1942 году, что он обращался к Великобритании с просьбой вывезти всех евреев из Германии в Палестину или Египет (Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск: Русич, 2003). Великобритания ответила на его предложение отказом, так как оно «могло привести к еще большей нестабильности».

Нацистское правительство организовало 40 сельскохозяйственных центров по всей Германии, где готовили молодых евреев к жизни в кибуцах в Палестине. Вплоть до самой войны немецкое правительство способствовало эмиграции евреев в Палестину — даже в 1940—1941 годах. Еще в конце марта 1942 года на территории Германии существовал, по крайней мере, один официальный кибуц для подготовки потенциальных эмигрантов.

Проникновение сионистов в нацистские верхи поистине поражает. В 1933 году Хаим Арлозоров, ответственный за внешнюю политику сионистского Еврейского агентства и один из основателей социалистической партии «МАПАЙ», попытался воспользоваться связями своей прежней любовницы Магды Фридлендер в высших нацистских кругах. Это была Йоханна Мария Магдалена (Магда) Геббельс, урожденная Беренд, — супруга министра народного просвещения и пропаганды нацистской Германии Йозефа Геббельса, видный член НСДАП, близкая соратница Адольфа Гитлера. Вот она-то и проживала в основном на той вилле, которую купил Зеленский.

Они встречались в Германии, где Арлозоров в конце 20-х годов создал свою сионистскую организацию «Тикват Цион», вплоть до того момента, когда Магда уже готовилась выйти замуж за гаулейтера Берлина Йозефа Геббельса. Последнее свидание Магды и Хаима состоялось 12 августа 1931

года, о чем есть запись в дневниках будущего, всесильного министра нацистской пропаганды (Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1998).

Арлозоров пытался убедить Магду уехать с ним в Палестину, но она отказалась. Объяснение было бурным: Хаим Арлозоров даже пытался застрелить Магду или застрелиться сам. Пуля осталась в дверном косяке, никто не был ранен. Тогда Арлозоров сумел скрыться. Но в 1933 году, когда он приехал в Берлин, это была уже другая Германия, и Магда была другая. За то время, что они не виделись, Магда стала не только женой Геббельса, но и сблизилась с самим Адольфом Гитлером, став фактически первой дамой рейха. Арлозоров знал об этом и попытался через нее получить аудиенцию у немецких властей. По телефону он просил Магду о встрече. Магда решительно отказалась, очевидно, не желая рисковать ни своей репутацией, ни его жизнью. Конечно, в нацистской Германии за сионистским эмиссаром следили с момента его там появления. В Берлине, однако, его трогать не стали. Но как только Арлозоров вернулся в Тель-Авив, его через несколько дней пристрелили на глазах у его жены. В этом преступлении были обвинены сионисты-ревизионисты из фашистской банды «Брит ха-бирионим» Ц. Розенблат и А. Ставский. Вскоре их оправдали за недостаточностью улик. XVIII сионистский конгресс создал комиссию по расследованию убийства Х. Арлозорова. Но и она не смогла обнаружить доказательства причастности сионистов-ревизионистов к этому преступлению. «Версия, что это были агенты Геббельса, выглядит достаточно правдоподобно, — пишет Е. Беркович. — Внезапная смерть любовника Магды сохраняла в тайне сионистские увлечения жены гаулейтера Берлина. Такого же мнения была и сестра убитого Лиза. Боясь преследований, она рассказала о своих подозрениях только незадолго до своей смерти» (Беркович Е. Первая дама Третьего рейха и ее еврейский отчим // В кн.: Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. М. : Янус-К, 2003).

В убийстве Арлозорова был заподозрен «Брит ха-бирионим» (Союз бунтарей; другое название — Союз сионистов-революционеров). Он был создан в Палестине группой последователей главаря полуфашистской партии сионистов-ревизионистов З. Жаботинского во главе с А. Ахимеиром и И.Х. Ейвиным в 1930 году. Эта подпольная фашистская организация, помимо мелких провокаций против британских властей в Палестине (в 1931 году «бунтари» попытались, например, сорвать перепись населения), занималась нелегальной

иммиграцией через северную границу. Им удалось переправить на Землю обетованную около шестисот человек. Отвергая социал-демократию, коммунизм, а также европейский либерализм XIX века (приверженцами которого были З. Жаботинский и многие другие руководители сионистов-ревизионистов), члены «Брит ха-бирионим» обратились к фашизму. Уже осенью 1928 года А. Ахимеир опубликовал в газете ревизионистов «Доар ха-иом» серию статей под общим заглавием «Записки еврейского фашиста». Позднее газета «Хазит ха-ам» — рупор идеологов «Брит ха-бирионим» писала о том, что «фашизм как национальное движение итальянского народа достоин подражания, а единственным отрицательным аспектом германского национал-социализма является присутствующий ему антисемитизм». В «Брит ха-бирионим» стремились всячески подражать фашистам, за что их критиковал в частной переписке даже З. Жаботинский, хотя официально он от этой публики не отмежевывался. Сам Жаботинский неоднократно посещал Италию и встречался с Б. Муссолини.

«Флирт» сионизма с фашизмом привел к активизации германской разведки в Палестине и в соседних с ней владениях Великобритании. В Палестине работало Германское бюро информации, своего рода крыша для нацистской разведки. В Палестине и Сирии с ней в то время активно сотрудничал Фейфель Полкес, один из руководителей «Хаганы», «сил самообороны» еврейских колонистов. В ведении Полкеса, как явствует из нацистских документов, «находилось управление всего аппарата безопасности палестинских евреев». Полкес, доверенное лицо Эйхмана, поддерживал непосредственную связь с германской разведкой через агента Райхерта, работавшего в Германском бюро информации в Палестине. Самые тесные контакты с гестапо, СД и абвером поддерживали и столь известные лидеры сионизма, как будущие премьеры Израиля Бен-Гурион, Леви Эшколь и ряд других. Историк Юлиус Мадер писал в журнале «Хорицонт» по этому поводу: «Адмирал Вильгельм Канарис, шеф контрразведки Верховного главнокомандования фашистского вермахта, хотя и ненавидел евреев, для сионистов делал исключение. Канарис опирался в первую очередь на международное сионистское движение. Во многих случаях сионисты служили пятой колонной Гитлера, а их международная сеть использовалась в целях установления мирового господства нацистской Германией». Спекулируя на сочувствии к евреям, ставшим жертвами преследований нацистов в Германии, сионисты внедрялись в государственный и экономический аппарат стран антигитлеровской коалиции и нейтральных госу-

дарств, собирали секретную информацию и передавали ее германской разведке. «Эсэсовские генералы, — пишет Ю. Мадер, — высоко оценивали антисоветскую деятельность сионистов. Сионистские деятели и «элита» службы безопасности... работали рука об руку». Еще более активно в пользу Германии действовали во время войны боевые организации сионистов «Иргун», отделившаяся от «Хаганы», будущей Армии Израиля в 1935 году, и «Штерн Ганг», отделившаяся от «Иргун» в 1939 году. «Бандой Штерна» англичане называли подпольную сионистскую группу боевиков «Лохамей Херут Израэль» (сокращенное название — «Лехи»), что в переводе с иврита означает «Борцы за свободу Израиля». Банда эта получила свое название от англичан в связи с тем, что первым руководителем «Лехи» был Авраам Штерн. Она была организована выходцами из сионистской боевой организации «Иргун Цваи Леуми» и действовала партизанскими методами против англичан в Палестине с 1940 года и вплоть до основания государства Израиль в 1948 году. О деятельности «Штерн Ганг» во время Второй мировой войны подробно рассказано в книге Самуэля Каца «Дни огня», изданной в Израиле. В 1941 году, рассказывает С. Кац, Штерн начал налаживать контакты с нацистами. Для связи с гестапо он отправил своего агента Любенчика в Сирию. Но тот был арестован. Осенью того же года Штерн обсудил этот план со своим коллегой по работе в сионистской организации Натаном Фриманом-Елиным и предложил ему выехать на Балканы. Но этот эмиссар тоже был арестован в пути. А в феврале 1942 года в Тель-Авиве был схвачен английской полицией и сам Штерн. Он был убит при попытке к бегству. Боевики Штерна считали Великобританию главным врагом сионистов, и в 1941 году главари «Лехи» выступили с официальным предложением военного союза своей Национальной военной организации (НВО) с нацистами. Вот отрывки из их скандального коммюнике:

«НВО, которой известно хорошее отношение правительства немецкого рейха к действиям сионистов в пределах Германии и к эмиграционной программе сионистов, выдвигает следующие соображения:

«1. У «европейского нового порядка», основанного на немецкой концепции, и патриотических стремлений членов НВО могут существовать общие цели и интересы.

2. Возможно тесное взаимодействие между новой Германией и обновленным народно-националистическим еврейским большинством.

3. Образование исторического еврейского государства на националистической и тоталитарной основе, которое было

бы связано договором с немецким рейхом, было бы в интересах поддержания и усиления немецкой власти на Ближнем Востоке.

НВО в Палестине предложила принять активное участие в войне на стороне Германии при условии учета данных сообщений и признания националистических стремлений членов НВО правительством германского рейха».

«Факт сотрудничества израильского освободительного движения, — подчеркивалось в коммюнике «Лехи», — не противоречит недавнему выступлению немецкого рейхсканцлера, в котором Гитлер подчеркнул, что он намерен использовать любой вид сотрудничества и коалиции для достижения победы над Англией».

Не существует архивов, свидетельствующих об ответе нацистов на такое «интересное предложение», но известно, что к тому времени Германия уже приняла проарабскую позицию, пытаясь подорвать влияние Англии на Среднем Востоке. И в этом противостоянии «фашисты с еврейской улицы» выступили на стороне нацистов. После гибели Штерна «Лехи» возглавил Ицхак Шамир, ставший в 80-е годы премьер-министром Израиля.

Еще раньше, в конце 1930-х годов, когда Великобритания ввела ограничения на иммиграцию евреев в Палестину, служба СС заключила тайное соглашение о сотрудничестве с подпольной сионистской организацией «Моссад ле-Алия Бет», согласно которому евреев в Палестину переправляли нелегально. Связь с гестапо установили ее агенты Пино Гинцбург и Моше Авербах. В результате этой сделки миграция евреев в Палестину из Германии, включая Австрию, в 1938—1939 годах заметно возросла. Дальнейшей эмиграции помешала война, начавшаяся 1 сентября 1939 года. После нападения Германии на Польшу Англия объявила войну третьему рейху. Считается, что по каналам «Моссад» 10 тыс. евреев должны были эмигрировать в октябре 1939 года, но не смогли этого сделать, так как англичане решительно блокировали приток иммигрантов из Германии в свои колонии.

Таковы факты о сотрудничестве сионистов с гитлеровцами, в том числе с их спецслужбами СС и СД. Озвученные сегодня, они помогают понять глубинные основы современного украинского фашизма и почти сентиментального стремления его лидера сиониста № 8 Зеленского к нему приблизиться. Пусть даже путем приобретения бывшей виллы главного пропагандиста третьего рейха и идеолога германского фашизма и антисемитизма Иозефа Геббельса.

РУССКИЕ

Коллективный Запад во главе с США ведет мировую гибридную войну, на которой все русские подлежат уничтожению, в том числе через этноцид (уничтожение национальной идентичности). Кто же они, эти русские, которых враг приговорил к ликвидации?

В зависимости от контекста под термином «русские» могут пониматься разные смыслы, которые ниже и будут рассмотрены, причем исключительно в значении существительного (а не прилагательного, указывающего на отношение к предметам или образам).

Этнографам хорошо известно, что в процессе естественного этногенеза, т.е. формирования этнической общности, одни этносы появляются, а другие — исчезают. Причем исчезают зачастую не физически (хотя и такое в истории бывало, например, с индейскими племенами), а как носители конкретной этнической идентичности. Чаще всего исчезающий этнос пополняет собой становление других этносов через ассимиляцию с ними. Таким образом, сильные этносы поглощают более слабых. Поэтому вполне убе-

РУССКИЙ ВОПРОС

дительным выглядит утверждение этнографов о том, что в Европе в европеоидной (т.н. белой) расе все этносы друг другу родственники в большей или меньшей степени.

В Средние века из разрозненных древнеславянских племен (древляне, поляне, вятичи, кривичи, лютичи, радимичи и др.) и их союзов вследствие миграционных процессов начал складываться пассионарный этнос, впоследствии названный как «русские». Складывался он с целью обороны и защиты славян, пребывающих во враждебном окружении иных племен. Складывался он на основе общего древнеславянского языка, который позднее, в результате языковой эволюции, стал русским. Отметим особую роль этого языка как фактора русской этнической идентичности. В процессе упомянутого этногенеза с самого его начала (в разные времена и в разной степени), кроме славян, принимали участие также и другие племена: балты, скандинавы, финно-угры, булгары, печенеги, половцы, позднее такие народы, как татары и турки, а также немецкие, еврейские, греческие, армянские и иные переселенцы. То есть русский этногенез с самого его начала носил многонациональный характер с доминированием славянских племен.

Русские, судя по их гигантскому ареалу обитания, оказались в процессе своего этногенеза самым жизнеспособным и могущественным этносом Европы и, разумеется, самым многочисленным в России. Всего в мире насчитывается, по разным оценкам, от 130 до 200 млн. этнических русских.

Существенным фактором русской этнической идентичности, кроме языка, было стремление к сильной защитно-оборонительной государственности имперского типа и стремление к высшим духовным ценностям (отсюда появился образ Святой Руси). Эта устремленность позволила А.А. Проханову назвать первой Русской Империей княжество Святого Владимира.

О русских как об имперской нации

Сначала сформировалась Русь, условно представляющая собой, выражаясь современным языком, конфедерацию славянских княжеств. Конфедеративное устройство (пусть даже условное) нестабильно и неустойчиво, поэтому Русь, выживая в междоусобицах и конкурентной борьбе, естественным путем пошла по пути державного строительства, необходимого для своей защиты. Только могущественная держава может претендовать на реальный суверенитет, только она

может обеспечить надёжную военную защиту и свое устойчивое экономическое развитие.

Заметим: не всякому народу дано иметь собственное государство и уж тем более империю. Русским дано. Так, в эпоху правления Великого князя Владимирского и Московского Ивана III в конце XV века в результате объединения северовосточных княжеств сложилось Русское централизованное государство, причем сразу же имперского типа. Не случайно многие историки начинают имперский отсчет России именно с эпохи Ивана III: Россия того времени имела достаточно имперских признаков.

Имперское становление России сделало вопрос русской этнической идентичности вторичным. В Российской Империи все были русскими. В имперском Риме все были римлянами (заметим: не италиками, не эллинами и не этрусками). Во Втором Риме (Константинополе) все тоже были римлянами, которые тогда по-гречески назывались ромеями. А в Третьем Риме (Москве) все стали русскими. Просто вместо термина «римляне» в силу исторических причин и национальных особенностей был использован термин «русские». Но имперский смысл один и тот же. То есть римляне Третьего Рима — это и есть русские. Возможно, именно по этой причине формально прилагательное «русские» приобрело значение существительного.

Совпадение надэтнической идентичности у римлян, ромеев и русских не удивляет, ведь не случайно же Третий Рим является единственным цивилизационным преемником Второго Рима, который, в свою очередь, был абсолютным правопреемником Рима первого. Яблоко от яблони падает недалеко.

Именно по этой имперской причине вопрос национальной принадлежности в Российской Империи не был существенным. Графа «национальность» за ненадобностью отсутствовала в имперских паспортах. Но при этом в империи сохранялось бережное отношение к малым этносам. Последним не приходилось отказываться от своей культурной и этнической идентичности. Эти этносы должны были рано или поздно ассимилироваться в единую многонациональную имперскую культуру, но империя не ускоряла этот процесс. Империя медленно, но уверенно поднимала культурный, в том числе образовательный, уровень малых этносов до имперского уровня. Всё должно происходить плавно, естественно, добровольно, без национальных напряжений.

Таким образом, имперская государственность прочно закрепила имперские смыслы в самом понятии «русские». В

этом значении «русская имперская нация», а точнее, «русская имперская политическая нация», — это историческая, надэтническая, политическая и социально-экономическая общность людей, сложившаяся в ходе формирования русского имперского государства, использующая русский язык как имперский, а русскую культуру (и ее основу — Православие) как титульную. В этом смысле вполне естественно говорить, что «русская имперская нация» — это многонациональный имперский народ, это русские Третьего Рима.

На таком исторически имперском определении «русских» можно было бы и остановиться, если бы современная Россия оставалась империей. Но нет, она не осталась. С крушением империй рушатся и надэтнические имперские смыслы. Поэтому нет более римлян, ромеев и русских (в надэтническом имперском понимании). Вместо них самоопределились (или вернулись к этническим смыслам) итальянцы, греки и русские (но уже как этнос).

Российская Империя по ряду политических и идеологических причин была переформатирована большевиками в федеративное государство с национальными границами субъектов федерации. Империя превратилась в союз национальных республик. Единый имперский народ превратился в союз народов СССР. В советских паспортах появилась пятая графа — национальность. Русские отныне стали понимать не как надэтническая имперская общность, но как национальность. Необходимость общенационального сплочения заставила советских идеологов искать смысловой заменитель русской имперской нации. Таковым стал «советский народ» как «новая «историческая, социальная и интернациональная общность людей». Развал СССР, в свою очередь, предопределил замену понятия «советский народ» на новые термины «российский народ» и «россияне», которые в отсутствии имперских смыслов воспринимаются современниками как население РФ.

О русских как об этносе

Русские как этнос (иначе — «этнически русские», как русская национальность, как русаки, как восточные славяне) — это такая принадлежность людей к Русскому народу, которая имеет кровнородственный характер.

Принято считать, что этнически русские состоят из нескольких родственных славянских ветвей, главные из которых проживали в Великой, Малой и Белой Руси (позднее — в соответствующих губерниях). Каждая ветвь Русского наро-

да владеет всем объемом русскости потому, что т.н. великороссы, малороссы и белорусы — это триединый славянский этнос, который принято считать русским.

Вместе с тем определить этнически русского (русака) не так просто, поскольку славянская внешность — это признак неточный и тем более недостаточный. Славянская внешность может быть у многих представителей европейских народов. К сложности русской этнической идентификации можно добавить и то, что русские имена и фамилии часто встречаются у этнических меньшинств. Сложный этногенез предопределил трудности и при установлении этнической русскости по исследованию ДНК и соответствующих гаплогрупп. А что тогда точно? А точно только то, что этнически русским по факту считается тот, у кого русские родители. Или хотя бы один из родителей русский, но в последнем случае если только сын (или дочь) сам относит себя к русским, например, указывая это в анкетах, переписях и т.п. (именно такое право выбора национальности было у совершеннолетних при получении паспортов СССР).

В.В. Путин заметил, что без русских как этноса нет и не может быть России и Русского мира. Этнические русские являются основными охранителями своей державы и ее колоссальных природных ресурсов. Все остальные этносы России геополитической конкуренции для империи англосаксов не представляют. Именно поэтому этнически русские приговорены к ликвидации врагами России в первую очередь. Хотя очевидно и то, что враг не пощадит никого.

О русских как о народе

Русские как народ (или «культурно русские») — это культурно-историческая общность людей (с этнически разнородными корнями), говорящих и думающих на русском языке, считающих себя русскими, а русскую культуру своей.

Примерно в этом же ключе дается определение «русский» Всемирным русским народным собором: «Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

В этом смысле «Русские, — как сказал В.В. Путин, — это больше чем национальность, это еще и культурная, и историческая идентичность». То есть понятие «культурно русские» отражает не национальность (т.е. не кровнородственную

связь поколений, как у этноса), а прежде всего культурно-цивилизационную идентичность. Духовное начало всегда лежит в основе культуры. Культурно русская идентичность пронизана православными духовными ценностями. Именно «культурно русские» предъявляют миру русское культурное величие России и колоссальный потенциал. Возможно, поэтому В.В. Путин заметил, что надо верить в великий Русский народ.

Понятие «Русский народ», помимо этнически русских, вбирает в себя тех представителей иных этносов, которые полностью интегрированы или ассимилированы в русскую социокультуру (т.н. обрусевшие). Культурно русские достоверно идентифицируются. Язык — это абсолютно объективное явление. Русская культура очевидно уникальна. Поэтому русская культурная идентичность может быть установлена вполне достоверно.

О русских как о федеративной нации

Русские как федеративная нация (иначе — «русская федеративная политическая нация» или «русская нация») — это современная надэтническая, политическая и социально-экономическая общность людей, сложившаяся в Российской Федерации, признающая русский язык и культуру как объединяющие. Эта общность выступает как союз народов России (с доминирующим влиянием Русского народа) с идеей единой государственности для защиты и распространения интересов этого союза. Не случайно всех туристов или иммигрантов из Российской Империи, СССР или Российской Федерации (независимо от национальной принадлежности) за рубежом называли и продолжают называть русскими. «Русские» в данном контексте — это русская нация как политическая и мироохранительная общность.

Говоря о важности такой общности, В.В. Путин в конце 2023 года решительно заявил: «Мы будем строить русскую нацию». Быть русским в данном смысле означает, прежде всего, ответственность за сбережение России. Яркий пример таких русских являют собой наши чеченские братья по оружию, героически сражающиеся на Донбассе, несмотря на иногда слабое владение русским языком и полное незнание русской культуры. Чеченцы защищают свою Отчизну — Россию (частью которой является Чечня), защищают от этнически (часто и культурно) русских, но политически антирусских военнослужащих ВСУ.

О самом идеологически перспективном значении термина «русские»

Наиболее исторически точное определение термина «русские» дает именно имперское толкование термина как многонационального народа, как наднациональной, политической, духовной, исторической и социально-экономической общности людей, сложившейся в ходе формирования российско-имперской государственности военно-охранительного типа. Однако в 1917 году имперская государственность была пресечена, а вслед за этим все народы (кроме русских) получили национально-территориальную «прописку» как субъектов Федерации. В этих субъектах начали формироваться национальные (а затем и националистические) элиты, которые уже более не «растворялись» в имперской элите (как это было в Российской Империи), а, наоборот, укоренялись в сотворенных большевиками национальных республиках, повсеместно вытесняя русских как своих конкурентов. Эту опасную тенденцию может устранить только имперская форма государственности.

Заметим: термины «федерация» и «нация» порождены коллективным Западом. Они устоялись, хотя совершенно не соответствуют русской исторической государственной традиции. По своему определению понятия «федеративно русские» и «имперски русские» близки, так как оба характеризуют русскую нацию, но отнюдь не тождественны. «Имперски русские» — это единый имперский многонациональный народ России, а «федеративно русские» — это федеративный союз народов России. Данное терминологическое отличие предопределено принципиальным отличием имперского и федеративно-республиканского государственного устройства.

Итак, в настоящее время мы имеем федеративный союз народов России. В этом союзе провозглашается дружба народов, хотя, как мы знаем, бывает и вражда. Основательно и надолго снизить градус межнациональных угроз можно тогда, когда русские опять, как в добрые имперские времена, станут единым многонациональным народом. К такому надэтническому единству (от федеративного союза народов к многонациональному имперскому народу) нам и следует стремиться, если планировать победоносную стратегию развития России на далекую перспективу.

О КРИЗИСЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Русская литература XIX века хорошо отразила все болезни русского общества пореформенной эпохи (с 1860-х). И глубже всех из писателей копнул Федор Достоевский. Он одним из первых следом за другим великим провидцем Николаем Лесковым («Некуда», «Соборяне») почувал неладное и гениально описал наступление кризиса в умах и душах русских людей. Достоевский показал главную беду своего времени — нарастающее разъединение, раскол общества или, как сказал бы Лев Гумилёв, — раскол этнической системы в фазе надлома.

Устами старца Зосимы Достоевский говорит: «...все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого прячется, прячется и, что имеет, прячет, и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает... Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же мы видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их...» И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали».

Эти строки написаны в конце 1870-х. Параллели с постсоветской РФ — прямые. Уже тридцать лет как мы «свободны» и идем по второму «дико-капиталистическому» кругу...

Далее Достоевский продолжает: «...и в народе грех. А пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идет. Наступает и в народе уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец всё больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным... а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов. Ездит ко князьям, а всего-то сам мужик порченый».

«Братья Карамазовы» — это роман о разъединении. Раскол и вражда в семье Карамазовых — это раскол и вражда в самом русском этносе. Рационалист европейского типа Иван, анархист Дмитрий, богоискатель Алеша, деляга и мерзавец Карамазов-отец — все они уже давно не семья, а какие-то мятущиеся осколки. Люди остались, и пассионарность осталась, а семьи-системы — нет.

Более того, на тех обломках, что остались от семьи, появляются явственные признаки антисистемы. И подтверждением тому служит главный антигерой — Смердяков, ненавидящий Россию и всё человечество... «Ты разве человек, — говорит Смердякову слуга Григорий, — ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» Это хуже, чем просто паразит-субпассионарий. Это тип морального уродца с «негативным мироощущением», инстинктивно стремящийся к тотальному разрушению окружающего мира и, одновременно, к саморазрушению.

Таких типов, «метафизических нигилистов», по Гумилёву, к началу XX века становится в России всё больше и больше. Они, как раковые клетки, начинают разъедать тело народа... Жизнеотрицающие антисистемы активно развиваются в больных и старых (не реликтовых) этносах — то есть в фазе надлома и в фазе обскурации.

А какую роль во всем этом играла интеллигенция? В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский пишет: «Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький». И в другом месте: «...интеллигентный русский, в огромном числе экземпляров — есть... международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы». «Вывод тот, что русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться... врагом России».

Вот тебе и «лучшие люди!» Вот тебе и «це Европа»!.. (Был такой, пострадавший от сталинских репрессий, советский академик («совесть нации»), который поддержал расстрел Верховного совета в 1993 г. Кстати, эта «совесть нации» происходила из раскольников-беспоповцев.)

А что же русское дворянство, к которому принадлежал и сам Федор Михайлович? Здесь писатель категоричен: «У Петра было одно создание — дворянство. Теперь и дворянство порешили (буржуазными реформами 1860-х. — Е.Е.), что же осталось — ничего»... Как там у Некрасова? «Порвалась цепь великая. Порвалась — расскочилась. Одним концом по бирину. Другим по мужику!»

И, наконец, духовное сословие. Достоевский и здесь критичен. В «Дневнике писателя» он дает портрет священника: «Это была натура русского священника в полном смысле, т.е. материальная выгода на первом плане и за сим — уклончивость и осторожность». И далее очень жестко о семинаристах: «...семинаристы — это нужник общества». Вот тебе на!.. Ну как тут не вспомнить Варсонофия Оптинского с его знаменитым: «Революция вышла... из семинарии». Это к вопросу, почему это вдруг архиереи Святейшего Синода после Февраля 1917 г. поддержали либеральное Временное правительство, арестовавшее царя?

Кто-то скажет: все это — преувеличение! Ведь были же и в этих сословиях нормальные люди. Конечно, были... Проблема, однако, в том, что эти нормальные, т.е. вполне патриотичные и православные люди, составляли явное меньшинство, особенно в сословии интеллигенции. Причем с каждым десятилетием их становилось всё меньше и меньше («фаза надлома»).

Достоевский увидел в современной ему действительности то, что неспособны были увидеть ни тогдашние либеральные мыслители, которые оперировали поверхностными понятиями «прогресс — отсталость», ни революционные публицисты, упиравшие на классовый антагонизм: «богатые — бедные». Достоевский увидел обострение тяжелой этнической болезни. Когда поражаются самые тонкие ткани национального организма. Когда поражается нервная система. Когда поражается мозг!

Писатель в своем Дневнике 70-х описал весьма красноречивый случай: «Загорелось село, и в селе церковь, вышел ценовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли. Примеры эти еще пока ничтожные, ввиду неисчислимых будущих ужасов...»

И далее писатель продолжает: «Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму».

Это к вопросу о размножении русского «буржуазного человека» и совместимости капитализма и православного христианства. Тогда, и сегодня... Или кто-то думает, что можно усидеть на двух стульях?..

Лев Гумилёв коротко и ясно показал этнологическую подоплеку той духовной деградации русского общества: «Идеологическая система, как религиозная, так и атеистическая,

будучи создана на ранней стадии этногенеза, превращается в символ. Символ становится индикатором этноса, исповедание его — частью стереотипа поведения... Отрицание символа означает выход из этноса или раскол этнического поля».

Отсюда следует, что материализм и безбожие нашей интеллигенции и дворянства, а так же значительной части народа, означало размывание и потерю традиционной русской идентичности и, как следствие, — народного единства. Это к вопросу о главных причинах Гражданской войны. Об истоках вражды красных, белых и зеленых.

Великий Достоевский в «Бесах» говорит языком литературы о законах истории: «Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должностную второстепенную и служебную... Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо... Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти... Цель всего движения народного... искание бога, бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного... Народ это — тело божие... Если великий народ не верует, что в нем одна истина, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ».

Вот она гениальность писателя! Лучше об этническом и духовном в русской литературе никто не сказал.

Великий писатель показал этнический надлом как надлом русского духа. А нарастающее безбожие — как следствие этого глубинного духовного надлома. Достоевский пророчески сказал, как припечатал: «русский без Православия — дрянь, а не человек». И спасётся только через страдание... Это к вопросу о катастрофах XX века и роли Сталина в русской истории...

А так же к вопросу: будет ли расплата за «золотого тельца» в XXI веке? Или кто-то думает, что наш народ уже достаточно пострадал в эпоху 90-х?.. А как же тогда нынешнее кредитное безумие и по две-три машины на семью?.. Увы, Третий Рим пока плохо просматривается, зато Вавилон — налицо. Это к вопросу о левом повороте...

Самый нелюбимый «либералами» роман Достоевского «Бесы» — это роман об антисистеме. Писатель предваряет книгу эпиграфом из Евангелия: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло».

В завершение романа Достоевский пророчески говорит: «...видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, входящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся эта нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... И сами будут проситься войти в свиней... Больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... И будут все глядеть с изумлением»...

В этом главное предвидение писателя!

Со времени написания романа «Бесы» прошло полтора столетия (средняя продолжительность фазы надлома.). Со времени сталинской «интенсивной терапии» — семьдесят лет. С начала последнего обострения застарелой болезни — сорок.

Похоже, «великий больной» начал выздоравливать. Во всяком случае, внутренний раскол преодолевается. Да, крупные бесы пока еще в силе и продолжают сосать соки из России, но бесенята уже забегали...

Зная нашу историю, можно прогнозировать, что окончательное выздоровление России растянется на годы. Оно будет происходить в ходе будущей Большой войны. СВО, идущей непонятно по чьим правилам, оказалось недостаточно. Увы...

Вячеслав ДЕВЯТКОВ

ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ ИЗ СЛОВА

Если открыть Священное писание, притчи Соломоновы, то в главе 18, стихах 20-22 написано: «Жизнь и смерть — во власти языка. И любящие его вкусят от плодов его и напол-

нят чрево свое тем, что будет исходить из уст твоих. Произведе-нием уст своих насыщается человек».

То есть всё в действительности творит Слово, что было в начале. И произошли мы не от пап и мам, а от языка!

Наукой установлено: человек рождается двуполушарным. Как и обезьяны. Правое полушарие отвечает за образное, нелогическое мышление. Язык, взаимодействуя с материей, с мозгом, вырабатывает левое полушарие, словное, логическое. Структуру, которой мы мыслим.

Немецкий философ, один из столпов философии XX века Хайдеггер, пишет: «Сущность человека вырастает из языка. Мышление — есть поэзия. А поэзия — это системный язык мозга». Она охватывает оба полушария, и мы мыслим целостно.

«Поэзии магический кристалл!» — написал Пушкин. Именно этот кристалл создает оптику, которая собирает все элементы в целое. Без поэтического начала никакой оптики быть не может.

Другой наш великий соотечественник Василий Тредьяковский вопрошал: «А что есть поэзия? Это писание словом, мерой и числом». По сути, это определение матрицы: слово, мера и число.

И нейробиологами доказано, что певец «впевает» в нас национальный язык. Даже в Священном писании сказано: «И слово плоть бысть, и вселися в ны». То есть язык взращивает в нас то, что становится человеком. Без языка ребенок превращается в Маугли. Если до 6 лет он не был в речевом пространстве, ему уже никогда не приобрести человеческий интеллект.

Так происходит рождение человека из слова.

Когда мы говорим, что язык создал человека, это надо понимать в нейробиологическом смысле! Родители дают нам лишь тело. Наш великий славянофил Хомяков говорил, что «Мы — русский народ — многокровный, даже многорасовый. Но как нация мы растем из слова. Поэтому мы суть славяне». А Аксаков писал: «Мы не кровники. Мы — словники!». Позднее Василий Розанов напишет: «Истинный русский вышел из русской литературы».

Все они говорили об одном и том же!

Мы существуем в полной зависимости от языка, и поэты это прекрасно понимают. Великий русский философ Константин Леонтьев писал: «Я хочу не социалистического, не капиталистического человечества, а поэтического. Ибо только поэт видит мир целиком, и понимает, что значат божественные законы».

Очень много работали со словом евреи. Они всегда позиционировали себя книжными людьми. Родины у них не было,

но была Книга. И они погружались в нее, как в Родину. И русский человек также абсолютно логоцентричен. Он тоже существует в слове. Оно для него — всё!

Ученый-нейробиолог Иван Павлов писал: «Мы, русские, обладаем очень странным менталитетом. Мы не видим реальности. Мы видим только слова. Они заслоняют для нас весь мир». Поэтому на картинку с пожаром мы реагируем гораздо меньше, чем на слово «пожар».

Таким образом, русский мозг — онтологичен. Он восходит не к материальности, а к тому, что стоит за материей, к тому, что ее творит, к слову как к творящему началу.

И в этом смысле мы — русские — ближе других наций к формированию реальности. «Русский язык испробовал все арфы мира и выковал такие звуки, которые предназначены для какого-то величайшего служения», — писал Гоголь. Служения! Иосиф Бродский вторит: «Пока существует такой язык, как русский, поэзия — неизбежна». И дальше: «Перо на русском стремится к святости».

А святость — это и есть служение. Работа. Труд. Русские монахи построили Русь, все ее монастыри. Монахи создали азбуку! «Русский язык — это язык переводчиков, и на нем звучит весь мир», — писал Осип Мандельштам.

Андрей Курбский, поссорившись с Иваном Грозным, пишет ему из Литвы: «Иване! Давай жить как Европа живет!» А Грозный ему ответил: «Ты мне говоришь про Европу, а Россия не Европа! Россия — есть Израиль!» В те времена Израиль означал священное православное царство. И Романовы построили в последующие столетия Новый Иерусалим — новый град на холме, который должен светить миру. Не править миром, как американский Капитолий, а светить.

Позже Ильин, великий русский философ, так и напишет: «Не мир для нас, а мы для мира, которому мы будем светить светом слова!»

Все философы древности считали, что они должны быть математиками и поэтами. Наука, по выражению нобелевского лауреата Ильи Пригожина, «есть поэтическое вопрошание природы и попытка воспроизвести ее ответ в строгой логической форме». Как появилось слово «формула»? Дословно — «точность заклинания», «фор» и «мелос»: формула. Мы все знаем геометрию Евклид. Но перед ним был Евдокс. И Евклид говорил, что «Евдокс был поэтом, а я всего лишь музыкант». Следом великий Декарт напишет: «Поэт — учитель математиков». Это повторил великий русский математик Андрей Колмогоров, создатель лучшей в мире математической школы, где изучали и поэзию, и музыку.

Академик Колмогоров написал немало научных работ, посвященных математике в поэзии. Это означает, что структура поэтического текста — математична. В музыке существует закон октав. И точно так же устроен наш геном. В свое время академик Румер говорил, что генетические и поэтические тексты обязаны быть идентичными.

Нейробиологи считают, что именно через поэзию открываются смыслы, которые линейным текстом и мышлением не открыть. Поэзия — это своего рода канал. Именно двадцатый век стал веком русских научных открытий. И параллельно это был век поэзии и музыки. Куда бы ни пришла наука, там уже побывала русская поэзия.

Поэт не обязательно предсказатель. Он просто подготавливает сетевые структуры мозга к восприятию нового. Однако есть и поэты-провидцы. Андрей Белый еще в 1921 году предвидел атомную бомбу и жертвоприношение в Хиросиме и Нагасаки. Известный поэт Леонид Губанов — феноменальная фигура в русской поэзии. «Другое знамя будет виться, другие люди говорить...», — писал он еще в 60-х годах прошлого века.

Как они это делают? Они используют магический кристалл поэзии, о котором писал Пушкин. Задействуют сетевые структуры мозга, которые видят мир в его целостности. Слово, музыка, поэзия способствуют возникновению синоптических связей между нейронами мозга. И потому поэты, певцы гармонии, так часто становятся провидцами и пророками.

Великий математик Федор Богомолов считает: «Язык будущей научной элиты — русский». Он более других приспособлен для обживания белых пятен в науке. Ученый уже 30 лет преподает в США. И значит, эта его фраза сказана неспроста.

Другое дело, что русские не всегда могут использовать научные открытия в практическом смысле. Русский ученый сделал открытие — и ему этого довольно. Но ведь кто-то же должен перевести открытие в практическую плоскость. И потому Василий Розанов писал: «Дайте немца! Дайте русскому началу немецкое воплощение!»

Так родилась русская философия. Владимир Соловьев перевел на русский промыслительный язык Шеллинга, Канта, Гегеля, и задал основание русской философской мысли. Следом появились Бердяев, Шестов, Булгаков, Флоренский, Федоров и другие.

Первый учебник по музыке был написан Дамоном, учителем Платона. И он писал: «Песня может созидать, песня мо-

жет разрушать, песня может исцелять, песня может свергать в безумие. Изменение в песнопении влечет за собой изменение в государственном устройстве». Ни больше, ни меньше.

Что такое песня? Она обживает меня, я обживаю ее. Песня — это опыт, концентрация жизненной энергии. И Татьяна Черниговская, очень известный ныне ученый, биолог, филолог, говорит, что когда мы поем песни, музицируем, это влияет на нашу генетику. Песни и музыка включают гены, которые при других обстоятельствах молчат. Поэтому в народе есть замечательная поговорка: «Песенка — к богу лесенка».

Удивительно, что во многих языках мира, певец и отец — это одно и то же слово. Адам на шумерском языке означает и отец, и певец. И в Коране сказано, что Аллах сотворил человека из поющей глины. А песня — это власть, царство, основание, красота, разум.

Александр Мирзаян выразил сожаление, что «в современном социальном и культурном пространстве чаще всего мелькают посредственные поп-звезды, а не люди высочайшего интеллекта, к примеру, такие, как российские академики Петухов, Смольянинов, Топоров и другие, внимать которым — одно удовольствие.

Порою находишься в их обществе, и думаешь: боже мой! Вот она — русская жизнь! Вот она — Россия, где говорится обо всем. Это люди, которые знают и математику, и литературу, и живопись, и музыку! У них сумасшедшая память!

Как свершается чудо жизни, я пытаюсь объяснить уже 25 лет, — говорит он. — Ушел из физики, занимаюсь только языком, философией, этимологией. Вы бы видели, что у меня творится в комнате! Это ужас: кругом одни книги. И закладок больше, чем книг!»

Наверное, это тоже своего рода подвиг.

«У нас у единственных в мире такой колоссальный заряд поэзии, песни и музыки. В отечественной авторской песне присутствует вся мировая поэзия! Это инструмент, благодаря которому мы можем создавать то поэтическое человечество, о котором мечтали Константин Леонтьев и наши предки, — говорит Александр Мирзаян. — Когда поэзия вышла из недр нашего народа, мы сумели сделать то, чего не сумели другие. Мы показали, что мы — не владетели мира. А свет миру! Ведь в итоге всё в жизни сводится к красоте, славе, гимнам и пению. И наше русское дело — ведать и петь, славить и нести свет. А слово — это и есть свет, который и во тьме светит».

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

95 лет назад, в апреле 1929 г., XVI конференция ВКП(б) поставила задачу: «в относительно короткий исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, обеспечить быстрый рост индустрии и подъем сельского хозяйства» и приняла резолюции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» (на период с 1 октября 1928 г. по 30 сентября 1933 г.) и «О путях подъема сельского хозяйства».

Грандиозный план 1-й пятилетки, разработанный под руководством выдающегося инженера, учёного и экономиста Г.М. Кржижановского (ранее он же руководил и разработкой успешно выполнявшегося плана ГОЭЛРО), был представлен в двух вариантах — отпавном (минимальном) и оптимальном (на 20% выше). Второй вариант был рассчитан на благоприятное стечение обстоятельств. В ЦК он был принят за основу, а V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г. — как закон. В плане были заложены, в частности, следующие контрольные цифры:

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

— увеличение объёма выпуска промышленной продукции на 180% (в 2,8 раза), в т.ч. тяжёлой на 230% (в 3,3 раза),

— увеличение выработки электроэнергии с 5 до 22 млрд. кВт-ч в год,

— увеличение выплавки чугуна с 370 тыс. т до 10 млн. т,

— увеличение объёма продукции машиностроения в 3 раза, а выпуска сельскохозяйственных машин в 4 раза,

— увеличение добычи угля с 35 млн. до 75 млн. т,

— увеличение производства удобрений со 175 тыс. и до 8 млн. т в год,

— увеличение протяжённости железных дорог с 76 тыс. до 92 тыс. км,

— увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции на 55%.

Нельзя не отметить обстоятельств, сопутствовавших Первой пятилетке. С одной стороны, «Великая депрессия», разразившаяся в 1929 г. в странах Запада (особенно в США и Германии), дала возможность сравнительно дешёво закупать там металл, станки и оборудование. Охотно ехали к нам на работу и инженеры. В частности, американская фирма А. Кана разработала проекты около 500 промышленных объектов и проекты организации их строительства.

С другой стороны, уровень квалификации не только рабочих (в основном, вчерашних крестьян), но и многих руководителей гигантских строек (имевших в своём багаже только революционные заслуги и преданность партии) был крайне низок. Огромная нехватка была и инженерно-технических кадров, большая часть которых эмигрировала или была истреблена в годы Военного коммунизма и Гражданской войны. Поэтому параллельно с чисто производственными задачами руководство страны большое внимание уделяло развитию технического образования: открывались новые вузы и техникумы. В связи с тем, что доступ к высшему образованию для «классово чуждых элементов» был закрыт, массово создавались подготовительные курсы для рабочих — так называемые рабфаки (рабочие факультеты).

Для успешного выполнения плана партия провела блестящую агитационно-пропагандистскую работу, зарядив народ, особенно молодёжь, необыкновенным энтузиазмом. Люди, живя в землянках, не имея нормальной пищи, никаких удобств, даже подходящей одежды и обуви, совершали воистину чудеса героизма, чем компенсировали частые неразберихи, ошибки и невежество своих руководителей. Лозунги «Догоним и перегоним!» и «Пятилетку — в четыре года!» стали для них смыслом жизни.

Официально считалось, что пятилетку выполнили досрочно — за 4 года и 3 месяца, т.е. к концу 1932 года. На самом деле, это не так. То, что не все показатели плана будут выполнены, стало ясно в начале 1932 г. (по воспоминания наркома Малышева, в 1947 г. Сталин сказал об этом), и его просто досрочно свернули. Но свернули не для того, чтобы отказаться, а для того, чтобы учесть все ошибки и неудачи и составить более сбалансированный план Второй пятилетки (1933—1937), после которой СССР по уровню промышленного производства занял 2-е место в мире и не уступал его до конца своего существования.

Главный итог 1-й пятилетки — был заложен прочный фундамент промышленности. Введены в строй 1500 крупных предприятий, в том числе Магнитогорский и Новокузнецкий металлургический комбинаты, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автозаводы, Ростовский и Саратовский комбайновые заводы и десятки других гигантов промышленности, шахты в Кузбассе и Донбассе, построен Турксиб и т.д. Было также расширено и переоборудовано множество старых предприятий, а слово «безработица» вышло из обихода до конца существования СССР.

Принятию плана пятилетки предшествовали непростые события. В 1927 г. Англия разорвала с СССР дипломатические отношения из-за военной помощи, которую оказывала советская власть Китаю в его национально-освободительной войне и которая наносила ущерб английским колониальным интересам. Польша (всё мечтавшая о Речи Посполитой «от моря до моря») и Финляндия (мечтавшая о «Великой Финляндии» с границей до Белого моря) устраивали постоянные военные провокации на границах. Возникла угроза войны с Англией, Польшей, Финляндией и даже с целым блоком европейских стран.

Разведка РККА (Красной Армии) подсчитала, что пограничные Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния в случае войны могут выставить 2,5 млн. сухопутных войск, а СССР — не более 1,2 млн. при большом превосходстве вероятных противников в самолётах, танках и бронев автомобилях. И это — если в агрессии не будут участвовать Англия, Франция и Япония. Единственное, что мог срочно сделать (и сделал) СССР, — заминировать приграничные мосты, станции, водозаборные сооружения, заложить тайники с оружием и взрывчаткой для партизанской борьбы, подготовить опытных подрывников и руководителей подполья.

С конца 1928 г. не без влияния Запада начались и всё усиливались провокации вчерашнего союзника — Китая на КВЖД, находившейся под совместным советско-китайском управлением, с разгромом советского консульства в Харбине и арестом советских служащих. На мирные призывы советского правительства китайцы не реагировали. Пришлось в августе 1929 г. специально создавать Особую Дальневосточную армию под командованием В.К. Блюхера, которая разгромила численно превосходившие китайские войска и в конце того года принудила китайцев к миру.

Внутри страны возникли свои проблемы. НЭП, оказав благотворное влияние на восстановление экономики, уже не мог обеспечить насыщение внутреннего товарного рынка. В 1927 году государство установило твёрдые цены на хлеб при госзакупках, в то время как цены на промышленные товары, необходимые крестьянам, были рыночными. Крестьяне стали придерживать хлеб, надеясь, что закупочные цены вырастут, — началась «хлебная стачка». В результате, в городах с быстро растущим населением хлеба стало не хватать, а галопирующий рост цен (до трёхкратного) в кооперативах и частных лавках вызвал недовольство рабочих. Это сопровождалось инфляцией и ослаблением финансовой системы. Зимой 1928/1929 г., несмотря на рост урожая, страна оказалась в продовольственном кризисе. С осени 1928 г. в крупных городах, а с февраля 1929 г. во всех городах пришлось вводить карточки на хлеб.

Совокупность всех обстоятельств поставила на повестку дня два неотложных вопроса: обеспечить Красную Армию современным оружием и техникой, что без создания тяжёлой промышленности сделать было невозможно, и решить продовольственную проблему. По второму вопросу мнения разделились.

Одна часть Политбюро ЦК ВКП(б), во главе с Н.И. Бухариным, была за эволюционное решение — поэтапное развитие сельскохозяйственной кооперации: вначале в сфере сбыта своей продукции, потом в сфере её переработки, потом в сфере производства (благо, что кооперативное движение в стране приобрело большой размах). Другая часть, во главе с И.В. Сталиным, стояла за революционное решение — сплошную коллективизацию.

Аргументы бухаринцев состояли в том, что, во-первых, сплошная коллективизация при нехватке техники и при отсутствии личной заинтересованности крестьянина приведет не к росту, а к падению сельскохозяйственного производства. Здесь противники коллективизации, в конечном итоге,

оказались правы. В самом деле, если объединить все личные хозяйства, то ни тягла (лошадей и волов), ни имеющейся сельхозтехники, ни рабочих рук, ни пашни не прибавится, зато не станет и личной заинтересованности. Трактора ещё были редкостью (в 1927 году в стране их было всего около 30 тыс., и ими можно было обеспечить лишь ничтожный процент крупных хозяйств).

Исходя из этого тезиса, бухаринцы считали, что индустриализацию нужно начинать с лёгкой промышленности, которая не потребует «длинных» кредитов (т.е. даст быстрый оборот капиталов), насытит внутренний рынок потребительскими товарами, стимулирует крестьян к увеличению продажи своей продукции, а значит, и к росту сельскохозяйственного производства, и создаст накопления для развития тяжёлой промышленности.

Денег же для этого, по их мнению, в стране было достаточно. (Действительно, ещё до начала 1-й пятилетки был построен ДнепроГЭС и ещё несколько электростанций, развернулось строительство Сталинградского тракторного завода, «Ростсельмаша» и ряда других крупных заводов. Немало денег уходило также за рубеж по линии Коминтерна для поддержки революционных партий и движений.) А продовольственный кризис 1928/29 гг. Бухарин считал результатом ошибок партии в аграрной политике (непомерные налоги на «кулаков» и низкие закупочные цены), ибо в пересчёте на душу населения урожаи в 1927 и 1928 годах были практически такими же, как в период 1910—1914 гг.

При всех плюсах в позиции Бухарина было два изъяна. Предлагая первоочередное развитие лёгкой промышленности, он обошёл вниманием развитие промышленности, производящей удобрения, тракторы, комбайны и прочую сельхозтехнику, без чего, как бы ни развивалась кооперация, рост урожайности и производительности труда в деревне был бы невозможен. Но чтобы делать удобрения, тракторы и комбайны, нужны оборудование, станки, металл и т.д., которых в стране было явно недостаточно. Для преодоления же продовольственного кризиса он предлагал закупить зерно за границей за валюту, которой и так не хватало.

У сталинцев были свои аргументы. Во-первых, как обеспечить госзакупки хлеба и остановить инфляцию? — не завтра, а сегодня. Ведь количество товарного (т.е. выставленного на продажу) зерна в стране в 1927 г. при том же урожае оказалось вдвое меньше, чем в 1913-м.

Во-вторых, до революции крупные помещичьи и крепкие единоличные хозяйства (с наемными рабочими) давали 70%

товарного зерна, владея относительно небольшим процентом пашенных земель. Следовательно, вместо мелких крестьянских хозяйств нужно создавать крупные.

В-третьих, постоянная внешняя угроза и увеличивавшееся промышленное отставание от передовых стран Запада требуют первоочередного создания не лёгкой, а тяжёлой промышленности, а где взять на это деньги? Запад крупных займов не даст, а если даст, то на кабальных экономических и политических условиях. И приводили пример (не афишировавшийся): индустриализация в странах Европы происходила за счет ограбления колоний. У России внешних колоний нет, но есть внутренняя — крестьянство. Оно и должно обеспечить финансовую сторону индустриализации, а для этого необходимо создать колхозы и совхозы, взять производство и сдачу сельхозпродукции под контроль государства и за счет увеличения экспорта хлеба получить необходимую валюту.

У этой позиции был свой изъян. Крупные хозяйства давали до революции хорошие урожаи при низких трудозатратах не потому, что они крупные, а потому, что они были лучше оснащены техникой, и потому, что они использовали передовые агротехнические приёмы. Отсюда следовало, что коллективизацию нужно проводить постепенно, по мере насыщения сельского хозяйства техникой и развития сети машинно-тракторных станций (МТС), но это противоречило главной задаче — взять у крестьян столько хлеба, сколько нужно государству.

Победила позиция Сталина, хотя, объективности ради, надо сказать, что это была позиция Троцкого, а затем и Зиновьева, против которой Сталин выступал до конца 1927 года, т.е. до тех пор, пока троцкисты и прочие «левые» не были изгнаны из партии. До этого он поддерживал Бухарина и защищал его от нападок Троцкого и Зиновьева с Каменевым. Так что, по сути, Сталин оказался последователем Троцкого. И, как иронично заметил академик И.Р. Шафаревич, фактически борьба между Троцким, Зиновьевым и Сталиным шла за право проводить коллективизацию. Сегодня никто не может определённо сказать, действительно ли обстановка вынудила Сталина перейти на позицию Троцкого, или в этом вопросе он всегда был его сторонником и использовал «правого уклониста» Бухарина просто как временный таран против Троцкого?

2—19 декабря 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), названный впоследствии «Съездом коллективизации». На нём была окончательно разгромлена позиция Троцкого, Зиновьева,

Каменева и их сторонников и утверждено их исключение из партии, приняты Директивы по составлению первого пятилетнего плана, и резолюция «О работе в деревне». В этой резолюции о коллективизации говорится как о деле добровольном: *«Категорически указывая на то, что переход [к коллективным хозяйствам] может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признаёт неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству...»*

Уже в 1928 г. в колхозы и совхозы объединились 416,7 тыс. единоличников, а через год — более 1 млн., большинство которых составляли бедняки. Для их поддержки государство выделяло беспроцентные ссуды, снабжало сельхозмашинами и установило налоговые льготы. Коллективные хозяйства имели наивысший уровень товарности (процент продаваемой продукции от общего объема произведённой), что объяснялось, прежде всего, их мощной государственной поддержкой. Однако в валовом производстве зерна они составляли всего 1,7%, остальные — единоличники.

Столь низкий процент в совокупности с продовольственным кризисом дал повод резко повернуть политику ЦК. Не прошло и полутора лет после XV съезда, как на объединённом пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1929 г. разгрому подверглась уже позиция Бухарина. В ответ на резко критическое выступление секретаря ЦК В.М. Молотова Бухарин даже съязвил: «Или теперешний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда, или Молотов XV съезда должен исключить теперешнего Молотова». С этого пленума и начался отсчёт политики сплошной коллективизации.

27 декабря 1929 г. в своей речи на Конференции аграрников-марксистов Сталин провозгласил «политику ликвидации кулачества как класса», и так объяснил этот зигзаг: *«До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплуататорских тенденций кулачества... Правильна ли была эта политика? Да, она была тогда безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Нет, не могли... Потому что у нас не было ещё опорных пунктов в деревне в виде широкой сети колхозов и совхозов, на которых можно было базироваться в решительном наступлении против кулачества...»*

Надо признать, что объяснение это несколько лукавое. Число колхозов и совхозов действительно резко выросло, но большинство их в то время было создано насильственно, и вряд ли они могли служить надёжными «опорными пункта-

ми» в «решительном наступлении». Между партийными «князьями» и «князьками» даже пошли соревнования, у кого больше процент коллективизации. Эти «соревнования» сопровождалась тотальной конфискацией зерна и скота у крестьян, оставшихся единоличниками, и вылились в непрекращающиеся восстания, которые решительно и безжалостно подавлялись (в отличие от Тамбовского восстания 1920—1921 гг. крестьяне были не организованы и почти не имели оружия). При этом гибли не только крестьяне, но и партийно-советские работники, проводившие коллективизацию.

Через месяц политика раскулачивания приобрела конкретные формы. В постановлении Политбюро ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» «кулаки» были разделены на три категории: 1 — контрреволюционный актив, организаторы терактов и восстаний (их расстреливали, имущество конфисковывали, а семьи, без денег и без вещей, ссылали в отдалённые северные места, где многие гибли), 2 — остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков (заключение в концлагеря или ссылка в те же места вместе с семьей с конфискацией имущества), 3 — остальные кулаки (выселение на специально отведенные места за пределы колхозов).

4 февраля 1930 г. вышла секретная инструкция президиума ЦИК «О выселении и расселении кулацких хозяйства» с конфискацией «средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, продовольственных, кормовых и семенных запасов, излишков домашнего имущества, а также наличных денег». Приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. предусматривал немедленную ликвидацию кулацкого актива, в том числе «активных членов церковных советов, всякого рода религиозных общин», кулаков, «бегущих с постоянного места жительства», а также «белых офицеров».

То есть вместе с «ликвидацией кулачества как класса», ликвидировался и «класс» верующих (с репрессиями духовенства и массовым разрушением церквей), и «класс» старого офицерства (с арестами и расстрелами), а потом и «класс» русской интеллигенции (дело «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Славистов», «Академическое» дело и мн. др. «дела»). Начался Второй Русский Холокост (Первый был в 1918—1922 гг.).

Этим вся «продуманность» кампании и ограничилась. Ни в приказах плохо говорившего по-русски наркома земледелия Я.А. Яковлева (Эпштейна), ни в инструкциях не было даже чёткого указания о том, кого считать кулаками, кого

средняками, кого бедняками. В результате у «комиссаров в пыльных шлемах», соскучившихся за годы после Гражданской войны по беззаконию и произволу, были развязаны руки.

О том, как конкретно, с примерами на живых людях, проходило «раскулачивание», в каких нечеловеческих условиях жили ссыльные семьи «раскулаченных», написаны десятки книг и опубликованы сотни документов, от которых кровь стынет в жилах. Пересказывать их не будем. Скажем только, что во многих местах процент «раскулаченных» доходил до 15-ти от общего числа крестьян, хотя даже в самых богатых районах «кулаков» (крестьян, использовавших наёмный труд) было не более 5%. К «кулацкому» могли отнести хозяйство, где есть две коровы или где есть просто крепкий дом.

В статье, опубликованной в газете «Правда» 7 ноября 1929 г., Сталин назвал этот год «Годом великого перелома». Это был действительно перелом — перелом хребта русскому крестьянству. Однако массовые крестьянские выступления, в том числе в связи с закрытием церквей, угроза гражданской войны встревожили руководство страны, и 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована новая статья Сталина «Головокружение от успехов» (этот заголовок потом стал крылатой фразой). В ней были подвергнуты резкой критике «левацкие перегибы на местах»: насильственная коллективизация, насильственные создания коммун с обобществлением даже предметов домашнего быта, насильственное закрытие церквей, неучёт местных условий и т.д.

После этой статьи были приняты соответствующие меры: на время приостановлена коллективизация, отстранён ряд работников (впоследствии многие из них были осуждены как «троцкистские вредители»), прекращено закрытие сельских церквей (в городах закрытие продолжалось до конца 1930-х гг.), священники выведены из «класса кулаков» и т.д. Ответом на это стал массовый выход из колхозов (там остался 21% крестьян), но валовый сбор зерна при этом даже увеличился: если в 1929 г. он составил 71,7 млн. т, то в 1930-м — 83,5 млн. т.

Однако к сентябрю 1931 г. охват коллективизацией вновь вырос — до 61%. Достигнуто это было не с помощью «товарища Маузера», как раньше, а мирным способом — резким повышением налогов на единоличника. У крестьянина оставалось два выхода — идти в колхоз или уезжать в город и вливаться в рабочий класс, который остро нуждался в пополнении.

Старшее поколение преимущественно выбирало первый вариант, но с одной особенностью: оно забивало свой скот,

чтобы не отдавать его в колхозное стадо. Результатом стало сокращение в 1932 г. по сравнению с 1928 г. поголовья коров в 1,36, свиней — в 2,38, овец и коз — в 2,11 раза. Молодёжь предпочитала второй вариант, но власть, обеспокоенная чрезмерно быстрым оттоком сельского населения, приняла меры: в декабре 1932 г. были введены паспорта и система прописки. Колхозникам паспортов не выдавали, и уехать в город они могли только с разрешения председателя колхоза, а для работы в городе трудовые кадры из села стали брать по организованному набору.

Такой способ «добровольной» коллективизации привёл к неизбежным последствиям: в 1931 г. валовый сбор зерна упал до 69,5 млн. т. В 1932 г. обстановку усугубила сильно засуха в Нижнем Поволжье, Северном Казахстане, на Северном Кавказе и в Новороссии (УССР), и урожай составил всего 60,1 млн. т. При этом зерно оставалось главной статьёй экспорта, а мировые цены на него во время «Великой депрессии» упали почти вдвое. В 1932 году правительство было вынуждено сократить экспорт хлеба почти в три раза, но от массового голода это уже не спасло. В 1932—1933 гг. голодной смертью погибло, по разным оценкам, от 2 до 7 млн. человек, большинство исследователей сходится на цифре 5 млн. Так завершился Второй Русский Холокост.

Сегодня есть разные мнения и оценки. Одни считают, что всё было сделано правильно. Да, имели место ошибки и упущения, как это бывает в любом большом деле («лес рубят, щепки летят»), но жертвы были не напрасными, без них страна не совершила бы могучий промышленный рывок, а без него мы бы не выиграли страшную войну. Возможно, они и правы, хотя следует оговориться, что почти четверть средств была затрачена на южную промышленность, захваченную врагом через 3—4 месяца после начала войны. Но неужели у них не содрогается сердце от числа 5 миллионов? Даже от 2 миллионов?

Другие считают причиной голода жестокость Сталина. Вот если бы он принял предложения Бухарина, то и индустриализация бы состоялась, и миллионы бы не пострадали.

Вначале о жестокости. Это качество, по определению, свойственно всем революционерам — от Марата и Робеспьера, Маркса и Бакунина, Нечаева и Халтурина до Ленина и Троцкого. Иначе они не революционеры. А Сталин был революционером (Бухарин, кстати, тоже). Поскольку в октябре 17-го произошёл именно революционный переворот, то всякие рассуждения о жестокости бессмысленны.

Теперь о программе Бухарина. Никто из нынешних его сторонников, которые вооружены множеством статистических данных, архивных документов и знанием о последующих исторических событиях, не может сказать, в каком году страна, если бы она следовала этой программе, накопила бы достаточно средств для развития тяжёлой индустрии и когда бы она ее создала — в 1937-м, 1941-м или, может быть, в 1945-м? Они только могут высказывать туманные предположения.

Вероятно, был какой-то третий путь, который привёл бы страну к экономическому могуществу без страшных жертв и потрясений и который не сумели найти ни Сталин, ни Бухарин. Бог им теперь судья! А нам... Нам надо хотя бы поставить памятник Русскому Крестьянину, на плечи которого легла вся тяжесть индустриализации, а затем и Великой Отечественной войны.

О ПРАВОСЛАВНОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Многие критики православного социализма убеждены, что его никогда ещё не существовало в природе. Но так ли это? Совершенно не так. Сначала появился православный социализм, причём не в качестве утопии, а реальный, а уже потом — советский социализм, создатели которого заимствовали некоторые «параметры» его устройства. Дабы скрыть факт заимствования, из истории вырвали всё, что касается реального православного социализма: имя его основателя, историю этого общества, реакцию на него дореволюционной России. Это кажется невероятным, но давайте попробуем разобраться в существе вопроса.

Человеку, основавшему православный социализм, была посвящена статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Но в Большой советской энциклопедии для него места уже не нашлось. Что, несомненно, является удивительным и непонятным, поскольку его имя гремело на всю Европу. Представим его: Николай Николаевич Неплюев, родившийся 24 сентября (11 сентября по старому стилю) 1851 года. Это была не просто незаурядная лич-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ность, но человек, чьи дела стали «малой закваской», оказавшей колоссальное влияние не только на судьбу России, но и всего мира. Дело всё в том, что созданное им Крестовоздвиженское Трудовое Братство было первой утопией с «общественной формой собственности на средства производства», добровольно и успешно осуществлённой на земле православными христианами Российской Православной Церкви. Не «опасностью близкой» убегающих от царской власти старообрядцев, но доброй волей православных «никониан».

Разрешение на учреждение Трудового Братства было получено от Императора Александра III и Святейшего Правительствующего Синода: в 1893 году высочайшим повелением утвержден Устав Трудового Братства. Благословение на свою деятельность Николай Николаевич Неплюев получил от тогда ещё старцев Иоанна Кронштадтского и Варнавы Гефсиманского. Последним священником Трудового Братства был участник Поместного Собора 1917—1918 гг. протоиерей Александр Секундов, расстрелянный в 1938 году. Он на протяжении многих лет (с 1903-го до ареста в 1925 году после начавшихся гонений на Братство) оставался его верным и истинным служителем. Братство просуществовало до 1929 года, когда властями была насильственно прекращена его деятельность, а братчики разогнаны.

До протоиерея Александра Секундова непродолжительное время священником Братства был Роман Медведь, будущий исповедник. У него возник конфликт с Николаем Неплюевым и с Трудовым Братством, о котором он послал обстоятельный доклад епархиальному архиерею. Недостатки и, скажем так, нестандартные порядки, о которых докладывал священник Роман Медведь, действительно имели место. И, судя по ряду признаков, этой критике Неплюев внял. Во всяком случае, новый священник — протоиерей Александр Секундов — значительно продвинулся в том направлении (на взгляд некоторых современных критиков даже чересчур), которому призывал дать простор Роман Медведь. Но и всё же создавалось впечатление, что дело здесь совершенно в другом: в позиции самого священника. Во время заключения священника Романа Медведя всё прояснилось. Вот как это произошло.

Священник во многих письмах к дочери жаловался на то, что заключённые крадут его личные вещи, которыми он очень дорожил. Это его держало в постоянном напряжении, потому

что он не хотел окончательно переходить на казенное обеспечение. Однажды священник Роман отлучился всего лишь на минут десять и, вернувшись, вновь обнаружил пропажу: правда, по горячим следам часть похищенного удалось вернуть...

Но в один прекрасный момент всё изменилось. Вот как он пишет об этом в письме от 1 сентября 1933 года: «Здесь условия наталкивают на мысль о том благе, которое достигается при общности имущества, когда личное имущество сводится к минимуму. Припоминаю подобное в организациях IV века у Пахомия Великого. Да! Хорошо там было, очень хорошо потому, конечно, что все собравшиеся были единомысленны и единодушны, одного настроения; и, кроме того, свои физические потребности они научались сводить к минимуму, а посему для своего экономического обеспечения они тратили очень мало времени — имели много досуга и пользовались им так, как находили это нужным в соответствии со своими убеждениями. Физически они были нищие, но духовно очень богатые. Я ощутил великую правду в том, что по существу дела праведная собственность может быть только там, где она не личная, а общая», — подытоживает свою мысль священноисповедник Роман Медведь. Это было, по существу, примирение с Николаем Неплюевым и его Трудовым Братством в вечности: стало понятно, что было скрытой причиной конфликта...

Николай Неплюев нисколько не уступал в известности, например, Льву Толстому: тысячи людей желали встретиться с ним, побывать в его Братстве, для чего была построена специальная гостиница. Он был желанным гостем на международных встречах и собраниях. Представитель одного из древнейших русских родов, родственного царскому роду Романовых по мужской линии, Николай Неплюев не был чужим по линии матери и западной аристократии.

Получив наследство после смерти отца, он стал очень богатым человеком, и почти всё своё богатство вложил в фундамент созданного им Крестовоздвиженского Трудового Братства, в чём нашёл понимание и помощь со стороны своей матери, урождённой баронессы Шлиппенбах, и родных сестёр.

Его Трудовое Братство, продемонстрировавшее на практике, что утопия вполне осуществима, если опирается на любовь к ближнему и к Богу, и по сию пору остаётся, как представляется, непревзойденным образцом социального строительства. Совершенно очевидно, что подавляющая

часть видных большевиков, несмотря на то, что Николай Неплюев умер сравнительно рано (в 1908 году), была знакома с его творчеством, с достижениями его Трудового Братства. По-другому просто быть не могло, потому что о Братстве вышло множество статей, его деятельность активно обсуждалась в российском обществе. И, судя по всему, большевики были не просто знакомы с жизнью Крестовоздвиженского Трудового Братства, а заимствовали его драгоценный опыт, в том числе и педагогический: например, учреждение в советской школе октябрят и пионеров было прямо скопировано из неплюевского опыта «младших» и «старших» школьных кружков. По большому счёту, своим в советском социализме было лишь то, что имело негативный или явно ошибочный характер. И здесь нет ничего удивительного: «... Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15: 5), — предупреждает Христос.

Православный социализм, втихаря «востребованный», и позволил осуществиться всему добру, что было в советском социализме. То, что в советской историографии именовалось «творчеством масс», было в значительной степени социальными технологиями, основанными на православной вере и проверенными несколькими десятилетиями жизни и практической деятельности Трудового Братства Николая Неплюева. Но человек, которому Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона посвятил статью, был проигнорирован не только Большой советской энциклопедией, но и советской исторической наукой: как будто бы такого имени и вовсе не было в истории России! Думается, можно сказать, что это — исключительное явление в мировой истории.

Причина, как видится, лежит на поверхности: ни в коем случае не допустить того, чтобы представление о социализме было связано хотя бы в малейшей степени с христианством, с Христом. Здесь был просчёт, который стоил жизни советскому обществу: дело в том, что в Трудовом Братстве тоже возникло «движение» за «перестройку», которое Николаю Неплюеву удалось с Божьей помощью остановить. Вот как говорил один из «архитекторов перестройки» Трудового Братства: «Труд не для стяжания мне представляется слишком большим подвигом». То есть речь идёт о «критике» так называемой «уравниловки». Но «уравниловка», по убеждению Неплюева, — это единственный способ выявить «разочаровавшихся» в Братстве, что и было подтверждено практикой братской жизни. Помимо этого «разочаровавшиеся» жаловались на «отсутствие свободы» и строгость религиозного

воспитания, установленного Николаем Неплюевым: «В нравственный рост человека небо не вмешивается», — вызывающе заявил один из лидеров «перестройки» Братства.

Единственный выход из такого рода кризиса — отделение «разочаровавшихся»: «Пусть уйдут от нас и дела нашего все те, которые и после скорбного опыта нами пережитого, не будут иметь достаточно веры, любви и смирения для добровольной дисциплины любви и радостного созидания под руководством Думы (руководящего органа. — В.М.) святыни братства в жизни», — говорил, обращаясь к «несогласным» Николай Неплюев.

Советский социализм был жив до той поры, пока опирался на человека, воспитанного православным христианством. Первый его масштабный кризис случился тогда, когда в трудовую и общественную жизнь вступило поколение, родившееся в тридцатые годы — в разгар воинствующего безбожия: это так называемые «шестидесятники». Кризис назван «Хрущевской оттепелью». Его усугубил уход из активной социальной жизни последнего поколения, воспитанного до совершеннолетия в православной вере. Поколение, родившееся в сороковых, когда политика в отношении Церкви существенно смягчилась, несколько выправило положение, и кризис завершился процессом, названным «застоем». Когда же во взрослую жизнь вошли поколения, родившиеся в безбожные пятидесятые и шестидесятые годы, то дни советского социализма были сочтены: в конце восьмидесятых в начале девяностых годов на высшие посты в партии и обществе заступили «шестидесятники», приступившие к его демонтажу...

Западная элита, по существу, поддержала вычеркивание из истории имени Николая Неплюева. Утверждение, что возникновение советского государства и советский опыт социалистического строительства оказали влияние на западную элиту в плане смягчения «ужасов капитализма», содержит лишь часть правды: у неё под рукой всегда было достаточно сил и средств, чтобы покончить с любой революцией. Здесь присутствует в значительной мере другое: Николай Николаевич Неплюев для этой элиты был «своим человеком», да к тому же очень богатым, к голосу которого она прислушивалась. Однако и у западной элиты не было желания увязывать «очеловечивание» капитализма с социализмом, пусть и христианским. В таких условиях вычёркивание имени Николая Неплюева из учебников по истории стало неизбежным.

Но допускал ли Николай Неплюев, чтобы его дело могли называть православным социализмом? Да, допускал.

Вот что он сам говорит по этому поводу в работе «Путь к лучшему будущему»: «Это движение не преминут назвать христианским социализмом. Если назвать социализмом улучшение социальных отношений и согласование их с правдой веры, христианское государство не может не сочувствовать ему и не покровительствовать ему, не отказавшись предварительно от всякой солидарности с самим христианством. Только люди, — продолжает Николай Неплюев, — ослепленные внешним блеском современной культуры, могут не сознавать громадной социальной опасности современного капиталистического строя. Экономическая распыленность общества и неизбежность грубой, ожесточающей и развращающей экономической борьбы с ее неизбежными последствиями: гнетущей нуждой побежденных в борьбе, отчаянным положением многосемейных и вдов, преступной заброшенностью детей, голодом и холодом для больных и сирот — вот худший, наиболее преступный социализм. Если принять в соображение, что православное трудовое братство, осуществляемое частными людьми доброй воли, есть дело свободного изволения веры и любви, будет вполне ясно, насколько эта форма христианского социализма безвредна для общества и вожделена для государства, желающего самобытного мирного прогресса для Православной России. Не только нет надобности ограждать общество от социального движения в направлении трудовых братств, но необходимо оказать этому делу мира и любви защиту от представителей злобы и неверия, для того, чтобы оно могло мирно развиваться и стать спасительным примером и проповедью делом среди окружающего хаоса грубой экономической борьбы», — убеждает Николай Неплюев.

Однако надо честно признать, что значительная часть христиан очень резко реагируют на слово «социализм», пусть и с прилагательным «христианский». Один православный публицист когда-то верно подметил, что это очень похоже на поведение купчихи Настасьи Панкратьевны Брусковой из пьесы Александра Островского «Тяжелые дни»: «Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся»...

Но сложнее всего, думается, здесь (в осознании значения христианского социализма Николая Неплюева) профессиональным гуманитариям, особенно историкам. Просто «втиснуть» это имя в университетские схемы они не могут, потому что исторической наукой «места расписаны» и «пропорции» определены. Другое дело, скажем, технари, у которых нет «раз и навсегда заданной» книжной версии истории.

Включение еще одного «фундаментального имени» в «гуманитарное здание» не вызывает, чаще всего, в их мировоззрении «катастрофических последствий»...

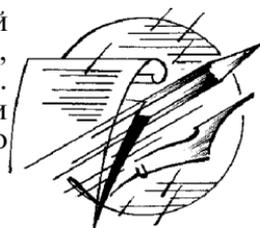
Как мы видим, православный социализм — это не только не утопия, но и тот росток, что дал начало всему здоровому, что было в советском социализме. Больше того, православный социализм был одобрен Российским Императором и Святейшим Правительствующим Синодом, а подвижник, оный продвигавший, благословлён на это дело святыми старцами. Несомненно, что они, будучи современниками, были прекрасно осведомлены о практической деятельности Братства и о той разногласии мнений, что звучали по поводу православного социализма. В любом случае то, что православный социализм возник за несколько десятилетий до построения советского социализма — исторический факт, который невозможно опровергнуть.

ДОНБАСС — НЕ ПРАЧЕЧНАЯ

13 февраля Донбасс посетил народный артист РФ и Молдавии Филипп Киркоров, многократный обладатель премии «Золотой граммофон» и многократный лауреат фестиваля «Песня года», лауреат госпремий «За вклад в развитие и пропаганду болгарской культуры за рубежом» и «За вклад в развитие русско-турецких культурных связей», кавалер ордена Почёта, «герой» большого количества скандалов, включая кощунственный танец на кресте во время юбилейного шоу в Кремлёвском дворце, дела о плагиате, нападения, оскорбления и пресловутую «голую» вечеринку.

Самопровозглашённый поп-король затейливого происхождения (родившийся в Варне «болгарин» без единой капли болгарской крови, отпрыск чистокровного армянина Бедроса Киркорова/Петроса Крикоряна и еврейки с наличием цыганской примеси Виктории Лихачёвой-Манион) появился в Горловке. Перья и стразы отсутствовали. Весь в чёрном.

Г-н Киркоров выступил в городской больнице №2 перед военными и врачами, спел песни «Снег» и «Жестокая любовь». Филипп привёз гумпомощь — подарки раненым бойцам в пакетах с надписью

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

King, компьютеры, принтеры, кондиционеры, мягкие игрушки и конфеты для местного детского центра. Также он пообещал оплатить протезы трём военным. «У меня есть моя страна, моя родина. Уезжать никуда не собираюсь, я живу здесь. Жил и буду жить. У меня здесь дом, у меня здесь дети, у меня Бедрос — папа мой. Поэтому для меня очень важно ощущение этого тыла, которое даёте вы нам, возможность в том, что у нас всё будет хорошо. <...> Сегодня моя миссия состоит в том, чтобы просто сказать вам спасибо и пожелать вам здоровья. В определённый период времени и жизни нужно посмотреть на жизнь тех, и те места, которые сейчас в опасности, для того чтобы создалась какая-то, может быть, переоценка ценностей. Мы взлетаем высоко в облака и теряем ощущение реальности. Очень важно периодически опускаться с небес на землю. Это мой долг», — рассказал певец в ходе выступления.

Как известно, после смрадной декабрьской вечеринки с дресс-кодом «almost naked» тусовщицы-нетвойнистки Анастасии Ивлеевой в московском клубе «Мутабор» Филиппа тщательно вырезали из всех новогодних телепрограмм. Медным тазом накрылись корпоративы, начались налоговые проверки. Российское авторское общество подало на певца в суд, требуя взыскать с него 2 млн. рублей «за использование принадлежащих организации художественных произведений». Роскомнадзор усмотрел в снимках и роликах с вечеринки признаки ЛГБТ-пропаганды. (ЛГБТ как организация запрещена российским законодательством. — Ред.) Десятки тысяч подписей набрала петиция с требованием лишить Киркорова звания народного артиста России. В своё оправдание он сперва заявил, что «заглянул на пять минут на мероприятие», что «не знал о характере событий» и что «в жизни каждого человека бывают моменты, когда зашёл не в ту дверь» (эта фраза мгновенно стала интернет-мемом), а затем в собственном Telegram-канале «Примадонн» заверил, что передаст гонорар за участие в шоу «Маска» жителям Белгорода, пострадавшим в результате ударов киевских террористов; о какой сумме идёт речь, певец не уточнил. Пресс-секретарю президента РФ Дмитрию Пескову «поп-король» сообщил: «Я просто обещал ей (Ивлеевой. — Ред.), она у меня в клипе снималась. Вот знаешь, никогда ни о чём никого не проси. Она меня пригласила, сказала, что будет новогодний бал, дресс-код naked. Я заморочился на «Дольче Габбана», «Баленсиага». А потом, когда я вошёл и увидел это — говорю: Катя (это моя помощница), только бэкстейдж и цветочки и на выход». Однако, несмотря на обнимашки с явно симпатизирующим ему Песковым, которого Филипп на опубликованном видео дружески теребил за лацкан пиджака, тучи сгустились всё сильнее.

Ещё в январе Филя Нетудверов улетел в Соединенные Штаты, отдыхал в Майами, побывал на концерте Мадонны в Нью-Йорке. Основной целью поездки было пополнение бюджета после «отмены» Киркорова на телевизионных эфирах и концертных площадках в РФ. Блогер-гомосексуалист Антон Суворкин утверждал, что Филипп имеет разрешение на работу в Штатах и «рассчитывал на быструю организацию гастролей по США, но не сумел договориться ни с кем»: «Просил он всего 100 тыс. долларов за выступление — он действительно сильно снизил запросы. И райдер примитивный — какая-то хлебно-рыбная нарезка и зеркало в полный рост. Информация прямо оттуда, из Штатов. Киркоров обзванивал абсолютно всех устроителей концертов в Америке и просил организовать его выступление. Но не взяли его! Всюду отказ! Не нужен он тут никому». Филя вернулся в Россию. И, по совету кое-кого из администрации президента (угадайте, кого именно), совершил краткосрочный визит в Донецкую Народную Республику.

Первый заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по культуре, заслуженная артистка РСФСР Елена Драпеко в беседе с Лентой.ру сказала, что не знает, как визит 56-летнего Киркорова скажется на его дальнейшей карьере: «Но что приехал — хорошо». Музыкальный продюсер Яна Рудковская: «Вот — настоящий поступок мужчины с большим и добрым сердцем». Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова: «Мало кто знает, сколько он всегда помогал. Дети, раненые, социальные учреждения — он жертвовал и поддерживал всю свою жизнь».

1-й заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Александр Шолохов в беседе с NEWS.ru предположил, что граждане России не станут относиться лучше к Филиппу Бедровичу после его визита в Горловку: «Пытается вернуться в зону комфорта, где ему хорошо, к которой он привык. Было бы странно говорить, что это отрицательный поступок. Просто один этот поступок после десятков и сотен совершенно противоположных поступков вряд ли может переломить отношение общества к нему, а это самое главное, а не то, что где-то скажут, что он прощён. Он потерял огромное количество людей, переставших ходить на его концерты. Вот тут надо было думать». Член Комитета Совета Федерации по международным делам Сергей Цеков: «Как-то не верится в его искренность. Возникает вопрос: а почему он раньше не ездил, а только после переделки? Тем не менее это показывает, что СВО лечит представителей нашей творческой верхушки. Не хочу её называть элитой, интеллигенцией».

«Киркоров приехал в ДНР. Спасать свои концерты в России, которые сами собой отменились после его участия в голой вечеринке. Значит, правильные были меры. Но что будет, если все участники голой вечеринки теперь поедут в ДНР и ЛНР? Ужас!» — написал политолог Сергей Марков. «Филипп Киркоров приехал в Горловку. Выступил в госпитале в формате «уличного артиста» и привёз какую-то скромную помощь. Таким образом Филипп, вероятно, хочет выправить своё реноме, сильно пострадавшее после «голой вечеринки». Тут два момента. 1. Хорошо, что не уехал в Дубай, как некоторые. 2. Плохо, что не поехал туда, где его помощь нужнее всего — в войска. Разового музыкального стендапа в Горловке явно недостаточно, чтобы зайти «в нужную дверь». Разовыми акциями «рядом с фронтом» реноме не выправить», — считает военный волонтер Алексей Живов.

«Певец всё пытается отмыться от позора после «голой» вечеринки и поездок в США. Он приехал в Донбасс с концертом для военных. Но мало того, что зашедший «не в ту дверь» артист перепутал слова собственной песни, так ещё и показал, что это сам «король» снизошёл до плебса — обратите внимание на надпись на пакетах с гуманитарной помощью», — заметил телеведущий Руслан Осташко. Писатель Платон Беседин: «Филипп Киркоров выступил в Горловке? Ну и? Донбасс — это не то место, где получают индульгенцию после омерзительных шабашей. Донбасс — это место для лучших, это место для своих! Особенно забавно читать: дайте Киркорову второй шанс. Человек столько лет на сцене, в самом центре, что тут не второй шанс — тут танцы на граблях». «Голос Мордора»: «Кстати, без фанеры-то поёт очень криво».

Архиепископ Зеленоградский Савва (Тутунов), заместитель управляющего делами Московской Патриархии: «Читаю восторженно-облегчённые отзывы по поводу поездки поп-певца на Донбасс («ах, он всё-таки наш, просто вошёл не в ту дверь»). Что помог («помогал и будет помогать») людям в беде — хорошо. Что не побоялся побывать в зоне обстрела — тоже хорошо. Но нельзя сравнивать тёплое с мягким. Творение добрых дел — лишь одна из сторон покаяния, а именно: привнесение доброго в мир и в самого себя. Базовая же сторона покаяния всё-таки в том, чтобы из себя и из мира устранить то злое, что было привнесено. И не повторять. Такое покаяние возможно любому. Вор, вызвавшийся идти на фронт и освобождённый благодаря этому от тюремного заключения, если, вернувшись с войны, вернётся к воровству (а то и ещё больше), никак не сможет в своё оправдание ссылаться на пролитую кровь. Марина Ахме-

дова пишет (справедливо): «в Горловке спасает себя, спасает свой образ жизни. А ведь именно образ жизни вызывает отторжение, равно как и проистекающий из него сценический и публичный образ (вплоть до попорания Креста Господня, что бы там светский суд ни говорил). Отторжение вызывает та звенящая пошлость, то скоморошье лицедейство, что должны перестать быть допустимым образцом в жизни нашего общества. Когда многие здравые люди облегчённо выдохнули после исчезновения разных поющих голов, например с новогодних экранов, — это было не от чувства удовлетворения таким ответом на известный неолетый фарс, но от того, что окружающее пространство стало чуть менее пошлым. И тревогу вызывает возможность, вопреки ратному и духовному подвигу нашего народа, возвращения царствования пошлости и её королей».

Певица, заслуженная артистка РФ Ольга Кормухина: «Донбасс — это не прачечная, куда нужно отвозить на отмывку подмоченной репутации разных персонажей, которым вообще давно пора бы закончить свою деятельность. Потому что в исправление я не верю. Их не исправит ничто. Тем более, что едут они туда только с одной целью — получить возможность и дальше рубить бабло. Донбасс не заслужил такого отношения. Туда нужно отправлять только лучшее и лучших».

«Царьград»: «Что и говорить, попытки Киркорова, который все свои годы популярности запомнили зрителям лишь странными и эпатажными выходками и костюмами, вызывают лишь желание закрыть лицо ладошками. <...> Помощь тем, кто сегодня в этом остро нуждается — однозначно положительное событие, однако насколько же оно печальное, когда поездка продиктована не зовом сердца и человеческим сопереживанием, а желанием поскорее отмыться от голой вечеринки и полноценно вернуться к любимой «кормушке». <...> Очевидно, что в поездке Киркорова в ДНР мнение военных не учитывалось, а Донбасс, как опасалась ранее певица Ольга Кормухина, превращают в «прачечную». <...> Сами бойцы СВО тоже не горят желанием видеть Киркорова и ему подобных. «Первый русский» ранее спросил бойцов из Союза добровольцев Донбасса, как бы они отнеслись к такому визиту. Парни сначала не поверили и сказали, что сочли бы это «выступление» оскорблением для себя и погибших товарищей. Напомним, в годы Великой Отечественной лучшие артисты ездили на передовую: Утёсов, Шульженко, Орлова считали честью приехать и поднять боевой дух солдатам. Сейчас самые достойные артисты делают то же самое, за что им низкий поклон. А тут что? Подобная поездка с выступлением на фронт — честь для артиста. Её ещё стоит заслужить».

Актриса, театральный педагог Яна Поплавская: «Донбасс — это не прачечная, где отмывают обгаженные штаны. Кулёк с конфетами и две песни дрожащим голосом — не искупление за всё, что вытворил «голый король». Вынужденная поездка, совершённая под давлением — не повод вернуться на телевидение, давать концерты и разгуливать по светским вечеринкам. Но, судя по тому, как преподносят поездку Киркорова и хвалят его ряд Z-каналов, понятно, что организовал это всё «Тотктонадо», и сверху дана разрядка разрядить обстановку. Стыдно и мерзко, если честно, коллеги. А у меня лишь одно желание — плюнуть в рожу тому, кто всё это провернул, лишь бы отбелить «голубой бриллиант». Лучше бы вы за народ и за настоящих патриотов так старались, как рвёте задницу за павлина в перьях. <...> Сколько энергии и сил приложено, чтобы обелить, отмыть Киркорова. Целую поездку со съёмкой организовали, срочно подыскали больницу. Сигнали раненых бойцов. Всё, чтобы замылить историю с «голой вечеринкой» и втюхать народу, что Киркоров этого народа «достоин». «Достойный артист» от страха забыл слова своей песни и затравленно думал — как бы скорее вернуться в Москву. Два года ему было плевать. Потому что задница всё это время была в тепле. Но только когда прижало, он рванул туда. И кто нам объяснит — за одну эту поездку ему теперь обязаны дать эфиры, концерты и индულгенцию во всё? Почему-то никто из известных мне артистов не рассчитывал ни на какие блага, помогая бойцам и едзя на фронт! У них только одна цель и задача — поддержать наших ребят. Никто из них не думает о себе. Поэтому поездка Киркорова — это ложь, очковтирательство! Хватит нам врать! Хватит врать народу! Это НЕ культура! Это НЕ наши ценности! России это НЕ нужно!»

Руководитель общественной организации «Армия Защитников Отечества» Иван Отраковский: «Вы думаете, ему есть какое-то дело до бойцов, Армии, Донбасса и России в целом? Плевать он хотел на всё это. Его дом там, где деньги и задница в тепле. Потому он так и забегал — предложения по выступлениям резко сократились, а соответственно и финансовые поступления, известность, возможность ручкаться с чинушами высоких властных кресел».

Публицист Роман Антоновский: «Полип Фарфоров снова вошёл не в ту дверь. Скакавший в Кремлевском дворце на кресте и извивавшийся на «голой вечеринке» Ивлеевой болгарский певец по протекции неких местных бизнесменов заехал на Донбасс. Видимо, очень хочет вернуться в обойму «Голубых огоньков» и федеральных концертов. Но Биланам

и Киркоровым стоит осознать: Донбасс не смывает грехи тех, кто раскаивается неискренне. Нашей эстраде нужны те, кто по-настоящему любит Россию, а не ради денег. Те, кто ездил в Новороссию до СВО, пока это не стало мейнстримом. Или те, кто тоннами возит гуманитарку с начала спецоперации, как Маваша. А тем, кто привёз Киркорова в воюющий край, стоит задуматься: кого песни Киркорова могут поднять в бой и вдохновить на подвиги? Творчество пугачёвской тусовки — худшее, что было в нашей культуре. И России, и Новороссии нужны другие герои, другие лица на сцене, другие властители дум. Те, что реально любят нашу страну, а не едут в Донбасс, не успев снять носок с причинного места. Этот визит — явно не в ту дверь».

Обозреватель издания «Абзац» Игорь Караулов: «Ну вот оно наконец-то и свершилось. Филипп Киркоров, который лёг на дно после декабрьской «голой вечеринки» в московском клубе «Мутабор», шумно всплыл на поверхность. И не где-нибудь в Дубае, а в городе Горловке (ДНР), во второй городской больнице, где лечатся наши раненые бойцы. Отдадим должное продюсерам этой стремительной гастрولي: они показали свой профессиональный уровень. Образ Филиппа Бедросовича был подобран удачно. Никаких перьев в заднице. Блестящий чёрный кожаный плащ, трикотажная шапочка. Слава Богу, не в камуфляже — с камуфляжем был бы перебор, безвкусица. И репертуар удачный: тихая, спокойная лирика. Казалось бы, надо порадоваться. Артист всё-таки вошёл в правильную дверь, развлёк русских героев, показал, что он со страной и народом, и даже пообещал не уезжать за границу. И всё же что-то тут не так. Что-то смущает. Слишком понятно, почему именно сейчас, после «голой вечеринки», а не до. И слишком понятно зачем. Я не знаю, может быть, бойцам этот визит был в радость. Всё же Киркоров — не чистый продукт пиара, талант у него есть, значит, должно же его творчество кому-то нравиться. А даже если не нравится, приятно же, когда звезда из телевизора навещает тебя в больнице, подарочки какие-то передаёт. Но беда в том, что всё это гораздо нужнее самому Киркорову, а радость солдат для него — не цель, а средство. По сути, состоялась сделка купли-продажи индulgенции. Заключена она была немного раньше нынешней поездки, поскольку уже прошла информация о возвращении Киркорова в телевизор. Очевидно, несколько недель после «голой вечеринки» ушло на согласование параметров пакета сделки. Можно себе представить, в какие «те двери» стучался Филипп Бедросович, хотя, возможно, в некоторые двери его самого настойчиво приглашали

войти. Думаю, у этой сделки, помимо публично-презентационной, есть и финансовая часть, где оговорено, какую сумму певец должен пожертвовать родной стране и куда эти деньги могут пойти — только на гуманитарные цели или, скажем, на закупку столь необходимых нашей армии дронов. Для Киркорова профит предельно ясен: отныне «голая вечеринка» забыта, репутация отмыта — иди и дальше греши. И в большой чёс по стране можно отправиться, и на следующем «Голубом огоньке» место забронировано. Всё оказалось просто и совсем не больно: чик — и готово. А заодно была обкатана и типовая модель отмывки репутации, «отмены отмены», которой теперь могут воспользоваться и другие согрешившие артисты. Да хоть те же ребята из «Би-2». Мол, посмотрите на Киркорова: в Донбасс съездил, и всё у него хорошо. И у вас так же будет. В окопы и даже в пункт временной дислокации не потащим — тыловой больницы достаточно. Сумму утрясём, сильно не ограбим.

Обидно, что истекающий кровью Донбасс в этой схеме выступает в качестве банального отмывочного инструмента. А ему нужна искренность. Лицемерие Киркорова и организаторов его донбасской гастрولي особенно заметно, когда перед глазами есть образцы такой искренности. Есть, например, такая группа «Искусство в строю». Люди за свой счёт ездят на фронт, часами поют солдатам песни в блиндажах, едят с ними борщ из одного котелка. Вместе с ними, например, ездят Юрий и Владимир Торсуевы, которые играли Электроника и Сыроежкина в знаменитом фильме. Тоже звёзды, но они попали в Донбасс не через промежуточную станцию «Голая вечеринка», а более простым и честным путём. А у Киркорова всё по преискуранту: приехал, отработал оговоренное время, уехал, галочку поставил и забыл. Мне кажется, наши парни в Донбассе воюют в том числе и за то, чтобы у нас была другая культура. Не та, которую символизируют Киркоров, Пугачёва и т.п. А какие-то люди в кабинетах в это время пытаются сохранить прежнюю культуру, уламывая ярких представителей этой шатии-братии зажмуриться, подавить презрение к народу и «причаститься Донбассом», чтобы и дальше зарабатывать здесь деньги. Чтобы «голая вечеринка» не прекращалась в головах. Нет уж, умерла — так умерла. Вот всё, что хочется сказать, глядя на обновлённую, приедетую киркоровщину».

В соцсетях быстро распространилась видеозапись с «передка»; на ней русские бойцы говорят: «Хотелось бы обратиться к так называемым звёздам в лице Киркорова и прочей компании, которые последними событиями просто подорвали свой авторитет и за счёт нас пытаются замолить свои грехи. Будем

кратки: нам ваши петушинные концерты здесь не нужны. Если вы хотите закрыть свой позор, то снимайте свои костюмы с перьями, наденьте маскхалат, средства бронезащиты, которые для вас уже готовы, и получите оружие. Прибудете в зону СВО и покажете на что вы способны. У нас всё».

15 января другой участник «голой» вечеринки — заслуженный артист РФ Дима Билан (Виктор Белан) — тоже отметился на территории ДНР. Встретился с военными, вручил подарки детям в донецком травматологическом центре, привёз кондиционеры детскому центру в Горловке, пожертвовал 3 млн. рублей приюту для бездомных животных, передал детскому приюту три стиральные машины, холодильник, морозильную камеру и скалер для чистки зубов.

Приведём выдержку из недавнего интервью ТАСС кинорежиссёра Никиты Михалкова: «В русском характере сострадание и справедливость — это очень важные вещи. С другой стороны, это фарисейство — съездить, выступить в госпитале по чьей-то просьбе. Кто-то это делает, потому что не может этого не делать, он так думает и говорит так же, и в нём есть это изначально, его не заставили, ему не сказали «или-или», как многим другим. А кто-то едет туда, потому что ему поставили условие. И тогда такие поездки, я считаю, вредны. Так как это несправедливо по отношению к нашим воинам.

«Завтра»

Борис АЛОВ

ХАКАМАДА И ВЛАСТЬ

Еще не забыли «великую либералку» середины девяностых Ирину Хакамаду? Я вот прекрасно помню многие фотографии в глянцевах журналах, где она с удовольствием фотографировалась с Немцовым и Чубайсом. А подпись была под этим жизнерадостным фото примерно такой: «Вот оно, новое поколение правителей России!»

Время всё расставило по своим местам. Один из нового поколения ушёл в мир иной, второй покинул пределы Родины, где ему светило несколько уголовных дел с пожизненным сроком заключения... Осталась одна она из той либеральной тусовки.

Ирина Муцуовна, как говорится, времени не тратила даром, четыре раза побывала в замужестве и теперь решила накопленный опыт передать россиянам. Ну, конечно же, не бесплатно!

Количество браков нисколько не смущает Ирину. На своих политических лекциях это, по её утверждениям, далеко не предел. «Я бы каждый год выходила замуж, чтобы познать истинную сущность мужчины»...

Никто не комментирует то, что вытворяет Хакамада. Она открыла курсы, просвещает население, как в нынешних условиях зарабатывать деньги. Афиша с громким некогда именем Хакамада делает своё дело: Ирина ездит по городам России и предлагает свои курсы. Хакамада советует «обязательно ловить свой поток и не отпускать его». Звучит всё это не только сомнительно, а как обыкновенный бред... Кстати, на такие посещения находятся доверчивые, выкладывают за билет 45 тысяч рублей!

Главный лозунг у неё такой: «Если у вас нет секса — то не будет и бабла!». Хакамада категорически настаивает, что залог гармонических отношений — это сексуальная свобода, которой супруги должны поделиться друг с другом. Не слабо! И это утверждает выпускник института международных отношений имени Патриса Лумумбы!

А может, всё гораздо проще? Ну присмотрелась либералка к жизни, прикинула всё и решила: этот народец, как и прежде, несмотря на абсурдные высказывания, можно дурачить сколько угодно, и он должен платить бабки!

В интервью телеканалу RTV на вопрос, что выбрать в сложившейся после начала СВО ситуации — отдать долг Родине или спасти своего ребёнка, Хакамада ответила: «Смотря какой долг. Мы здесь родине ничего не должны. Родина на месте, с родиной всё о,кей. Её никто не забирает, не хватает, ничего. Есть ли среди моих знакомых те, кто пошёл на фронт? Нет, моих нет, они не идиоты, ха-ха. А один знакомый, у него знакомого забрали с работы, его уже убили».

Почему такое высказывание на центральном канале не послужило поводом для принятия решения? После этого стоит задуматься: а в какой стране мы живем? Какие у нас нравственные ориентиры? Почему подобные высказывания остаются без должной реакции власти?

Несмотря на такие и подобные слова, билеты на Хакамаду успешно продаются в Москве, Санкт-Петербурге, Ульяновске, Иркутске, Владивостоке?.. Короче, колесит либералка по многострадальной необъятной России и сеет яд. Именно этот яд прожигает наши души, увлекает недалёких, доверчивых людей...

Пока реагирует только патриотическая общественность. Национально-освободительное движение с начала марта провело сбор подписей граждан с требованием не допустить её выступлений в Иркутске и наказать за дискредитацию и оскорбление мобилизованных и армии в целом. Несколько коллективных обращений было отправлено мэру Иркутска, в Следственный комитет, МВД, прокуратуру.

Как выходить из этого замкнутого круга? Могут ли петиции возмущенных граждан остановить это безобразие? Мне кажется, что многие силовые структуры по этому поводу просто ничего не замечают! Сидят, сердешные, и снимают розовые очки, когда получают очередную петицию. Печально, но в том же Иркутске были проданы все билеты на выступление Хакамады! И цены были не слабые: от 15 до 45 тысяч рублей. Власть Иркутска об этом, конечно же, ничего не знала!..

ИНСТРУМЕНТ МЕНТАЛЬНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ

Профинансированный российским государством почти на миллиард новый кинофильм «Мастер и Маргарита» американского режиссера В. Локшина, вышел русофобским. Либералы отчаянно защищают это «кинопроизведение», пишут о гениальности режиссера. Не будем вдаваться в художественные достоинства и недостатки фильма. Покажем его место в системе формирования либеральной идеологии в России. Либеральные ценности надо постоянно вырабатывать и внедрять в сознание масс. Делать это англосаксы поручили российским социальным институтам, во главе которых поставили руководителей — демократов.

Ядром институтов либеральной веры являются Президентская библиотека имени Б.Ельцина (2007 г), открытая в Санкт-Петербурге, Ельцин-центр (2015), открытый в Екатеринбурге, и Горбачев-Фонд, базирующийся в Москве. Библиотека имени Б.Ельцина имеет статус национальной и располагает более чем миллионом единиц хранения электронных копий исторических документов, книг, документальных хроник. Сотрудники библиотеки копируют оригинальные документы и заполняют ими

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

интернет. Манера подачи материалов позволяет придать героический ореол деятельности первого российского президента.

В состав Ельцин-центра входят музеи, посвященный политической истории современной России. На площадках Центра проводятся лекции, концерты, выставки, фестивали, другие общественные мероприятия, в кинозале ведёт работу Центр документального кино. Деятельность Центра подробно освещается в СМИ либеральной направленности. Создание и деятельность обоих центров генерации либеральной веры финансируются из государственного бюджета. В конце 1991 г. был учрежден фонд им. М. Горбачева (Горбачев-Фонд). Фонд занимается фиксацией и оправданием проводимой первым президентом СССР политики перестройки, а также пропагандистской деятельностью по оправданию либерального миропорядка. Он оказывает серьезное идеологическое влияние на российскую политическую жизнь. Фонд финансируется во многом за счет пожертвований западных политиков и бизнесменов.

Незадолго до создания Фонда, в декабре 1990 г., М. Горбачев был награжден англосаксонской элитой Нобелевской премией в благодарность за выдающуюся роль в развале СССР. Денежная составляющая премии пошла на учреждение «Новой газеты», которая распространяла заказанные англосаксами идеи и оценки.

В 2015 г. государственниками была предпринята попытка включить Горбачев-Фонд в список организаций-иноагентов, поскольку он владел недвижимостью за рубежом и получал от нее доходы. Однако демократам эту атаку удалось успешно отбить в Государственной думе.

В октябре 2021 г. главному редактору «Новой газеты» Дмитрию Муратову Нобелевский комитет вручил премию за «выдающиеся успехи» в правозащитной деятельности. Это был оберег англосаксов для всех либералов от давления, которое на них стали оказывать государственники. В торжественной речи на вручении премии номинант с присущей ему эмоциональностью озвучил все основные либеральные установки.

Англосаксы управляют российскими либеральными социальными институтами из-за границы, расставляя в них ключевые руководящие кадры и распределяя финансирование. Крупнейшим центром такого рода управления стал открытый в 1995 г. филиал Института «Открытое общество» Джорджа Сороса. Его возглавила Екатерина Гениева. Институт открыл три десятка бесплатных университетских интернет-центра, раздавал микрогранты на обучение и поддержку ученых, на проведение исследований. Гранты получали также российские учителя. На средства фонда закупалась

англосаксонская обществоведческая литература для библиотек, издавались соответствующие учебники для средних школ. Деньги шли на поддержку ряда СМИ и НГО. Часть денег перепала российским музеям и галереям. Естественно, руководство «Открытого общества» действовало в соответствии с принципами, сформулированными спонсорами.

Фонд Сороса действовал на фоне резкого сокращения финансирования социальной сферы жадной и антирусской либеральной властью. Поэтому либералам удавалось получить исключительные результаты в навязывании своих «ценностей» всем, казалось бы, независимым российским социальным институтам. В 2015 г. деятельность Института «Открытое общество» была признана в России нежелательной. Однако за четверть века он помог обратить в либеральную веру значительную часть российских социальных элит, и дальше они уже действовали во многом по инерции.

Формированием англосаксонских ценностей у студентов активно занимаются частная Московская высшая школа социальных и экономических наук и государственная Высшая школа экономики. Они направляют лучших своих выпускников в вузы США и Великобритании для дальнейшей «обработки» в либеральном духе. Эти два вуза также ведут экспертизу соответствующей направленности для российского правительства. Своеобразными «храмами» отправления обрядов либеральной веры являются неправительственные организации (НПО). Они устраивают выставки, пикеты, шествия, семинары, презентации книг, публикуют сообщения в СМИ и ведут другую символическую деятельность, связанную с распространением либеральных идей. Чаще всего эти НПО прикрываются правозащитной тематикой, но работают также по повестке ЛГБТ сообщества (организация запрещена в России), экологии, пацифизма. Всех их объединяет получение грантов на ведение деятельности от англосаксонских благотворительных фондов, равно как и от российских фондов, управляемых политиками «демократами».

В рамках этой либеральной идеологической системы следует рассматривать и случай с финансированием российским «Фондом кино» в размере 900 млн. рублей создания фильма «Мастер и Маргарита» американским гражданином — режиссером Михаилом Локшиным. Режиссер потратил деньги на гонорары иностранным звездам и снял фильм, который не имеет никакого отношения к Михаилу Булгакову, якобы по роману которого был написан сценарий. Вышла либеральная трактовка советской истории в черных тонах с сильным русофобским акцентом. Об этом киноcritики писали еще задол-

го до выхода кинокартины на экраны. М.Локшин перевел часть полученных за работу денег на поддержку создания документального фильма на Украине, который реализовывал антироссийскую идеологическую установку. При этом он публично хаял Россию за ведение СВО. Либеральные же критики хором пели и поют осанну Локшину и его «гениальному» творению. «Фонд кино», между тем, наполняется из государственного бюджета, находится под контролем непосредственно у министра культуры. Да еще и курируется одним из самых высокопоставленных чиновников Администрации президента.

Ювелирной работе англосаксов по разрушению русской ментальности за русские деньги на русской территории можно только поаплодировать. Правда, часть денег на создание фильма англосаксы заставили дать своих бизнесменов, но меньшую часть.

Составной частью системы обращения россиян в либеральную веру являются многочисленные награды и премии, раздаваемые демократами своим сторонникам. Тот же Д.Муратов был награжден российским Орденом почета и Орденом Дружбы, французским орденом Почетного легиона, эстонским Орденом Креста земли Марии, американской Международной премией за свободу прессы от Комитета защиты журналистов и Золотым пером свободы российской общественной организацией «Мемориал».

Несомненно, что и В.Локшина наградят престижной международной кинопремией, скажем, Пальмовой ветвью. Таковы правила работы хорошо отлаженной системы идеологического управления колониальными народами.

Ростислав ИЩЕНКО

ПИКИРУЮЩАЯ НАЦИЯ

Все мы гордимся предками и их подвигами. Эта гордость заставляет нас стремиться быть достойными великих деяний, великих предков, то есть, в первую очередь, улучшать себя, работать над собой, постоянно учиться, постигать нечто новое и никогда не удовлетворяться достигнутым. На-

ционалист же считает, что участие его личного предка в победоносной войне делает лично его лучше любого немца, француза, японца (каждого представителя всех воевавших с нами народов). Именно поэтому националисты не любят признавать поражения, коих в жизни любого народа всегда достаточно.

С их точки зрения не было ни монголо-татарского погрома русских княжеств, ни польско-литовской аннексии всех русских территорий по Козельск и Ржев включительно, ни поражения в Крымской войне. Это отрицание естественно проистекает из особенностей националистической национальной гордости. Ведь если признать, что поражения были, то получится, что монголы, поляки, литовцы, французы, англичане, турки, итальянцы (савойцы участвовали в Крымской войне), японцы (и все, от кого наши предки хоть раз потерпели поражение) тоже имеют право возвыситься над нами. В националистической логике, победы их предков тоже должны делегировать им право на национальное чванство.

Предметом националистической гордости становится всё, включая выдуманные биографии создателей национальных династий. Снисходя к этой милой особенности многие монархи разных народов возводили свой род к римским императорам или к соседним великим государям более позднего времени (например к Карлу Великому).

Гербы находятся в этом же ряду. Повезло тем у кого в гербе лев, орёл, единорог, короны, скипетры и прочая престижная атрибутика. А если ваш герб тризуб. И над вами смеются, называя его кто вилкой (намекая на прожорливость), кто вилами (подчёркивая провинциальный, трайбалистский, характер вашей нации). Самые же злые насмешники и вовсе утверждают, что это хазарская тамга, означающая, что ваши предки были рабами кочевников.

Плох тот националист, который не сделает из поражения победу, хотя бы в своём воображении. Поэтому с первых дней украинской независимости как-то сама собой возникла версия описания тризубого герба как «стилизованного пикирующего сокола».

И всё было бы хорошо — нежные чувства укронационалистов удовлетворены, герб вполне приличный — с хищной птицей, а не какой-то «вилкой» или «вилами», тем более не с тавром кочевников на толоконном рабском лбу. Но любая медаль имеет две стороны. Герб — национальный символ, квинтэссенция национального характера, истории, традиций, передаваемая следующим поколениям при помощи изобразительного искусства. Не случайно все обладатели гербов уделяли их созданию и обновлению особое внимание, а ге-

ральдика до сих пор является одной из наиболее востребованных политических наук.

Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. В пике легко войти, но не каждый профессиональный пилот из него сможет выйти. Сколько раз ни провозглашали Украину под тризубым «пикирующим соколом», столько раз она и исчезала в крови и грязи, не задерживаясь на политической карте мира надолго. И исчезновения всегда происходили одинаково: заявление о европейской сущности «цивилизованного украинства», противопоставляемого «лапотной России» — попытка дружить с европейскими врагами России; война с Россией в интересах своих западных союзников — разгром и исчезновение украинского государства с возвращением большей части несостоявшейся нации в русскость.

Эпоху Богдана и последовавшей Руины мы из нашего рассмотрения исключим. Тогда ещё не было украинства — были русские, долгое время жившие вне России, вошедшие в её состав на основании феодального принципа вассалитета и пытавшиеся отстоять свои привилегии в момент превращения феодальной сословной монархии в абсолютную монархию, переходного к буржуазному государству периода.

В 1917—1920 годы украинская государственность существовала очень недолго, в 1941—1945 годы немцы украинских националистов использовали как коллаборационистов, но никакую государственность создавать им в принципе не позволяли. Поэтому данные два приступа украинства прошли хоть и не без последствий для ментального здоровья населявшего Юг России народа, но не смогли разрушить его архетипическую память о русском единстве, частью которого он является.

С 1991-го прошло 33 года. Уже те, кому сейчас 40, практически не помнят другого государства, кроме украинского. Это большая часть населения современной Украины. «Пикирующий сокол» — их эмблема, иной у них нет и не было.

Но они говорят по-русски, их родители читали им в детстве русские сказки и русскую классику, они ещё смотрели российские фильмы и читали новую российскую литературу до 2014 года включительно. Не обсуждая качества новой российской литературы и нового кинематографа, подчеркнут, что по своим культурным общественным и семейным традициям, по воспитанию и образованию (опять-таки не обсуждая качества последнего) они практически не отличаются от своих сверстников из России.

Но они уверены, что представляют другую нацию. Сталкиваясь с реальностью, они начинают испытывать потребность в доказательствах своей инаковости. Понятно, чем

отличаются от русских грузины или армяне, таджики или киргизы. Это не только разные народы, но совершенно разные (некоторые очень древние) цивилизации. А чем отличаются украинцы?

Убогих маргиналов можно удовлетворить рассказами о трёхсоттысячелетней цивилизации, выкопанном море, насыпанных горах, «трипольских городах», «древних украх», построивших пирамиды Египта, и Христе-галичанине. Но хоть средний интеллектуальный уровень любого народа достаточно низок (потому и средний), он всё же значительно выше полной остановки развития на стадии умной обезьяны. Поэтому у большинства всё же возникает сакраментальный вопрос — чем они отличаются от русских? Что «лучше и цивилизованнее» — понятно, но в чём именно «лучше и цивилизованнее»?

В предлагаемой «украинскими учёными» и официальной украинской публицистикой версии украинства они не находят ответа на свой вопрос. Но они точно «знают», что они не русские. Ведь они же родились и выросли в независимом украинском государстве, а наличие государства, с их точки зрения, доказывает наличие нации.

Не получая убедительных доказательств своей национальной исключительности от своих вождей и властителей дум, они пытаются найти эти доказательства сами, превращаясь в объект сочувствия, а иногда и насмешек своих родственников, живущих в России и не имеющих проблем с самоидентификацией в качестве русских. Неспособность победить в споре озлобляет, а потребность в доказательстве увеличивается. В конце концов остаётся один выход — жёсткая конфронтация.

Именно вражда лучше всего отделяет «мы» от «они». Отсюда и абсолютно гротескные случаи, когда пуштун, грузин, прибалт или поляк определяли, что есть украинство на Украине, и упрекали людей, которые в десятках поколений проживают на этой территории, в «оккупации», отправляя их в Россию в эмиграцию («чемодан—вокзал—Россия»), а впоследствии и убивая. Сохранивший свои корни, а значит русскость, человек становился для них чужим — врагом.

Поэтому и пошли с лёгкостью русские Юго-Востока убивать русских Юго-Востока. Шедшие убивать представляли себя украинцами, очищающими свою землю от «оккупантов». Поэтому и не состоялся в феврале 2022 года Освободительный поход — на русских территориях ВС РФ столкнулись с саботажем и враждебностью людей, говорящих по-русски, выросших и воспитанных в русской культуре, но считающих себя нерусскими и истово доказывающих это всем вокруг.

Поэтому до сих пор воюют насильственно отловленные «украинцы». Кланут ограбившую и унизившую их власть,

проклинают некомпетентное и беспомощное ближнее и дальнее военное начальство, ненавидят плохо помогающих западных союзников, но сотнями тысяч ложатся в землю, хоть уже тысячу раз могли удостовериться (а многие и удостоверились), что никто не собирается воровать их микроволновки, насиловать их попугаев и глумиться над ними лично.

Наоборот, большинство уже знает, что там, куда пришла Россия стало лучше. Даже некоторые, живущие на освобождённых территориях и получившие российское гражданство, пишут жалобные сообщения в социальных сетях, признавая, что при России настолько лучше, чем было при Украине, что народ не сможет долго хранить верность украинским идеалам и перейдёт в русскость. Какой же они из этого делают вывод? «Украине надо поторопиться с возвращением» на освобождённые от её присутствия земли, иначе там украинского духа скоро не останется».

Все они стремятся доказать нам и, прежде всего, себе, что «они» не «мы». Чем хуже у них получается с доказательствами, тем сильнее они озлобляются, а чем дольше они воюют и чем больше «побратимов» уложили в землю или искалечили собственной глупостью, тем труднее им эту глупость признать.

Сказать себе, что они — русские, которые по собственному идиотизму воевали против русских, пришедших освободить их от угнетения прозападного компрадорского маррионеточного правительства, значит признать свою жизнь прожитой зря, идеалы, которым служили, ложными, богов, которым поклонялись, истуканами. Средняя человеческая психика не выдерживает такого напряжения, и они начинают ненавидеть освободителей тем сильнее, чем отчётливее пробивается из подсознания осознание собственной ущербности.

И они возвращаются на войну, как возвращается проигравшийся в пух игрок в казино, чтобы вновь повесить ставки и попытаться отыграть проигранное с лихвой.

Несостоявшаяся нация повторила легенду своего мифического герба — вошла в пике и не может из него выйти. А земля всё ближе и шансов всё меньше. Скорее всего их уже нет вообще.

Но они мчатся к земле и в приступе суицидального восторга кричат окружающим: «Смотрите, какую мы скорость набрали!» И плохо уже не то, что разобьются вдребезги — свою судьбу они выбрали сами и ею довольны — плохо, что многих окружающих дурно пахнувшей субстанцией забрызгают, навеки оставив в народной памяти миф об «украинско-российской войне».

РЕЗУЛЬТАТ ОТСУТСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ

Глава Чечни Рамзан Кадыров в своём телеграм-канале сообщил о формировании двух новых чеченских подразделений: батальонов оперативного назначения имени Байсангура Беноевского и шейха Мансура.

Эти инициативы одного из самых ярких региональных лидеров современной России являются самым наглядным свидетельством пагубности отсутствия государственной идеологии в стране.

Называть воинские части, которые будут сражаться за Россию, именами чеченских лидеров, воевавших против России, — это тот абсурд, который и является результатом отсутствия государственной идеологии, из-за чего нет чётких ориентиров для работы в регионах.

Россия является многонациональным государством имперского типа. В такого рода государствах, которыми были Римская и Ромейская империи, а затем Российская Империя и СССР, очень важное значение уделялось и должно уделяться межнациональному и межконфессиональному согласию. Это очень тонкая работа, требующая не только такта и чутья, но и серьёзной идеологической подготовки.

В нашей стране есть самый большой по численности народ — русские, государствообразующий народ, создавший государство. Но есть и множество других народов — больших и малых, которые исторически имели какие-то претензии друг к другу, а порой и к русским. В нашей истории было много разных событий, в том числе были и столкновения на национальной почве, и даже вооружённые конфликты.

Но в нашей истории много примеров совместной борьбы представителей разных национальностей против внешних врагов, против оккупантов. Такие события происходят сейчас во время боевых столкновений на Украине против объединённого Запада. Такие события происходили в годы Великой Отечественной войны, Первой мировой войны и в других войнах, которые вела Россия.

В ходе этих войн, бывало, представители разных национальностей могли сражаться по разные стороны баррикад. Так во время Великой Отечественной войны были те, кто сражался в составе Красной армии, и те, кто воевал на стороне Гитлеровских оккупантов. Происходит это и сегодня на Украине, с теми же чеченцами.

Поэтому очень важно в качестве исторических примеров для молодёжи, образцов для подражания, для символов выбирать имена тех людей, которые сражались бок о бок с русскими и другими национальностями России против внешнего врага. И ни в коем случае нельзя допускать, чтобы героями представлялись люди, воевавшие против России. Это, можно сказать, азы идеологической работы.

Вот это-то правило идеологии игнорируется в решении главы Чечни Рамзана Кадырова присвоить новым батальонам имена чеченцев, которые как раз воевали против России и русских. Ведь шейх Мансур и Байсангур Беноевский известны как яркие лидеры антироссийского вооружённого сопротивления, они сражались против России во время Кавказских войн.

Конечно, над нами довлеют советские стереотипы восприятия истории, когда Кавказская война России XIX века расценивалась как война колонизаторская и захватническая, вооружённое сопротивление чеченцев русской армии считалось освободительным движением. Но ведь, благодаря Кавказской войне, сложной и противоречивой, чеченцы оказались в составе России и сейчас защищают ее как своё Отечество. Эти идейные послылы невозможно соединить непротиворечиво.

А сейчас получается, что чеченцы будут воевать бок о бок с русскими против общего врага в батальонах, которые будут носить имена врагов России и русских. Как это уложить в головы?! Это — идеологический абсурд! Такого быть не может и такого быть не должно! Но к сожалению, с этим мы сталкиваемся в условиях идеологического безвременья!

Кстати, не только на примере решения главы Чеченской республики о присвоении имён двум новым батальонам. Это

решение ещё можно пересмотреть. Но вот в прошлом году такого рода идеологический абсурд был реализован в Рязанской области. Там, в городе Касимове был установлен памятник ханше Казанского ханства Сююмбике, которая являлась символом борьбы против России. И это преподносилось некоторыми татарскими религиозными и общественными деятелями как «акт национального единства», признание многонациональности нашей страны.

Как может единство символизировать враг России?! Идеологический абсурд! Это при том, что в нашей истории есть много татар, которые верно служили Московскому государству и даже участвовали вместе с Иваном Грозным во взятии Казани. Но власти Рязанской области из-за отсутствия идеологии в стране пошли по пути абсурда в символическом пространстве России. Как теперь будут объяснять молодым гражданам Касимова и приедем смысл установки памятника врагу России?!

Этим абсурдом грозит обернуться и решение Рамзана Кадырова. Как в головах чеченских воинов будут укладывать необходимость борьбы за Россию с именами шейха Мансура и Байсангура Беноевского?

Конечно, можно понять сиюминутные интересы главы Чечни. Известно, что на стороне Украины воюет чеченское вооруженное формирование сторонников так называемой Ичкерии, которое как раз и носит имя шейха Мансура. И руководство Чечни, видимо, решило бороться с попытками приватизации популярных чеченских деятелей XIX века. Но эта выгода только кажущаяся, потому что в долгосрочной перспективе это принесёт только вред, внесёт идеологический раздрай в общероссийское идеологическое пространство.

В истории чеченского народа, наверняка, есть немало примеров тех воинов, которые сражались в прежние времена вместе с русскими за интересы России. Их имена должны были носить воинские подразделения, которые формируются в Чечне для борьбы против врагов России, наших общих врагов. К примеру, легендарный русский генерал Александр Чеченский.

Надо объединять наш многонациональный русский народ на уровне символов. Подлинное единство страны начинается именно с идеологии.

Русская народная линия

ДЛЯ ПОБЕДЫ НУЖНА НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ!

У меня остались двойственные впечатления от Всемирного русского народного собора. С одной стороны, меня весьма порадовало выступление Святейшего Патриарха Кирилла — прорывная и достаточно смелая речь, касающаяся абортов и миграции. Действительно, без решения этих стратегических проблем мы не сможем развиваться.

С другой стороны, несколько разочаровало выступление президента России Владимира Путина. В речи президента, в отличие от выступления патриарха, мы не услышали ничего нового. Конечно, прежние слова относительно отстаивания традиционных ценностей. Конечно, огромное уважение к ныне сражающимся и павшим — это вызывает уважение. Но только возникает вопрос: что сделано для того, чтобы претворить в жизнь высокие духовно-нравственные ценности?

Дело в том, что сам по себе президентский указ от 9 ноября 2022 года является не законом, а лишь подзаконным актом, как мы услышали на том же самом Всемирном русском народном соборе. И без изменения ныне существующей законодательной системы, а самое главное, без изменения Конституции, без отмены 13-й статьи Конституции о запрете идеологии — этот закон не работает. По крайней мере, что касается строго законодательной базы.

Напомню, что нынешняя Конституция писалась на колёнке под диктовку западных кураторов после расстрела законно избранного Верховного Совета РФ. Говорят, что, де, всё это хлопотно и необходимо собирать законодательное собрание, но когда что-то надо — всё делается молниеносно. Например, принятие той же самой Конституции в 1993 году или принятие пенсионной реформы «стахановскими» темпами. Когда было надо, всех граждан высадили на карантин

со страшной скоростью. Спрашивается: почему мы не имеем права менять Конституцию, если она перестала отвечать действительности? Россия в течение XX века поменяла пять Конституций. Почему бы XXI век не отметить новой Конституцией? Тем паче, что расстояние между Конституциями 1936 и 1977 года примерно такое же, как между 1993 и 2022 гг.

На все эти вопросы — нет ответа. Почему этот нерусский бездарный текст стал «священной коровой»? Нам нужна новая Конституция, исходя из новых реалий! Где было бы внятно прописано право российского государства и общества на идеологию, право народа на пользование теми богатствами, которые нам даровал Бог. Право на подлинное, а не мнимое социальное равенство. И право государствообразующего русского народа на сохранение своей идентичности, своей культуры, самого себя. И, наконец, требуется законодательно провозгласить право человека на жизнь с момента зачатия, с момента начала жизни в утробе матери.

Все нравственные ценности, прописанные в указе президента, должны также органично войти в новую Конституцию. Без этого мы никому не докажем, что сражаемся за новый лучший нравственный и чистый мир! Для победы нам нужна новая Конституция!

Филипп ЛЕБЕДЬ

ПОСЛЕ СДАЧИ КАРАБАХА

8 ноября прошлого года Азербайджан отметил недавно введенный знаковый праздник, имиджевый для вставшего на рельсы милитаризации государства, «День Победы в 44-дневной Отечественной войне», которая, согласно версии азербайджанских властей, «положила конец почти 30-летнему армяно-азербайджанскому конфликту и оккупации азербайджанских территорий». После масштабных торжеств, вклю-

чающих парады, шествия, концерты, салюты и другие мероприятия, на празднование выделено еще пять нерабочих дней. Апогеем утверждения своего превосходства стало решение Ильхама Алиева провести военный парад в недавно завоеванном Степанакерте, вернув ему дореволюционное название, отсылающее к периоду Карабахского ханства, — Ханкенди. Так физический захват Арцаха завершился моральным подавлением противника.

Президент вместе с первой леди Мехрибан Алиевой, облаченные в военную форму, лично приняли парад в бывшей столице Нагорно-Карабахской Республики. В то же время по центральным улицам и проспектам Баку маршировали азербайджанские военнослужащие в сопровождении военных оркестров, за ними прошествовали празднующие горожане с флагами в руках и рисунками национальных цветов на лицах. Люди несли цветы ко 2-й аллее шахидов, поминая погибших три года назад. Армейские колонны с музыкой прошли не только по столице, но и в других городах, среди которых Гянджа (Елизаветполь до 1918 года), Физули (Карягино до 1959 года), Барда, Зангелан (Пирчеван до 1957 года) и Лачин (ранее — Бердзор, Абдаляр).

В официальном заявлении Министерства иностранных дел республики сказано, что к 8 ноября 2020 года «было освобождено более 300 населенных пунктов», включая Шушу, объявленную Жемчужиной азербайджанской истории и культуры, а 19—20 сентября 2023 года, в ходе «антитеррористических мероприятий» в Карабахском регионе, были ликвидированы «незаконные армянские вооруженные формирования», в результате чего Азербайджан «восстановил полный суверенитет на всей своей территории».

В азербайджанской прессе текущее празднование победы, с учетом последних событий, называют абсолютным торжеством справедливости и азербайджанской национальной гордости. Первыми поздравившими Азербайджан с новым знаковым праздником стали дипломатические миссии Турции и Израиля, что символично с учетом вклада этих государств в модернизацию и техническое переоснащение вооруженных сил республики. Также торжественные мероприятия в честь победы Азербайджана во Второй карабахской войне состоялись в Узбекистане; организаторами стали посольство Азербайджанской Республики и Культурный центр имени Гейдара Алиева. Принимающая сторона отметила, что эта победа важна для всего тюркского мира.

За месяц до этого, в середине октября, в упомянутой Шуше новая власть провела Культурный форум тюркского мира,

посвященный 100-летию Гейдара Алиева. Организаторами выступили: Министерство культуры Азербайджанской Республики, Международная организация тюркской культуры ТЮРКСОЙ (основана 30 лет назад в Алма-Ате, штаб-квартира расположена в Анкаре, возглавляет экс-министр культуры Киргизии Султан Раев) и Международная тюркская академия (учреждена Казахстаном, Турцией, Киргизией и Азербайджаном в 2010 году; президент — азербайджанец Шахин Мустафаев). На витрине культурного форума — азербайджанская музыка мугам, практики дервишей и портрет бывшего президента Азербайджана, который, по утверждению участников, внес весомый вклад в консолидацию тюркских народов по принципу: «Одна нация — шесть государств».

Обсуждение перспектив расширения тюркского мира не прекращается. В Астане 3 ноября прошел X саммит Организации тюркских государств (ОТГ). Девиз юбилейного саммита под председательством Казахстана озвучил Касым-Жомарт Токаев: «Тюркская эпоха!», или «TURKTIME!». Эта аббревиатура — формула сотрудничества: традиции (Traditions), унификация (Unification), реформы (Reforms), знания (Knowledge), доверие (Trust), инвестиции (Investments), медиация (Mediation) и энергия (Energy). По каждому пункту — конкретные предложения по укреплению тюркского мира. Кроме казахского лидера на саммите выступали: председатель ОТГ, президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, президент Киргизской Республики Садыр Жапаров, президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган, глава Туркмении Сердар Бердымухамедов, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, генеральный секретарь ОТГ Кубанычбек Омуралиев и, собственно, президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. Президенты Казахстана и Узбекистана выразили поддержку Азербайджану и поздравили с победой над Арменией, с которой все страны объединяет членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Этот эпизод можно интерпретировать как свидетельство большей реальной значимости для ряда стран тюркского объединения, чем ОДКБ. Примечательно, что узбекский лидер прибыл в столицу Казахстана позже коллег, поскольку принимал в Самарканде президента Франции Эмманюэля Макрона в связи с расширением урановой сделки. Пока Токаев говорит о необходимости выводить тюркское сотрудничество на новый уровень, а эксперты из Узбекистана проводят параллели с процессами интеграции раннего Евросоюза, Эрдоган не скрывает, что

стремится перевести Туркмению из статуса наблюдателей в ранг полноправного члена ОТГ.

На фоне участвовавших реляций о подвигах азербайджанских войск и текущих успехах внешней политики Азербайджана следует признать продуманность позиции республики и умение балансировать, которое даже внушает некоторым аналитикам ложную мысль о том, что нынешний Азербайджан является для России более надежным партнером, чем Армения, чье руководство планомерно следует по пути отдаления от России, несмотря на формальное сохранение договоренности в оборонной сфере.

После подписания Алма-Атинской декларации 1991 года в Праге в октябре 2022 года, в присутствии И. Алиева, главы Европейского совета Ш. Мишеля и президента Франции Э. Макрона, Никол Пашинян, по сути, признал Арцах территорией Азербайджана, коей он был в советское время. Этот шаг предопределил начатое Баку военное вторжение в регион 19 сентября 2023 года, в результате которого непризнанная Нагорно-Карабахская Республика перестала существовать. Тогда всего за сутки боевых действий армянские силы Арцаха потеряли около 200 человек убитыми и более 400 ранеными, около сотни тысяч армян были вынуждены бросить свои дома, несколько тысяч мирных жителей эвакуировались под прикрытием российских миротворцев, из которых также погибли шестеро. Потери азербайджанских военных примерно сопоставимы: 204 убитых, более 500 раненых, но значение победы было огромно. При этом официальный Ереван обвинил Москву в неисполнении своих обязательств как союзника и защитника, а Баку извинился за убитых российских миротворцев, которых якобы перепутали с армянскими военными.

После крушения Арцаха Н. Пашинян заявил о готовности к подписанию мирного соглашения и нормализации отношений между республиками, для чего 5 октября прибыл в испанскую Гренаду. Историческая встреча, при участии Э. Макрона, канцлера Германии О. Шольца и председателя Евросовета Ш. Мишеля, прошла бесплодно, поскольку Ильхам Алиев отказался ехать в Испанию без Реджепа Эрдогана. Запланированная на конец октября встреча в Брюсселе также не состоялась в связи с нехваткой времени у азербайджанского лидера, как объясняли европейские наблюдатели позже. После этого, выступая 26 октября на международной конференции «Шелковый путь» в Тбилиси, Пашинян в очередной раз призвал к миру, открытию границ и дорог. Этот посыл в первую очередь был направлен на Азербайджан и

Турцию, а остальному миру указывалось, что после окончательного отказа от Арцаха Ереван, более не нуждающийся в покровительстве Москвы и заново выстраивает внешнеполитические связи.

Основные посредники в лице Франции, Германии, секретариата ЕС уже обозначены. В этой ситуации Ильхам Алиев — хозяин положения, способный говорить с позиции силы, что он и делает, не забывая регулярно подтверждать готовность его страны к установлению мира. Ранее он посетовал, что армянский премьер пытался решить все дела в Испании, но воздержался от участия в саммите глав стран СНГ в Бишкеке, и предложил Грузию в качестве переговорной площадки, но на форум в Тбилиси прибыл не сам азербайджанский лидер, а премьер-министр, и никаких переговоров снова не состоялось. В действительности для азербайджанской стороны, уже отвоевавшей основные территории, заключение мирного договора с Арменией не является первостепенной задачей. Напротив, зависимое и шаткое в политическом смысле положение нынешней Армении делает страну удобным объектом для манипуляций и торга, чем и пользуется Баку, наращивая силу и дивиденды от уже достигнутых успехов.

Что касается реальных союзнических отношений, то, помимо Турции, наиболее близким партнером для Баку остается Израиль, в техническом плане ставший одним из творцов карабахской победы. По различным оценкам, за 2016—2020 годы около 70% военного импорта в Азербайджанскую Республику составила продукция из Израиля, и этот вклад обеспечил материальное превосходство над армянскими силами. Тель-Авив, безусловно, имеет свои интересы в регионе, и они не ограничиваются регулярными поставками бакинской нефти. Ему выгодны увеличение враждебного кольца вокруг Ирана и появление новых плацдармов для потенциальных атак на Исламскую Республику, а Азербайджан точно нельзя назвать дружественным государством, несмотря на объединяющий фактор ислама шиитского толка. Официально являясь светским государством, Азербайджан позиционирует себя как многоконфессиональное государство с мусульманским большинством и, когда это выгодно, пользуется связями по линии Организации исламского сотрудничества, но не проявляя религиозной солидарности, характерной для большей части исламского мира. Недаром позиция Баку в палестино-израильском конфликте, несмотря на оказываемую гуманитарную помощь и формальное признание права палестинцев на суверенное государство, в основном воспринимается как произраильская, и дело не только в окрасив-

шихся в цвета израильского флага «Пламенных башен» в Баку или осуждений ХАМАС, когда эту волну подхватила половина мира. Важнее фактор долгосрочного сотрудничества и общих интересов этих стран, превалирующих над религиозными или этическими мотивами, и, вероятно, некой общности взглядов, наделяющих себя исключительными правами и оправдывающих любые действия целесообразностью либо исторической справедливостью, трактовка которой зачастую весьма спорна и тенденциозна.

Израиль оправдывает массовые убийства мирных палестинцев и планомерное уничтожение сектора Газа борьбой с терроризмом, свою экспансионистскую внешнюю политику в регионе, оккупацию территорий, долгими веками заселенных арабами, тем, что евреи вернулись на свои исторические земли спустя почти два тысячелетия, едва пережив массовые убийства в ходе Второй мировой войны. Фактор холокоста вообще является ключевым при принятии любых непопулярных в современном обществе решений: Израиль строится как национальное государство евреев с жесткими нормами, поскольку этот народ наделяется особыми правами. При этом Израиль решительно не признает геноцид армян 1915 года: это не только невыгодно Тель-Авиву из-за партнерских отношений с Турцией, но и в глазах наиболее радикальной части общества будто бы нивелирует значение холокоста.

Азербайджан празднует победу, говоря о возвращении Карабаха и вообще подчеркивая свою древность, но никакого древнего Карабаха не было и не могло быть, поскольку в незапамятные времена был Арцах в составе Великой Армении. Карабахское ханство возникло на исторических армянских землях, раздираемых постоянными войнами и захватническими походами соседних империй, будь то Персия, Рим или монголы, в результате вторжения тюркских племен, как, впрочем, и другие государственные формирования пришлых кочевников.

Государство Азербайджан, как и современная азербайджанская нация, смогли появиться благодаря Советскому правительству. Именно большевики в результате договоренностей по границам со щедро одариваемыми турками-кемалистами не только обратили вспять все завоевания Российской Империи, но и включили Нахичевань и другие уезды Эриванской губернии в состав Азербайджанской ССР, образованной из Азербайджанской Демократической Республики, возникшей на месте Елизаветпольской и Бакинской губерний. При строительстве новых республик не обошлось

без резни армянского населения, погромов и постепенного уничтожения армянского следа, как, например, при сносе остатков армянского квартала в Шуше в 60-х годах.

Заложенные еще в советские годы споры за территорию обострились при приближении краха СССР. Но как бы большевики, османы, персы или другие покровители будущей азербайджанской государственности разных эпох ни старались, армяне жили на своей земле несколько тысячелетий, раньше всех создали на ней государственность и, в отличие от евреев, никуда не уходили. Вероятно, этот факт побуждает современный Азербайджан углубляться в мифотворчество при идеологическом укреплении своей государственности и обостряет степень антагонизма при новом переделе территорий. Появившиеся в конце сентября видео из захваченного Арцаха говорили сами за себя: сбрасывание 50-метрового поклонного креста в Степанакерте (некогда второго по размеру в Европе), монастырь XIII века Чаректар, который азербайджанские военные расстреливали из стрелкового оружия, затем из БТРов, вообще стрельба по крестам, в том числе резным армянским крестам (хачкарам). Всё это происходило под залиvistый смех, браваду и демонстрацию ножей при словах о подходе к армянским селам. На тех видео военные больше походили на боевиков — радикалов-исламистов, выражающих фанатичную ненависть ко всему христианскому и армянскому. И это показательно.

Игорь РОМАНОВ

КТО ИДЁТ К ВЛАСТИ В РОССИИ?

В силу многих известных факторов политическая ситуация в России становится всё более напряженной. Многие видят и понимают, что дела в нашей внутренней и внешней политике обстоят не совсем так, как это преподносится для населения посредством СМИ.

Нельзя не заметить, что внутри государственной власти есть влиятельные и системно организованные силы, которые ведут довольно сложную политику, мягко говоря, не всегда совпадающую с линией президента. Эта политика вызывает тревогу за будущее России.

Пока идёт процесс многолетних призывов и разглагольствований о необходимости чёткой идеологии для России, в стране стремительно формируется новая молодая политическая элита. Формирование этой элиты протекает вовсе не стихийно, а вполне последовательно, на чёткой идеологической основе. Недавно об этой идеологии мы узнали немного подробнее. В довольно свободной интерпретации она выражена в гимне «Лидеров России»: «Если ты есть — будь лучшим. Если ты есть — будь первым. Если ты есть — трусливых не слушай, не примеряйся, сам стань примером».

Конкурс «Лидеры России», завершившийся в начале года в Москве, — это и есть та площадка, которая выдвигает на вершины власти «лучших» — новых молодых людей, проявляющих свои менеджерские таланты. В разных СМИ уже неоднократно отмечалось, что эти новые управленцы-менеджеры далеко не всегда по своим качествам соответствуют историческим традициям и культурным ценностям России. Однако для организаторов конкурса «Лидеры России» нет никакой проблемы в том, что «лидеры» не несут никаких традиционных российских ценностей. Они вне этого.

Рассказывая о прошедшем конкурсе, газета «Коммерсант» сообщила, что ключевой организатор этого мероприятия ректор Российской академии народного хозяйства и госслужбы Алексей Комиссаров признался, что является сторонником меритократии. «Меритократия переводится как власть достойных, и это принцип, по которому люди продвигаются на позиции по показателям талантов, компетенций, знаний, а не, например, по рождению или каким-то другим показателям. Мне кажется, это очень важный принцип», — пояснил господин Комиссаров, отметив, что по этому принципу работают и «школа губернаторов», и «школа мэров».

Власть достойных, лучших, первых... Смелый подход к формированию политической элиты России. Проблема в том, что кто-то должен решать, что вот этот — достоин, а тот — не достоин...

Здесь, конечно, много противоречий. Вот, например, кому-то не без оснований покажется, что сам Алексей Комиссаров не вполне достоин занимать высокую должность ректора главного учебного учреждения страны, готовящего кадры для системы государственной службы в России. Действительно,

Комиссаров окончил Московский автомобильно-дорожный институт, инженер по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей. До 2010 года плотно занимался покраской автомобилей, участвовал даже в создании Тверского завода лакокрасочных изделий. Но вот он закончил в Лондоне Институт директоров и занялся вопросами управления в сфере бизнеса. Познакомился с учеником Гайдара Владимиром Мау, который долгое время возглавлял Российскую академию народного хозяйства и госслужбы и сбежал за рубеж от уголовного преследования. Комиссаров сменил Мау на посту ректора, пройдя перед этим еще и небольшой путь в правительстве Москвы. Но может возникнуть вопрос: а достоин ли Комиссаров возглавлять такое высокое учебное учреждение?

Тоже и с «лидерами России». Достойны ли они назначаться на те должности, на которые их назначают? Большинство из победителей конкурса, как уже не раз отмечалось, — технократы, типичные менеджеры западного образца, не знакомые с ценностями на каких-то там традиционных российских ценностях. Вопрос о ценностях, о мотивации, о морально-нравственной стороне этих лидеров вообще не ставится. Критерии, определяющие их таланты в сфере руководства российским населением, этого не предполагают. Большинство «лидеров» всеми своими знаниями и опытом ориентированы на Запад, на «мировые стандарты», даже если перед камерами заявляют, что они «до мозга костей российские».

А достоин ли быть президентом России товарищ Даванков? Партия «Новые люди» считает, что достоин, коль выдвигала Даванкова кандидатом на прошедших выборах. А он как раз тесно связан с конкурсом «Лидеры России» и с самим Комиссаровым. В 2018 году Даванков стал заместителем директора проекта «Россия — страна возможностей», где флагманским направлением является конкурс «Лидеры России». Директором платформы «Россия — страна возможностей» с того же 2018-го года и по сей день является Комиссаров.

Даванков окончил истфак МГУ, специалист по истории США. Диплом защищал по весьма странной теме: «Проблема социальной адаптации общества мормонов в США (последняя треть XIX в.)». Чтобы писать по такой теме, надо все-таки иметь связи с этой весьма загадочной и опасной американской сектой. В 2013 году Даванков вопреки своей специальности занял должность вице-президента косметической компании Faberlic (ОАО «Фаберлик») Алексея Нечаева. Сегодня Нечаев возглавляет партию «Новые люди».

Нет смысла подробно анализировать эти биографии. Вопрос в том, кто решил, что эти новые люди достойны быть

лидерами, достойны быть главными политиками и даже президентами в России? Однако в решениях, подобных выдвижению Даванкова в президенты или назначению ректором Академии госслужбы Комиссарова, есть скрытая логика, последовательность.

Как сообщает РБК, рассказывая о конкурсе «Лидеры России», концепция меритократии, упоминаемая Комиссаровым, «существовала веками, например, в рамках конфуцианской философии, сам термин «меритократия», то есть «заслуженная власть» (от латинского «заслужить» и древнегреческого «власть»), был впервые употреблен немецко-американским философом Ханной Арендт в эссе «Кризис образования», написанном в 1954 году. Несколько лет спустя термин был использован британским социологом Майклом Янгом в его сатирическом труде «Возвышение меритократии», в котором описывается футуристическое общество, где общественная позиция определяется коэффициентом интеллекта (IQ). В политике одним из наиболее известных сторонников этого принципа был премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю (1959—1990), который с помощью меритократии и мультикультурализма построил успешную и богатую азиатскую экономику. Еще при жизни Ли Куан Ю называли архитектором «сингапурского экономического чуда».

Заметим, что большим поклонником «творчества» Ли Куан Ю является Сергей Кириенко, который курирует от администрации президента проект «Россия — страна возможностей», конкурс «Лидеры России» и многое другое. Партия «Новые люди», как известно, появилась не без участия Кириенко.

Сегодня вряд ли мы можем полностью опровергнуть утверждение о том, что пока часть страны воюет, к власти уверенно идут новые люди, которые просто решили, что они этого достойны. Потому что они те, кто, по их же мнению, «заслуживает власти».

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.
(Февраль)

Несмотря ни на какие санкции, на двухгодичную военную спецоперацию и на заморозку (а точнее, конфискацию) российских валютных накоплений в зарубежных банках и процентов с них, Центральный банк России и ее олигархи продолжают вывоз валюты за рубеж. То есть грабеж государства продолжается.

А также, несмотря на двухгодичную СВО, на иностранных наемников и поставки вооружений нацистскому укрорейху, Газпром продолжает гнать газ в Европу и оплачивать транзит через Украину.

И несмотря, опять же, на СВО и угрозы нам со стороны Запада третьей мировой ядерной войной и, собственно, на нескрываемую подготовку к ней, Россия продает США уран.

Но на все сообщения об этом в российских СМИ кремлевские менеджеры вместе с их главным пресс-секретарем предпочитают не реагировать.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В нашумевшем на весь мир интервью американскому журналисту Такеру Карлсону 6 февраля этого года В. Путин, как и прежде, сожалел о нереализованных «минских соглашениях» и «уже парафированных» стамбульских «договорённостях», согласно которым Донбасс должен был остаться в составе «нэзалэжного» нацистского укрорейха. Да вот, опять же с сожалением констатировал В. Путин, бывший английский премьер, урод Джонсон, помешал сбыться стамбульским «договорённостям»...

В том же интервью президент Путин нацистского прихвостня Шухевича назвал Шушкевичем, даже не заметив этого. Правда, в этой ошибке или оговорке он недалеко ушел от истины. Но вот зачем воевавшего на германском фронте деда ублюдка В. Зеленского он назвал его отцом — непонятно. И на оговорку это не тянет. Все-таки отец будущего политического клоуна, родившийся в 1947 году, никак не мог быть участником Великой Отечественной. Дед действительно был героем-орденоносцем Великой войны, дослужившимся до звания полковника, а вот родители мерзкого еврейского отпрыска как раз и воспитали этого морального монстра.

К тому же, по словам нашего президента, наверное, и впрямь сильно удивившим Такера Карлсона, Польша, оказывается, «вынудила» Гитлера начать Вторую мировую войну. И, видимо, вследствие этого немцы оказались под Москвой... Это уже нечто новенькое в исторической науке!

Интервью, показанное 8 февраля по всем центральным телеканалам, длилось долго. Говорили два часа. Но вот о сбитом в российском небе американской зенитно-ракетной системой «Пэтриот» нашего транспортного самолета «Ил-76» не сказали ни слова.

Вопрос на засыпку: кто бы мог это сказать? «Лучше договариваться, чем воевать». После двух лет СВО. А сказал это Верховный главнокомандующий Российской Федерации. Всё в том же интервью Такеру Карлсону. После его неоднократных заверений в том, что цели СВО будут доведены до конца. Цели специальной **военной** операции. Как это понимать? После десятков тысяч наших погибших воинов. Как это понимать нашим десанникам и морпехам, штурмующим Авдеевку и Угледар? Это демагогически «гуманное» заявление — разве не удар им в спину, два года находящимся в окопах? Разве оно — не удар в спину тем, кто ждет освобождения от власти нацистских нелюдей в Харькове, в Одессе и в Киеве?

И оно, конечно же, не случайно, не машинально выскочило из его уст. Ведь не даром же он не устает выражать сожаление о несбывшихся стамбульских «договорённостях»...

В этом распиаренном на весь мир интервью, восторженно цитируемом всеми телеэкспертами российского ТВ, Верховный главнокомандующий с какой-то странной самодовольной улыбкой пересказал байку о том, как свидомые солдаты на возглас наших воинов «Сдавайтесь!» отвечают: «Русские не сдаются!» Лишний раз убеждаешься в том, что он, по-серьёзному, не отдаёт отчета тому, что говорит. Слова эти прозвучали сразу после того, как произошел обмен 190 наших плененных солдат на 190 украинских. А через день после интервью — еще раз обменяли сто на сто. Сколько тысяч сдавшихся в плен уже было обменено и сколько тысяч еще находится в плену с обеих сторон?! В основном, конечно же, — русских. Но как хочется покрасоваться, поиграв словами, перед зарубежным телезрителем!..

* * *

2024-й — юбилейный пушкинский год. Нашему гению (6 июня) исполняется 225 лет.

Н.В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» в 1832 году (еще при жизни поэта!) сказал такие слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Ну что ж, будем верить, что до появления этого идеала, этого «чрезвычайного явления» осталось совсем немного лет... Правда, Гоголь всё же оговорился, дважды сказав: «может быть»...

Но февраль — тоже пушкинский месяц. 27 января 1837 года (по новому стилю — 8 февраля) А.С. Пушкин был смертельно ранен на дуэли. Через два дня поэт умер.

ДВА ДНЯ

*Как часто высший промысел сокрыт
на много лет для нашего сознания...
На Чёрной речке Пушкин не убит.
Бог дал ему два дня для покаянья.*

*Два долгих дня дарованы ему —
спасительных, мучительно-высоких...
И чтоб душа не сорвалась во тьму, —
духовнику открыл он своему
и в боли сжёг отвратные уму
грехи свои за все земные сроки.*

*Чтоб мог исполнить он завет царя:
«Прошу, мой друг, умри как христианин»,
когда еще пытались лекаря
утишить боль его на смертной грани.*

*Счастливый жребий, нет, его не спас.
Не спас и перстень Лизы Воронцовой...
Ему спасеньем стал пустынный глас:
«Моей исполнись волею суровой!»*

*В немой тоске, собрав остаток сил,
он внял, сражённый, неземному гласу.
И, в мыслях мечь таившему, Данзасу
сказал: «Не надо мстить. Я всех простил».*

*И вот уже из близких никого
не узнавал он, что-то где-то слыша...
И на словах последних: «Выше, выше...»
душа, чиста, оставила его...*

* * *

После интервью Такеру Карлсону, в котором наш президент опять сказал о своем согласии на переговоры, украинские нелюди вновь ударили (15 февраля) по центру Белгорода. Удар был нанесен из артиллерийской установки чешского производства. В результате — семь погибших, среди которых годовалый ребёнок, и девятнадцать раненых. По Первому каналу показали женщину, которая оказалась на месте теракта. Она, плача, проговорила: «Это не звери, это хуже. Для них еще не придумали названия».

Но вряд ли и эта трагедия отобьет неистребимую тягу к переговорам у российской верхушки. На эти доводы соловьевские телеэксперты типа Д. Куликова, выпрыгивая из штанов ради оправдания любого высказывания В.В. Путина, тут же начинают кричать в телеэкран: «Да, переговоры! Но на наших условиях!» И каждый раз хочется им ответить: представьте себе Сталина, который в начале 1945 года сказал бы на всю страну: «Мы согласны на переговоры с Гитлером, но

на наших условиях!» То, что тогда было невозможно по определению, теперь вполне может быть, потому что это вполне допустимо, сколько бы фашистские нелюди ни били по русским городам. Чем европейско-хохляцкий нацизм отличается от гитлеровского? По своей внутренней сути ничем. Точно так же Шольц, Сунак, Макрон, Кэмерон, Туск, Бербок, Боррель, Урсула фон дер Ляйен и еврей Зеленский мечтают уничтожить и растащить Россию. А в Кремле всё еще мечтают о переговорах...

* * *

Немцы уже не скрывают своих помышлений о реванше. Когда-то задавленные и молчащие, теперь эти желания и помышления звучат открыто и агрессивно со страниц германских газет и телеэкранов, в том числе в заявлениях их официальных лиц. Мы позволили Германии объединиться, и теперь она использует это объединение против нас с той же целью, что и в двух мировых войнах, с целью победы над Россией.

Теперь уже окончательно, стопроцентно стало ясно, что Германия никогда не успокоится, пока не уничтожит Россию. Это доказала нам сама История. И наша задача — раз и навсегда **успокоить** Германию. Ни Первой, ни Второй мировых войн для этого успокоения оказалось недостаточно. Даже создание ГДР не стало такой гарантией. Значит, одно из двух — или **вся** Германия должна стать ГДР с присутствием на ее территории русских военных баз, или Германии не должно быть вообще, как, между прочим, сразу по окончании последней Большой войны, предлагал У.Черчилль. Он настаивал на разделении Германии между государствами-победителями. Ныне делить Германию не с кем. Значит, она **вся** может стать частью Русского мира. Какой из двух вариантов будет для России наиболее приемлемым, покажет будущее.

* * *

Навальный и Стрелков были непримиримыми идеологическими противниками. Один всеми своими действиями и словами — против России, другой — и делом, и словами — за неё. Но оба оказались за решёткой. Как многие считают: в первую очередь, за свои негативные высказывания о В.В. Путине. Причем Стрелков — бескорыстно и только на словах. А Навальный — одновременно со своими преступными деяниями и за большие деньги от наших западных врагов. Есть запись их личного общения на одном из каналов Ин-

тернета. Сходились они только в одном — в неприятии этой власти (правда, по разным причинам). Во всём остальном они были резкими антагонистами.

Навальный, находясь в колонии, ушел в мир иной. То ли ушли, то ли здоровье психологически надломилось... Кроме того, этому вполне могли поспособствовать агенты пятой колонны по приказу из Лондона. Но есть опасение — как бы такая же судьба не постигла Стрелкова.

* * *

17 февраля, после двухлетних тяжелейших боёв, наконец освобожден город Авдеевка, находящийся в донецкой агломерации. За его освобождение сложили головы сотни, если не тысячи, наших бойцов. Эта победа, давшаяся нам очень большой кровью, наверное, даже важнее, чем освобождение Мариуполя и Бахмута. Именно из Авдеевки на протяжении десяти лет (!) велся ежедневный артиллерийский обстрел Донецка, Макеевки, Горловки, Ясиноватой и других селений Донецкой области. Сколько при этом погибло гражданского населения, детей, сколько разрушено жилых домов, школ, детсадов, больниц, музеев и других строений — сейчас даже трудно сказать. Мерзавцы Турчинов, Порошенко и Зеленский должны быть арестованы и судимы нашим судом. К сожалению, даже после начала СВО ни Путин, ни наш парламент так и не отменили мораторий на смертную казнь. Нынешняя высшая мера наказания, пожизненное заключение, сохранит им жизнь. А ведь эти твари, погубившие столько хотя бы исключительно мирных жизней — и с нашей, и с другой стороны, — жить не должны. Впрочем, думается мне, получив приговор и оказавшись на зоне, они там долго не протянут... А оказавшись в камере-одиночке, они сами удавятся.

Хочется надеяться, что теперь наши дела на фронтах пойдут быстрее. Авдеевка сдерживала крупные наши боевые силы, которым понадобилось аж два года, чтобы изничтожить баснословно укрепленную оборону укрорейха в этом пригороде Донецка. Теперь у нас в какой-то степени развязаны руки. Надо бросить освободившиеся боевые соединения на Краматорск, Славянск и, конечно же, на Харьков. Думается мне, что и эти победы ждут нас в ближайшее время. А вместе с ними мы должны требовать и новых ударов по всё еще спянной и постоянно гадящей пятой колонне внутри страны. Ну разве это не их очередная гадость — установка в Ростове-на-Дону памятника одесскому русофобу Жванецкому, мечтавшему, по его словам, разровнять Россию и пост-

роить на этом месте что-то другое... И ведь таких мечтателей у нас еще осталось немало!..

Поразительный случай. Во время открытия памятника Жванецкому жительница Ростова задала вопрос губернатору Ростовской области: «Зачем в русском городе нужен памятник ненавистнику русских?» Зовут эту женщину Надежда Кофейникова. И ее вопрос губернатору имел последствия: Кировский районный суд Ростова-на-Дону оштрафовал ее на 2000 рублей, дабы никому не повадно было в Ростове задавать властям неллицеприятные вопросы... А мы рассуждаем о пятой колонне...

* * *

Все наконец увидели истинное хохлятское мурло — тупое, наглое и перекошенное звериной злобой. Сохранившись на земле исключительно благодаря русскому человеку и Русскому государству, эта людская порода именно за свое сохранение сильнее всего и возненавидела русских и Россию. Это в природе всех подлых и завистливых ничтожеств — сильнее всего ненавидеть того, кому более всего обязан. Но, слава Богу, теперь все разглядели и все поняли, что такое хохлятское мурло. Именно хохлятское, а не украинское. Я немало встречал в жизни нормальных украинцев, но вот хохлы — все одинаковы, все на одно нутро и на одно мурло. Чуть что не по ним — тут же вся злоба, вся спесь и вся ненависть вырываются наружу вместе с готовностью порвать тебя на части, перегрызть горло, утопить в нечистотах... Объяснять им что-то, доказывать их неправоту — дело абсолютно бессмысленное, только разжигающее их желание стереть тебя в порошок. Хохол отличается от украинца тем, что в нем перемешаны турецко-польско-еврейские гены, которые затмевают разум и, наоборот, разжигают в нём дикую стихию разрушения, гремучую психическую ярость ко всему, что выше, умнее и человечнее его. Чем больше он видит ваших достоинств, тем сильнее его злоба и желание вас уничтожить. Именно на этом была выстроена, держалась и возродилась бандеровщина. Именно эта гремучая психическая смесь объединяла петлюровщину. И сейчас этот их дьявольский огонь в крови заставляет так упорно, безоглядно, безмозгло биться с Россией. Им даже плевать, за что биться. Главная побудительная сила для них — уничтожить тех, кому они обязаны своим существованием. Ведь ни турки, ни немцы, ни поляки, ни крымские татары, если бы в свое время захватили ту землю, которую мы теперь называем Украиной, то вообще не оставили бы на зем-

ле никакой Украины, и не было бы на свете никаких украинцев и уж тем более никаких хохлов.

В конце концов похоже на то, что Бог отвернулся от т.н. Украины. Пришло время ее стремительной исторической ликвидации.

P.S. Друзья меня поправляют: нормальные украинцы — это русские, родившиеся и живущие на Украине.

* * *

В конце февраля Владимир Путин поручил Министерству спорта и Олимпийскому комитету России (ОКР) сформулировать предложения по участию российских атлетов в летних Олимпийских играх 2024 года в Париже.

Олимпийские игры пройдут с 26 июля по 11 августа. Международный олимпийский комитет (МОК) уже сформулировал условия, на которых могут быть допущены к этим Играм российские атлеты — без названия страны, без флага, без гимна и без других национальных символов. К тому же нам запрещено участвовать в любых командных соревнованиях. А также к Играм не будут допущены спортсмены, так или иначе поддерживавшие СВО.

Но вот наш президент и чиновники от Министерства спорта и ОКР почему-то всё еще ищут лазейки для нашего участия в этих крайне и бесцеремонно оскорбительных для нас т.н. «Олимпийских играх». Что их туда так тянет и для чего нам нужно это унижительное участие в них — понять трудно, если вообще возможно.

То есть что мы видим в реальности? На словах со стороны высшей власти и министерских чиновников — громкие патриотические лозунги о защите Отечества и любви к Родине на фоне российского государственного флага и гимна. А вот спортсменам, оказывается, можно без этих символов и обойтись... Для них, спортсменов, это даже и не символы, а так, атрибуты... Они, видите ли, долго тренировались (за государственный счет), и их нужно пожалеть, а потом еще и по «Мерседесу» подарить... (Словно им кто-то запрещает выступать на российских соревнованиях.)

Одни за русский флаг на Донбассе отдают жизнь (тысячи погибших). Одни под этим флагом, изображенным на танках и на воинской экипировке, идут в атаку против нацистов и наёмников от стран, входящих в МОК. Но другим, избранным, нашими очень патриотическими властями позволено, ничем не рискуя, представлять на **Международных Олимпийских играх** самих себя — без всяких государственных «атрибутов», то бишь символов... Чем же эти «избран-

ные», которые «долго тренировались», в нашей стране лучше тех, кто за нее погибает на фронтах?..

Но самое смешное, если всё же наши спортсмены поедут в Париж, будет ждать впереди. Если кто-то из них в каких-либо соревнованиях победит, то через несколько месяцев МОК эти результаты отменит и награды аннулирует. А наш ОКР, смирившись с этим, угодливо внесёт очередной годовой взнос в МОК и во Всемирное антидопинговое агентство (WADA) в общей сумме в несколько миллиардов долларов.

А в Донбассе будут идти бои...

* * *

Мы еще до конца не знаем значения Пушкина для России. Значения, о котором большинство даже не догадывается. И мы еще до конца не знаем, ЗА ЧТО был убит Пушкин.

В учебниках литературы и в официозных энциклопедиях биография Пушкина была сознательно искажена. Причем сознательно искажена она была как до 1917 года, так и после. Но, как сказано в Евангелии от Марка: «Нет ничего тайного, что не станет явным, и нет ничего скрытого, что не выйдет наружу... Ибо нет ничего тайного, что не предназначено изначально стать явным, и если что-то скрывается, то только для того, чтобы выйти однажды на свет» (Мк. 4: 22).

«...Ни в одной пушкинской биографии не говорится о том, какое же задание выполнял коллежский секретарь Александр Сергеевич Пушкин в своей командировке на юг России от Коллегии иностранных дел... В чём заключалась его работа? Ведь не просто же так его туда направили! Ведь не за густые бакенбарды и не за умные глаза там получал он государственное вознаграждение (то бишь зарплату)!

Одним словом, во время своего пребывания на юге, как можно понять, Пушкин выполнял некое задание (но какое?!), исполнив которое, вернулся домой и сразу же вышел со службы в отставку» (фрагмент статьи «Странности биографии, или Тайна жизни Пушкина». Полностью читайте в майском номере «Молодой гвардии»).

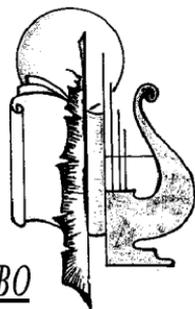
ЗАЧЕМ И КТО НАВЯЗЫВАЕТ МАЛЕВИЧА

Казимир везде?

Художников ныне у нас подают массам кураторы. Но мне удобнее будет пользоваться не этим уныло-приблизительным заграничным словом, а подзабытым, но сочным и обобщающим, родным — стряпчие.

Вот как стряпчий пишет в «Коммерсанте» про выставку Малевича: «Увы, понятно, что его выставку в Третьяковской галерее зрители не брали бы штурмом, как в случае с ретроспективой Серова. Эту действительно актуальную для наших музеев проблему — как пройти между «сциллой» исторической значимости художника и «харибдой» его популярности у широкой публики, гарантирующей не только кассу, но и дополнительное спонсорское финансирование...»

Итак, историческую значимость художника определяют стряпчие, но народ не тот попался! Стряпчие-то знают — историческая значимость художника определяется на рынке! Если за «Чёрный квадрат» Малевича дают на аукционах под сотню миллионов

ИСКУССТВО

долларов, а за картины Серова раз в десять меньше, то Малевич несравненно значимее Валентина Серова! И автоматически чертёжно-малярное изделие «Чёрный квадрат» становится произведением живописи, превосходящим какие-то там традиционные серовские портреты. Вот только наш остальный народ никак не дорастёт до понимания таких простых вещей! Тёмные.

Всё они хотят видеть на полотнах какую-то красоту, жизнь, правду... А что это такое? Они у каждого свои!.. Тут море работы для тяжёлой артиллерии — стряпчих от искусствоведения. Мой отец поэт Дмитрий Ковалёв называл таковых искусствоведами. Они-то растолкуют тёмным величие и потаённую гениальность чёрных квадратов. Увидят, что квадрат то не совсем чёрный, а покрашенный чёрным красный (что заметно по трещинкам — крокелюрам), и тут глубочайший подспудный смысл, что «мэтр» сработал и косоватенький квадратик, и это придаёт ему просто сверхъестественную динамику, и т.д., и т.п. Монбланы словоблудия.

В России кампания пропаганды Малевича приобрела прямо-таки вселенский размах. Тут и Малевич-парк в Немчиновке, и оформление олимпиадных шоу и станций московского метрополитена в «новаторском стиле Малевича», и даже в Курске, где Казимир прожил (по его словам) 7 юношеских лет не оставив ни одной своей работы, настырно, несмотря на протесты общественности, пытаются присвоить имя Малевича залу, где выставляется живопись. А в Новой Третьяковке, заходя в постоянную экспозицию XX—XXI веков, ещё недавно мы сразу носом упирались в «Чёрный квадрат». Талантливая живопись Петрова-Водкина висела сбоку.

Правда, теперь Малевича с его эпигонами задвинули вглубь, и осмотр начинается всё-таки с живописи. С начала горбачёвской катастрофы вышел подготовленный малевичедами ряд книг, и среди них пятитомное собрание сочинений мэтра, выложенное в электронном виде в сеть. Работа была проведена большая, в собрание вошли рукописи, декларации, манифесты, статьи в периодических изданиях, в частности, в газетке «Анархия» 1918—1919 годов. Показательно, что если издание первого тома финансировали Минкульт РФ и московский Центр современного искусства Сороса, а Нью-Йоркское общество Малевича лишь помогало в подготовке, то пятый том, вышедший тиражом почти вдвое меньшим первого, оно и профинансировало. Характерны высказывания курского искусствоведа М.Е. Денисова: *«Чёрный квадрат» — это важная точка в истории искусства, поэтому имя Малевича остается в истории. Это знаковое имя.*

Бренд, если хотите. Не удивительно, что сейчас многие пытаются приобщиться к этому яркому знаку... Оставаться в стороне — пассивная позиция... У нас нет работ Казимира Малевича в местных собраниях, но это как раз тот случай, когда можно обойтись и без этого. Он интересен во многом как теоретик. Материальное воплощение его идей — не так важно... Курская картинная галерея ведет проект ЭТОНЕМАЛЕВИЧ уже много лет. Мы устраивали выставки, снимали фильмы, читали лекции, выигрывали гранты и проводили мастер-классы. Мы популяризировали Малевича и проводили параллели с классическим искусством, теорией композиции, дизайном».

И действительно, из произведений Малевича обыватель знает лишь «Чёрный квадрат». Но этого, несмотря на все старания стряпчих, маловато для создания «великого художника». Потому стряпчие любят указать незнайкам, что Казимир не только «беспредметничал», но и писал реалистические пейзажи и портреты... Даже курский губернатор на своей странице ВКонтакте поместил к 88-летию со дня смерти дидирамб Малевичу, заканчивающийся призывом насладиться созерцанием его работ. Среди предложенных для созерцания репродукций ни одной супрематической не оказалось... Но беда в том, что реалистические работы Казимира могут показаться интересной живописью лишь рядом с его беспредметными упражнениями. Если поставить его портреты рядом с портретами того же Валентина Серова, то сразу станут очевидны их подражательность, сухость и ученическая примитивность.

Всё же квадрат — основное, без него бы проект «Малевич» не состоялся. Адепты любят говорить о спорах вокруг творчества Казимира. Но споров о творчестве как раз и нет! Подающая «Чёрный квадрат» в четырёх повторениях как одну из самых обсуждаемых и самых известных картин в мировом искусстве Википедия в посвящённой ему длинной статье избегает вопроса его создания — как он закрашивался? Без помощи линейки и угольника, а возможно, и трафарета так ровно закрасить квадратик вряд ли удастся! Тем более, что два экземпляра из четырёх имеют одинаковые с точностью до миллиметра размеры 79,5 на 79,5 см. Малевич не мог не использовать свои чертёжные навыки, приобретённые в юности во время службы чертёжником в Курске. Чёрные, красные, синие прямоугольники, квадраты, круги, кресты представляют не что иное, как чертёжно-малярные упражнения, и к живописи отношения не имеют. Так же, как и прочие супрематические творения Малевича и его последователей. Самое интересное здесь не в «творчестве» Казимира, а в его

щляхетской наглости, и в том — как удалось возвести эту мертвечину в ранг гениальной живописи.

Современное искусство или рыночная толоча?

Экспозиции наших основных хранилищ национальной живописи Третьяковской галереи и Русского музея выстроены стряпчими с целью доказать, что с начала XX века появилось некое новое «современное искусство», как бы вытеснившее «устаревшую» традиционную живопись. Искусствоведы из Вики считают, что «современное искусство» нужно отличать от модернового и актуального, а сам этот англоязычный термин появился в конце XX века. Но тот же Малевич в своих литературных опусах пытался заменить традиционное искусство «современным искусством» ещё в начале того века. Так что не будем копать в искусствоведческих хитросплетениях, а весь этот авангард, абстракционизм, модернизм, постмодернизм и прочее, чем пытаются заменить искусство, объединим в одно. Вот только называть это «современным искусством» как-то язык не поворачивается. Ибо этому явлению уже более века, то есть оно несовременно, и к тому же, как правило, не является искусством. Чтобы не плестись в хвосте англоязычных стряпчих назовём его по-русски — в широком смысле рыночной толочей. В более узком, когда живопись пытаются заменить неживописью, — рыночной лабудой или просто лабудой. Этот рыночный нарост не только извратил само понятие живописи, но и пытается исказить понятие духовности.

Русский авангард возник во время становления этой рыночной толочи, и был порождением её духа. У её истоков стояли успешные спекуляции картинами не получивших признания при жизни постимпрессионистов, талантливых самоучек: Ван Гога, Гогена, Сезанна. Спекулянтам живописью удалось после смерти художников так их прославить и создать моду на них, что их картины стали продаваться за суммы, какие авторам и не снились. Искреннее, непосредственное творчество этих художников разительно отличалось от холодной и сухой европейской академической живописи тех лет. Зная, как дорожают со временем картины старых мастеров, разжиревшая буржуазия сочла разумным вкладывать деньги в модную живопись. Этим «ценителям» понятны и важны были не внутренний мир и поиски сути изображаемого художниками, а узнаваемость, непохожесть на других.

Круглые суммы развращали начинающих живописцев в Европе и в России. Началась гонка за быстро менявшейся

модой: сезаннизм, экспрессионизм, кубизм, футуризм, лучизм и т.д. Такие мастера, как П.П. Кончаловский, И.И. Машков, А.В. Куприн, А.А. Дейнека прошли через это искушение, в зрелости вернувшись к реализму. И не потому, что их насильно заставляла власть, а потому, что рыночек не довлел над ними. Больше всех в поисках «струи» метался прирождённый подражатель Казимир Малевич. Чего только не перепробовал, пока не придумал выдать свои чертёжно-малыарные упражнения за новое направление — супрематизм. Понимая суть рыночной толочи, нюхом чуял, что на этом можно прославиться и заработать. Недаром в поисках «бренда» закрашивал разнообразные чёрные и красные квадраты, круги и кресты. Недаром на годы откладывая в сторону кисти и краски, сочинял суетливые трактаты о том, что супрематизм есть чистая, без подмеса какого-либо содержания или предметности, живопись. Вершина всего её развития. А он открыл единицу и ноль этой чистой живописи — чёрный и белый на белом фоне квадраты. Его историческая значимость состоит в том, что он одним из первых понял — на рынке живописи можно обойтись без живописи. Так и писал: *«О живописи в супрематизме не может быть речи, живопись давно изжита, и сам художник предрассудок прошлого.»*

Это заметил и художник, один из ведущих художественных критиков того времени А.Н. Бенуа, написавший: *«Чёрный квадрат в белом окладе — это не простая шутка, не простой вызов, не случайный маленький эпизодик, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через поправление всего любовного и нежного, приведёт всех к гибели. Несомненно, это и есть та икона, которую ставят взамен Мадонны.»*

Слово живопись — от живо писать, то есть так, чтобы запечатлеть черты живого. Фотография не убила и не могла ее убить, как некоторые склонны думать. Хороший портрет куда яснее и глубже фотографии передаёт существо портретируемого, его место в мире. В него мастер-живописец вкладывает и своё понимание природы и своё мироощущение. Если фотография схватывает мгновение со всеми его случайностями, то художник старается передать сокровенную суть. Для этого необходимо вживаться в природу. Тому же Валентину Серову требовалось иногда более сотни сеансов, чтобы придать портрету законченный вид. Незабываемый портрет академика Павлова Михаил Нестеров написал, сдружившись и живя у учёного. Конечно, можно, выпятив какую-либо одну черту, достигнуть узнаваемости, как это делают на шаржах.

На подобном огрублении и основаны лучшие абстрактные работы. Но чем больше продиктованного внешней идеей огрубления, тем меньше живописи. И это Казимир при всей его малограмотности знал.

«Трагедия» Малевича в том, что его рыночный проект не мог пройти в Советской России, где не осталось обладателей неимоверно тугих кошельков. В Нью-Йорке же как раз возник Рокфеллеровский музей современного искусства (1929), а вскоре и Музей современного искусства Соломона Гуггенхайма (1937). Американско-еврейские воротилы решили взять под своё крылышко складывающийся мировой рынок торговли предметами изобразительного искусства. Для хорошей выручки нужны были новые направления и «гении». Денежные мешки не собирались ждать милостей от природы, и начали делать «гениев» по обкатанной самоокупающейся схеме: «деньги — пиар — деньги». С их знанием богатенькой публики им было ясно, что вовсе необязательно «гению» создавать живопись. Для рыночной толочи достаточно наделать лабуды понепривычней, а уж стряпчие найдут сокровенный, недоступный большинству смысл. Ну, и конечно, определённое политическое направление приветствуется. А коль скоро «гений» сотворён, то всё, к чему прикасалась его рука, как и в случае настоящего гения, обретает на рыночке соответствующую стоимость, становится активом... Вот как отзывается о рыночной толоче уехавший в Израиль фотореалист и борец с гомофобией Семён Файбисович: «...русский бум был в конце 80-х, когда меня открыли американцы и потащили на свой мировой рынок, откуда я сбежал благополучно спустя пару лет». В этом отношении любопытен также факт проплачивания ЦРУ раскрутки на толоче американского «гения абстрактного экспрессионизма» Джексона Поллока.

Остаётся один деликатный вопрос — какое отношение к искусству имеет рыночная толочка? Весьма отдалённое. Поэтому-то и стараются всеми силами примазать её к живописи. Размещают в ведущих, предназначенных для живописи музеях и галереях. Стараются приткнуть поближе к нетленной классике. Даже в музеях Ватикана, чтобы взглянуть на гениальные фрески Микеланджело, мне пришлось проходить вереницу залов, заполненных рыночной лабудой. Иначе не пропускали. Такая вот ненавязчивая пропаганда лабуды. Похоже, папа римский забыл про Христа, изгнавшего торговцев из храма. На выставках лабуды безлюдно. И неудивительно. Она ведь способна греть лишь душонки аукционных спекулянтов и вложившихся обладателей тугих кошельков... Ну и, возможно, её производителем.

Полистаем страницы жизни

В искусстве нужна истина, но не искренность.
К. Малевич

Казимир Малевич родился в Киеве в 1879 году. Отец его по происхождению западенский поляк, шляхтич Северин Малевич. Служил управляющим на сахарных заводах известного малороссийского заводчика Терещенки. В католической семье говорили по-польски. Отчасти это объясняет косноязычие его литературных трудов. Казимир был старшим из 14 детей. Растущая семья вслед за отцом часто переезжала из одного малороссийского местечка в другое, пока не осела в 1896 году в Курске. Здесь Казимира устроили чертёжником в Управление Московско-Курской железной дороги. Но влекла его карьера живописца. Вот как он писал об этом времени в 1924 году: *«Я не усматриваю в Искусстве труда, ибо жизнь трудовая не жизнь. Я помню себя, когда не мог дожидаться восхода солнца, для того чтобы бежать верст 30 писать оболюбованное место...»*

Писано зрелым человеком, но преувеличение расстояния чисто детское. Слово «труд» Малевич понимал в узком смысле: «труд по принуждению», «подневольный труд». Украинские хлопы должны трудиться на польского шляхтича. У нас же труд понимают не по Малевичу, а по Пушкину: «Окончен труд, завещанный от Бога». Уже из приведенных слов можно заметить, что автор с необыкновенной лёгкостью преувеличивает, если не сказать — привирает. И это, вместе с презрением к труду и тщеславию, — типично шляхетские черты.

Лучшим курским другом его был недоучившийся в Академии художеств поляк Лев Квачевский, служивший акцизным надзирателем на спиртзаводе Сперанского. Вместе ходили на этюды. Малевич вспоминал об этом в автобиографических главах: *«Переставали спорить, когда сядили закусить. Он всегда носил фляжку: влага Сперанского, как он говорил, нерукотворные капли или слёзы Марии. Закусывая, говорили на другие темы, вспоминали Украину, и он и я были украинцы. Выходили мы утром из дому, брали харч на день. Моя ежедневная порция состояла из одного фунта сала, головки чеснока, фунт грудинки копченой и пять-шесть французских булок. Грудинка с ребрами, с хрящиком отварная, вкус приятный. Квачевский же был по натуре нежней, брал ветчины, копченой колбасы, сыру швейцарского со слезой, яичек десяток, хлеб домашнего печенья, ну и фляжку нерукотворной...»*

С национальностью Казимир обходился легко. И в документы писал — то украинец, то, когда это выгоднее, — поляк. А вот описание снеди неподдельно искреннее, художественное — прямо слюнки текут. Как оно контрастирует с натужными исканиями то ли выморочного нуля то ли единицы «чистой живописи» в супрематизме! И в то же время проливает свет на программное его изречение: *«В искусстве нужна истина, но не искренность»*.

У нас как-то не видели противоречий между искренностью и истиной. Считали искренность творца предпосылкой истины... Но для Малевича формула удобная, гибкая. Можно, не будучи патриотом, малевать ура-патриотические лубки, но заключающаяся в сопутствующем неплохом гонораре «истина» очень даже нужна... Недаром современные Казимиру критики замечали, что нет одного Малевича, а есть много разных: сегодня один, завтра другой, послезавтра третий. Это подтверждает и сам Казимир, с милой непосредственностью путающий: «занимал» и «менял»: *«На тусклом фоне курского бытия наш кружок был настоящим вулканом жизни искусства. Я занимал самую революционную точку зрения. Квачевский тоже менял свои точки зрения не только на искусство, но и на жизнь.»*

В 1899-м Малевич обвенчался в католическом храме с курской мещанкой, полькой Казимирой Зглейц. А в 1904-м, оставив в Курске жену с детьми, уехал в Москву делать карьеру живописца. Но в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) поступить не удалось. С МУЖВЗ отдельная презабавная история. В разных русскоязычных источниках вы встретите упоминания от двух до четырёх неудачных попыток поступления туда Казимира. К чести отечественного малевичеедения, по сохранившимся документам в МУЖВЗ, было достоверно установлено, что начинающий «гений» провалился четырежды: в 1904, 1905, 1906 и 1907 годах. В английской же Википедии уверены в том, что он окончил МУЖВЗ. Видимо, там считают рассказы «гения» самым достоверным источником. Казимир любил рассказывать сказки про то, как ему не понравилось преподавание в МУЖВЗ, и он оттуда ушёл. Художественное образование Малевича ограничилось уроками в частном художественном училище Ф.И. Рерберга. В анкетах, в графе «образование» он писал: «самоучка».

В главах из автобиографии Казимир красочно расписал своё участие в революции 1905 года. Приведу лишь малый фрагмент:

«Я иду в город на Тверскую. У Леонтьевского переулка меня окружает чёрная сотня. Я был в шляпе, пальто с воротником, черная рубашка, длинные волосы:

— Стой, социалист!

И несколько финских ножей блеснуло. Я спокойно сказал:

— Стой! Нет ли у вас закурить?

И тут же их огорошил хорошо им знакомой руганью. Один достал папиросу, я взял в рот, полез за спичкой, еще ругнулся и пошел (я не был курящим)...

Я достал «бульдог» и пули. Была настоящая война. Я присоединился к группе, у которой карманы были полны пуль и разной системы револьверов...»

Мне эти строки «античного героя», одним словом разворачивающего толпы врагов, но не ведающего, что револьвер заряжают патронами, а не пулями, живо напомнили «Автобиографию Аркадия Брехунцова» бессмертного нашего пародиста Александра Архангельского... Любопытно, что в пятитомное собрание сочинений «Главы из автобиографии» не вошли. Наверное, наполненные «истиной» но не искренностью, рассказы враля трудны для научного комментирования.

В 1907 году Казимир Малевич перебрался в Москву. Но брак из-за небрежения Казимира семьёй распался. Вскоре он сошёлся с будущей второй женой Софьей Рафалович. Софья подчинила себя мужу. Любопытные воспоминания о Малевиче оставил муж Натальи (сестры Софьи), художник-реалист Е.А. Кацман: «Запомнилась мне беседа около колодца. Он (Казимир) меня спросил, зачем я тащу ведро воды, ведь у вас для этого есть Наташа (он имел в виду мою жену). Я ответил, что я жалею Наташу и помогаю ей, а разве вы не помогаете Соне? — в свою очередь задал я вопрос. «Нет, я занимаюсь искусством, и вам советую так поступать, если хотите быть художником». И добавил: «Вот я придумал себе болезнь печени, а вы можете выбрать почки, селезёнку, и как только надо воду таскать или что другое тяжёлое делать, предлагаю ссылаться на болезнь. Так я живу с Соней уже несколько лет».

Этот эпизод я взял из вышедшей в ЖЗЛ книги о Малевиче молодой питерской писательницы либерального направления, лауреатки премии «Национальный бестселлер» Ксении Букши. В своей книге она, убеждённая в гениальности Малевича, наделяет Кацмана такой характеристикой:

«Этот юноша, которому суждено было будущее соцреалиста, относился к Малевичу крайне отчуждённо и прохладно.

«Я не поехал с Бурлюком и Маяковским, я не сделал ни одного красненького, ни одного чёрненького квадрата». Абстракцию Кацман считал «обезображенным искусством» и сильно горевал по поводу того, что художники забыли красоту родной природы и «принялись подражать Европе».

Ах какой плохой Кацман! Не стал восторгаться квадратами, не стал раболепствовать перед мамоной... Далее Букша обвиняет Кацмана в несправедливости, аргументируя тем, что Малевич был весьма физически силён, и не стал бы «экономить энергию за счёт жены»: «Казимир запросто мог грубовато пошутить в этом духе, но он не был такой сволочью, какой его хочет представить Кацман...»

Представьте себе, мог! Прекраснодушные домыслы «лауреатки» не могут опровергнуть свидетельств современника. Малевич был шляхтичем — по его убеждению, «солью земли». А у шляхты в крови историческая обида на русских и тяга к мести. И такое поведение для него вполне естественно. Приглашённый в голодном 1919-м подкормиться в Витебск и поработать в созданной Шагалом художественной школе, Малевич выжил его из этой школы! И Шагалу пришлось покинуть родное местечко.

Ещё один выразительный штришок к портрету «гения» из книги Букши:

«Все Рафаловичи обожали Льва Толстого... В начале 1930-х он (Малевич) однажды оделся в толстовку и, стоя на траве босиком, попросил кого-то из Рафаловичей сфотографировать себя в таком стилизованном виде; при этом скорчил очень выразительную мерзкую рожу, при помощи которой изобразил худшие черты Льва Николаевича и толстовства в целом».

Интересно, какие черты Льва Толстого могла изобразить мерзкая рожа «Казика»?

Малевич был большим подражателем, но у него не было своей темы, не сложилось и своего живописного стиля. В годы предреволюционного авангардно-футуристического бурления он бросался подражать каждому новому писку моды. Всеми силами старался привлечь к себе внимание. Возглашал свержение старого искусства. Эпатировал публику. Вплоть до того, что в компании с ещё одним ловцом скандальной славы слонялся по Кузнецкому мосту со вставленными в петлицы пиджака деревянными ложками. Однако не приносившее твёрдого дохода свержение буржуазного искусства приходилось отложить, дабы с Маяковским подзаработать на ура-патриотических лубках. Вроде такого: «Шёл австриец в Радзивилы, да попал на бабы вилы», а над текстом картинка Малевича, изображающая

весёлую румяную и дородную бабу в красном сарафане, поднимающую на вилы щупленького и серенького, как мышонок, австрияка.

Казимиром владела «одна, но пламенная страсть» — желание прославиться. Наконец, это удалось сделать на последней футуристической и первой супрематической выставке «0,10» в конце 1915 года, где его свежие супрематические чертёжно-малярные изделия были названы новым направлением живописи. И самым заметным оказался «Чёрный квадрат». Это стало его главным жизненным свершением. Вот как пишет о выставке «0,10» К. Букша:

«Брошурой Малевич не ограничился. Спеша, чтобы о его открытии узнали как можно скорее, ещё до «0,10» он выставил три свои работы на выставке народных промыслов. Кроме того, в октябре 1915 года Малевич пригласил к себе в мастерскую Александру Экстер. Она побродила по мастерской и отозвалась неопределённо: мол, нашла для себя много новых мыслей. Наивный Малевич обрадовался: главная проповедница кубизма полюбила его супрематизм! Однако он радовался рано. Кубисткам супрематизм не понравился. Он показался им чересчур шокирующе простым, декоративным, дилетантским. Первая реакция была — отвержение. Экстер вообще отказалась от участия в выставке. Удальцова и Попова отказываться не хотели, но им было стыдно висеть рядом с работами, которые «и ребёнок может нарисовать». Узнав, что Малевич «выходит из футуризма», участники выставки возмутились и приказали Малевичу отказаться от слова «супрематизм» не только в названии выставки, но и в списке работ в каталоге. То есть они попытались объявить супрематизм частью кубизма и коллективным открытием. Малевич на такое пойти не мог. Для вида он согласился с этими требованиями, но всё-таки не сдался. «Надели узду, но не знаю, удастся ли им меня зануздать».

«Градус соперничества был высочайший: кто нашёл приёму новее? кто автор?.. Если Малевич не смог утаить супрематизма и теперь стремился как можно шире растрюбить о нём, то Татлин, наоборот, не показывал своих работ до самой выставки и устанавливал их, когда по лестнице уже поднимались первые посетители. Татлин вообще отличался подозрительностью. У него была на то веская причина. Однажды в Париже он притворился слепым бандуристом и втёрся в мастерскую Пикассо натурщиком. Когда мэтр куда-то на минутку вышел, Татлин увидел подвешенные на нитках части скрипки и бросился их зарисовывать. Потом из этого вышли все его контррельефы».

Вспомним Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво». А тут одна суета, дразги, мышинная возня, стремление попасть в струю, сражения за приоритет. Но чего удивляться? Служат-то они мамоне, а не музам!

Малевич не был, как это пытаются представить стряпчие, бескорыстным фанатиком какой-то идеи, гонимым коммунистическими властями. Он ловко встроился в революционную действительность. После февральской революции в августе 1917-го стал председателем Художественной секции Московского совета солдатских депутатов, а в ноябре московский Военно-революционный комитет назначил его комиссаром по охране памятников старины и членом Комиссии по охране художественных ценностей. Нашли кому доверять! Человеку, писавшему: *«Скорее можно сожалеть о сорвавшейся гайке, нежели о разрушившемся Василии Блаженном»*. Манифестирующему: *«Да здравствует ниспровержение старого мира искусств! Да здравствует новый мир вещей! Да здравствуют наши красные вожди современной жизни и красное творчество искусств нового!.. Создать экономический совет (пятого измерения) для ликвидации всех искусств старого Мира!»*

В те чудесные времена недоучки вроде Малевича вмиг становились профессорами живописи. Отсутствие образования прощалось тем, кто громко трещал революционными фразами, ниспровергал «буржуазное искусство». Под Малевича создали целый ГИНХУК — Государственный институт художественной культуры. Где он, будучи директором, занимался воспитанием учеников, развитием своих теорий беспредметности и попытками внедрения их в жизнь. Главная цель была заменить живопись псевдоискусством.

Малевичеды объясняют лёгкость карьерного продвижения Казимира наличием в большевистском руководстве его друга по 1905 году К. И. Шутко. Но Шутко недостаточно для объяснения взлёта ещё до прихода большевиков к власти, а также восторженной встречи Малевича в Польше и Германии во время его заграникомандировки 1927 года. Если учесть характер деклараций Казимира, то логично предположить его связь с масонами. Масонов тогда было немало. Временное правительство было сплошь масонским. Имелись они и среди большевиков. Масоном был первый нарком просвещения в 1917—1929 годах А. В. Луначарский, проводивший разрушительные реформы в образовании и продвигавший проект перевода русской письменности на латиницу. Состоял ли Малевич в ложе, не столь важно. В этом отношении любо-

пытно место о взаимоотношениях Казимира и Гершензона из книги Букши:

«Михаил Осипович Гершензон был тем, кто разбудил в Малевиче мыслителя. В отличие от «бескнижника» Малевича, Гершензон был человеком глубоко и широко образованным: писатель, литературовед, публицист, философ, переводчик. К супрематизму Гершензон отнёсся восторженно. По воспоминаниям Андрея Белого, «однажды М.О., поставив меня перед двумя квадратами супрематиста Малевича (чёрным и красным), заклокотал и серьёзнейше выпалил голосом лекционным, суровым: «История живописи и все эти Врубели перед такими квадратами — нуль!» Он стоял перед квадратами, точно молясь им; и я стоял: ну да — два квадрата; он мне объяснял тогда: глядя на эти квадраты (чёрный и красный), переживает он падение старого мира: «Вы посмотрите-ка: рушится всё». И Малевич откликнулся на интерес Гершензона преданной, почтительной дружбой. Отношение его к Михаилу Осиповичу было, как у дикаря к культурному».

Кстати, тогда же, временно вернувшись из Европы, развил бурную деятельность в России, и тоже, вероятно, не без участия масонов, второй кит русского авангарда Василий Кандинский. Впечатляет перечисление его занятий и постов: участвовал в организации охраны памятников, создании Музея живописной культуры и Российской академии художественных наук, преподавал во ВХУТЕМАСе. В 1918—1919 гг. был членом художественной коллегии Отдела ИЗО Наркомпроса, в 1919—1921 гг. — председателем Всероссийской закупочной комиссии, учёным консультантом и заведующим репродукционной мастерской. В качестве приглашённого профессора читал в Московском университете курс «Современное искусство», был избран вице-президентом РАХН.

«Демократ» Малевич мечтал создать диктатуру, которая бы насаждала его псевдоискусство и искореняла академизм. Под академизмом он разумел реалистическую живопись. Роль «мирового коллектива по делам искусств» в наше время исполняет мировой рынок имени Рокфеллеров—Гуттенхаймов, открывающий музеи «современного искусства» по всему свету. Но приведу ещё одно откровение на волне революционной демагогии «демократа» из статьи «О партии в искусстве»: *«Я хочу утвердить именно партийность в искусстве и доказать, что вне партийности быть — значит, не существовать. Существующий партиен. На самом деле, еще раз, что такое партия? Разве два человека, Маркс и Энгельс, под-*

писавшие свой манифест, не были партией, разве каждый в отдельности из них не был партией...»

Казимир умер в Ленинграде от рака простаты в 1935 году. После экстравагантных театрализованных похорон в супрематическом стиле с непременным чёрным квадратом и криминованием о Малевиче в СССР быстро забыли. Во второй советской энциклопедии он даже не упомянут. Могила его в подмосковной Немчиновке была заброшена, разрушена и место её забыто. Да и на Западе, хотя там имелось немало вывезенных Малевичем в Германию во время командировки 1927 года «произведений», его особенно не раздували до персональной выставки 1973 года, организованной музеем Соломона Гуггенхайма. В Россию «гения» начали вдвигать с началом горбачёвской катастрофы. Первая персональная выставка состоялась в 1988 году в Русском Музее... Наши адепты Казимира любят взахлёб возглашать о его мировом признании. Но мне как-то попалась в руки современная книга об истории живописи на английском языке, в которой имя Малевича даже не упоминалось.

Теоретик?

Начнём с образчика восторгов от ведущего нашего малевичеда Александры Шатских: «Импрессионизм Малевича — результат сознательной апроприации и синтеза характернейших черт творческих почерков *других* мастеров, он говорит не о сломленности беспредметника, вернувшегося к фигуративной миметической живописи, а о новом генеративном открытии, предвосхитившем развитие мирового искусства, — понимании автономности и креативных потенциалов языка как такового».

Однако, из обширного «теоретического» наследия «гения» стряпчим не удалось выбрать ни одной сколь-нибудь разумной фразы. А вот шизоидной галиматши извлечь можно сколько угодно. Приведу для примера несколько его «афоризмов»:

«Цель музыки — молчание». «Квадрат — зародыш всех возможностей». «Ставьте на месте святом новую святыню — машину». «Когда встанут люди в равенстве своем, то форма их будет прямоугольная, квадратная». «Если Земля завтра не приходит в свое место, то и не приходит ни в какое другое место».

А вот любопытная запись 1920 года: «*Механика должна прийти до Супрематизма построения тяготения, и толчком должно быть основание новой современной машины движения из целолитых плит объемов. Тело их построено должно быть*

из слитков сил в одном теле плитообъемов без кривых и круглых линий».

Всё «теоретизирование» Малевича замешано на мысли такого рода: мол существует вневременное независимое от людей понятие чистой живописи, а всё видимое, предметное — есть некие его временные, случайные воплощения. И он, «великий гений Малевич», первым очистил живопись от предметности, нашёл основной элемент живописи — квадрат. Правда, с тем, какой из квадратов — чёрный на белом или белый на белом считать первичным элементом живописи, так и осталось неясно. То есть его «художественные» достижения — не что иное, как произвольные и примитивные иллюстрации голой теоретической схемы. Он не *«поднял живопись на новый недостижимый прежде уровень»*, как о том верещат стряпчие, а способствовал возведению в ранг живописи рыночной лабуды. Живопись продолжает существовать, но стряпчие стараются её не замечать. Характерны метания придавленного ложной идеей ученика Малевича Николая Суетина:

«Красота как понятие всегда остаётся, меняется лишь форма её. Нет её вечной, и всегда она нова и молода». «Супрематизм — отвлечённость. Он есть небывалое и колоссальное в мысли, но вышедшее из эпохи. В нём нет земли и хочется человеческого»; «...я хочу мощи человеческой у живописца. Хочу ощутить импульс своего человеческого мяса. Хочу быть на земле и с мощью ея».

Как красота может «всегда оставаться» и в то же время не быть «вечной»? Это возможно, лишь если значение слова «красота» не определено. То есть всё философствование сводится к игре слов, казуистике. Малевич понимал это и провозглашал освобождение «нового искусства» от всякого рационального смысла. И, конечно же, хотел, чтобы в учениках возобладала не сквозящая у Суетина искренность, а выгодная учителю выморочная, казуистическая «истина».

Основное содержание «теоретических» трудов Малевича так же предельно просто: *«Итак, чего мы хотим? Мы хотим ниспровержения старого Мира Искусств и утверждения нового. Ни Иверская Мадонна, ни Сикстинская никогда не даст нового сознания, ни Рембрандт, ни Рубенс не даст ничего, кроме обнаженного мяса, призрака похоти, окутанного живописным Искусством».*

И этот гнусный поклёп на классическое искусство неустанно, сотни раз повторялся им на разные лады. Чего здесь больше — подлости или наглости?.. Наглости шляхтичу было не занимать:

«Так, например, глыбе мрамора не присуща человеческая форма. Микельанджело, изваяв Давида, сделал насилие над мрамором, изуродовал кусок прекрасного камня. Мрамора не стало — стал Давид. И глубоко он ошибался, если говорил, что вывел Давида из мрамора. Испорченный мрамор был осквернен сначала мыслью Микельанджело о Давиде, которую он втиснул в камень, а потом освободил, как занозу из постороннего тела. Из мрамора надо выводить те формы, которые бы вытекали из его собственного тела, и высеченный куб или другая форма ценнее всякого Давида».

Что тут скажешь?.. Впрочем, если вспомнить, что Казимир просил передать директору Третьяковки М.П. Кристи, что лучшее произведение в его галерее — это «Чёрный квадрат», то с определённой вырисовывается мания величия.

И это, по свидетельству самого Казимира, не единственная его душевная болезнь, был еще и бред преследования: *«Мои все представления стали твердыми телами, которые могу рубить, пилить, от которых могу умирать, быть разбитым, искалеченным, могу быть преследован, эти тела могут принимать разные образы, по-разному строиться против меня; я, наконец, схожу с ума, начинаю терять понятие о действительности, о том плане построенных мною некогда форм моих представлений; этот план был моей логической действительностью, но постоянное удержание этого плана иногда обессиливает меня, отдельного индивида, а иногда и всё общество начинает заряжаться моим поведением, и его психическое равновесие теряется или организуется»* («Биографический очерк». 5 том Собрания сочинений, с. 351).

А вот свидетельство одного из организаторов русского футуризма, поэта и критика С.П. Боброва: «Малевич нам показывал свой квадрат, мы делали вид, что нам очень интересно. Он почувствовал это, сказал: «С ним было очень трудно: он хотел меня подчинить» — «Как?» — «А вот так, чтобы меня совсем не было». — «И что же?» — «Я его одолел. Видите: вот тут его сторона чуть-чуть скошена. Это я нарочно сделал — и он подчинился». Тут мы поняли, какой он больной человек». (Цит. по: М. Гаспаров. Записи и выписки. М., 2002).

Заглянем ещё в его «Декларации прав человека»: *«Уничтожение всех границ государства, уничтожение национальности, уничтожение отечества ведут к совершенству»... «Уничтожение государства, национальностей, отечества, смешение рас, образование всеобщего языка».*

Оказывается, уже тогда существовала и продвигалась программа, свидетелями которой под флагом глобализма мы являемся сегодня.

Не пора ли определяться?

Модельным образцом для рыночной толочи был Пабло Пикассо. Толоча его неслыханно прославила и обогатила. В сети можно найти несколько близких по смыслу оценок своего места в искусстве, данных Пикассо. Вот одна из них:

«...Многие становятся художниками по причинам, имеющим мало общего с искусством. Богачи требуют нового, оригинального, скандального. И я, начиная от кубизма, развлекал этих господ несуразностями, и чем меньше их понимали, тем больше было у меня славы и денег. Сейчас я известен и очень богат, но когда остаюсь наедине с собой, у меня не хватает смелости увидеть в себе художника в великом значении слова; я всего лишь развлекатель публики, понявший время. Это горько и больно, но это истина...»

Способный, но продавший душу золотому тельцу художник-график, он стал как бы мостом, соединяющим живопись и рыночную лабуду. «Гением», созданным рукою монополизированного рынка. Вот как Пикассо определял художника: *«Художник — это человек, который рисует то, что можно продать. Хороший художник продает то, что рисует»*. Согласно этому чисто рыночному определению поздний Рембрандт, Ван Гог да и Сезанн с Гогеном не то, что хороши-ми, а и художниками-то при жизни не были!

Атмосферу становления рыночной толочи неплохо охарактеризовал французский критик Л. Польдес: «Антигармоничный, психованный композитор пишущих машинок и трешоток Эрик Сати ради своего удовольствия вымазал грязью репутацию «Русского Балета», устроив скандал, в то время как талантливые музыканты смиренно ждут, чтобы их сыграли... А геометрический мазила и пачкун Пикассо вылез на передний план сцены, в то время как талантливые художники смиренно ждут, пока их выставят».

Под гипнозом славы и коммерческого успеха Пикассо возник и русский авангард. Если пользоваться терминологией Малевича, то Пикассо привнёс прибавочный элемент кубизма. Татлин привнёс прибавочный элемент футуруконструктивизма, из которого запомнились нелепый проект башни Памятника III Интернационалу и пародия на самолёт. Её называют летатлин, на самом деле это нелетатлин. Но эти штуки ни к живописи, ни к скульптуре явно не относятся. Тем не менее они маячат в Новой Третьяковке. Посредственный художник, подражатель Кандинский со своим прибавочным элементом — цветными кляксообразными пятнами — стал родоначальником абстракционизма.

Если взглянуть в Википедию, то можно увидеть список из доброй сотни «измов» — прибавочных элементов к изобразительному искусству, появившихся на рыночной толоче. Тут вам и стакизм, и интенцизм, и дефастенизм, и брендализм, и девиантное искусство, и прочая, прочая — словечки, всё более напоминающие наименования психических расстройств. Интересны они лишь вкладчикам денег, спекулянтам и стряпческой службе. В отличие от произведений изобразительного искусства ценность лабуды напрямую связана с рыночком. Если исчезнут сверхбогачи и потребность спасать деньги от инфляции, то лабуда мигом слудется.

Характерной фигурой толочи является уроженец Витебской губернии Марк Ротко (Маркус Янкелевич Роткович). Его отец владел аптекой и колебался между марксизмом и ортодоксальным иудаизмом. Маркус в возрасте десяти лет оказался в США. Стряпчими Марк Ротко подаётся как ведущий представитель «абстрактного экспрессионизма», один из создателей «живописи цветового поля». Прославился большими полотнами с нанесёнными на них размытыми полосами. По стоимости на рыночке он превосходит Малевича. Но несмотря на достигнутый при жизни коммерческий успех, покончил самоубийством, вскрыв вены на 66-м году. Претендует на роль великого художника. К 100-летию со дня его рождения была организована его персональная выставка в Эрмитаже. Однако, провозглашать его величайшим по «исторической значимости» художником российского происхождения, по-видимому, ещё рановато. Недостаточно баранов выращено стряпчими в России.

Вот что писал об агрессивности толочи и об авангардизме мой великий земляк композитор Г.В. Свиридов: «Мне лично казалось, что «новое» искусство (главным образом XX века) — есть продолжение старого, его следующая ступень... Но теперь ясно видно: это искусство обладает глубокими чертами «несовместимости». Оно призвано не продолжать ряд классического искусства, а заменить его собою, уничтожить его. Да, такова — идея, такова платформа этого нового искусства. Всем своим строем, всем смыслом оно активно направлено против основной идеи, основного пафоса классического Русского искусства и предназначено сменить его. И не то чтобы эта смена произошла естественно, как бы по желанию публики, слушателей, народа, назовите как угодно. Совсем даже наоборот: сами эти вкусы народа, вкусы публики будут объявлены отсталыми, косными, национально-ограниченными, вредными

или, согласно появившемуся теперь термину, «мещански-ми» и, следовательно, подлежащими упразднению, что ли, осмеянию и сдаче в архив».

Итак, мировой рыночек, рыночная толоча старается подменить художественные ценности рыночной лабудой. Пытается вместо наших природных талантов навязать нам в качестве великих художников рукотворных идиолов — производителей прибавочного элемента вроде Малевича и Ротковича. Чтобы оболванить народ, достаточно подменить ему ориентиры! Потому и стараются сделать мерилом художественной ценности суммы, выкладываемые за «шедевры» дядями, не знающими, во что бы вложить, спасая от инфляции нажитые непосильным трудом миллионы. И надо сказать, действуют целенаправленно и упорно. Так же, как с продвижением нетрадиционных лгбт-«ценностей». И там, и здесь много им удалось достичь.

Так Комитет культуры города Курска, несмотря на протесты общественности, протолкал наименование выставочного зала для живописи именем Малевича. Будто в Курске нет для этого достойных имён. Будто не увековечили на холсте красоту курского края и земляков такие современные самобытные таланты, как Народные художники России В.И. Ерофеев и Л.И. Руднев. Более того, этот Комитет даже не поздравил с юбилеем продолжающего плодотворно работать прекрасного пейзажиста Леонида Руднева, единственного ныне живущего в Курске Народного художника России, которому летом исполнилось 85 лет. Зато на странице ВКонтакте Комитета сотрудники его не устают поздравлять друг дружку с каждым днём рождения! Им не до Руднева, они поглощены продвижением получившего грантовую поддержку проекта перевода русской классической литературы на язык комиксов. Для председателя этого комитета И.А. Мазаевой авторитетами в области живописи являются заинтересованные в шумихе вокруг имени Малевича курский галерист О.Радин и курская модельер В.Геппа. Об уровне компетентности И.А. Мазаевой и возглавляемого ею комитета можно судить по такой фразе из её официального ответа мне: «Необходимо помнить, что течение супрематизма, созданное Малевичем, лежит в основе всего современного дизайна и архитектуры». Но даже в любящей Малевича Википедии в статьях о современной архитектуре и дизайне ни супрематизм, ни имя Малевича не упоминаются!.. Что уж говорить, про упражняющегося в абстракционизме торговца живописью Олега Радина, громогласно заявляющего: «На основе его

супрематизма держатся и дизайн, и архитектура, и те космические корабли, которые летают! Это же всё от Казимира Малевича!»

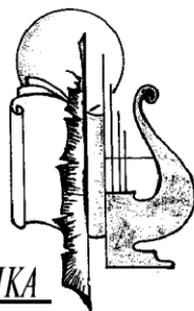
Сейчас Россия пытается выйти из-под диктата «мирового рынка», возглавляемого США. Чтобы это удалось и страна стала действительно независимой, необходимо избавиться и от диктата рыночной толочи — арт-рыночка. Надеюсь, это постепенно произойдёт. И в залы наших лучших музеев в полной мере вернётся живопись советского периода и лучшая современная живопись, а рыночная лабуда займёт подобающее ей место. Государство же перестанет полагаться на рыночек и обратится к испытанным мерам поддержки художников и писателей, объединённых в доставшиеся нам с советских времён профессиональные союзы.

ЧИТАЯ СУДЬБЫ И СТИХИ

Анатолий Аврутин и Арсений Тарковский

Сразу замечу, что отнюдь не случайно выбрала для сравнительного анализа именно поэзию *Анатолия Аврутина* и его более старшего коллеги по цеху *Арсения Тарковского*. В последние десятилетия стал особенно заметен стремительный процесс обмельчания нравов, ум уступает самолюбиванию, рекламной шелупони, чему угодно, только не размышлению — глубокому, человеческому, раз уж родился человек человеком, а не «обезьяной», постоянно гребущей под себя «добро». Мера умственного отставания, обусловленная отличными от прежних условиями выживания людей в России, превзошла все ожидания. За единицу принимается не человек, а робот как наивысший в мире уровень обслуживания, поэтому углубленность в самопознание перестала быть характерной для современного человека.

Для меня, наблюдающей как бы извне за ходом не только литературного процесса, но и поведением людей, их сосредоточенностью на определенных аспектах миропонимания, интересно явление мудрого созерцания природы и жизни, ее изменений, запечатленных в поэтических реминисценциях *Анатолия*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Аврutiна. А к поэзии *Арсения Тарковского* я обратилась ещё в далёком в 1993 году, когда на книжном рынке в Нижнем Новгороде купила его книгу в серии «Библиотека русской классической литературы». Среди многообразия имён и жанров я давно искала наиболее близкого мне по духу поэта могучего духа, закаленного в советскую эпоху. И неожиданно для себя нашла... на сайте журнала Дианы Кан. Это был Анатолий Аврутин. Прочитав одну его публикацию, я ощутила потребность как можно скорее прочесть другие стихи поэта, лучше понять его творческие замыслы.

В современной поэзии сильнее всего отталкивает пустословье великого множества авторов, у которых нет ни чувств, ни ощущений мира, — только убийственная чушь, выработанная оглуляющей народ рекламой вся и всего. Очень неудобно наблюдать, как разлагает свой, веками накопленный, интеллект народ, дряхлея разумом от растущего потребления. Люди не видят жизни, земли, не замечают изменений природы, они только «пашут» и гуляют, копят свои кровные средства на жизнь, и сразу же их вворачивает воронка утильных ценностей. Увы, никто и никогда не станет рекламировать человечность, мирное восприятие жизни, духовной любви, стремление помочь ближнему. Рекламируют с целью сбыть, предавая на каждом шагу ради стремления обогатиться, не принимая во внимание высшие ценности — умножение знаний о мире и добре, любовь к родной литературе и русскому языку, к родной земле, Родине, к матери, отцу, их родителям как носителям родной подлинной культуры. Плясать под дудку коммерции мерзко, особенно если близкий человек нуждается в тепле и доброте. Поэзия промывает сознание, является спасительным священным родником на пути человека, нужно только его заметить и сохранить.

Поэзии, как и матери, мы должны любовь. Воспитать в современном мире любовь к поэзии — не только важнейшая, но и архитрудная задача.

Два поэта — две судьбы, неразрывно связанные с родной страной, с болью за настоящее и будущее. В поэзии Анатолия Аврутина Родина светит горячим огнем любви, плачет и остается в сердце лирического героя вечным пламенем верности Отечеству, «стране, что... вскормила». Читая стихи Анатолия Аврутина понимаешь его отношение к Родине через святость, через образ его матери, сокровенность любви и благодарности поэта к материнскому праву и долгу подсказать на пути, уберечь и спасти.

Аврутин пишет о самоотверженности сына Родины в стихотворении «Сумасшедшее время... Страна ещё спит...»:

«...Просто молча шагнёшь в эту смертную тьму...» (самоотверженно молча, просто), когда страна в беде:

*...Если чёрное солнце стоит за плечом
И земная шатается ось...*

Такая, близко к сердцу лежащая боль, сродни думам и боли за страну Арсения Тарковского в поэме «Чистопольская тетрадь»:

*Льнут к Господнему порогу
Белоснежные крыле,
Чуть воздушную тревогу
Объявляют на земле,
И когда душа стенает
И дрожит людская плоть,
В смертный город посылает
Соглядатая Господь...*

Поэт — соглядатай Господа, он видит всё сверху, с высоты птичьего полета и еще выше. Масштаб трагедии войны необъятен, и сердце поэта всегда рядом со своей Родиной.

Два поэта пишут о человеческих чувствах и страданиях:

*...А когда на меркнувшей заре
В подреберье боль ударит снова,
Зашипит слезиночка в золе,
Принесет не молвленное слово.*

А. Аврутин

Молчаливое страдание сродни страданию высокому, о чём не расскажешь ни близкому, ни далекому, просто прохожему в поисках сочувствия. Высокие страдания не требуют сочувствия, их носитель не рассчитывает даже на понимание себя, он несёт своё святое слово как тайну Вселенной. Тайная боль и согласие с ней в поэзии исходят, я думаю, из молчаливого подвига мамы Анатолия Юрьевича Аврутина. В документальном фильме «Единица горения», снятом Белтелерадиокомпанией к юбилею Анатолия Аврутина, поэт рассказывает о том, что у его родителей первый ребенок умер в младенчестве, и поэтому его растили в атмосфере трепетной любви и бережного отношения, не отправили в детсад, он всегда был под постоянным присмотром мамы. И вот так материнская боль,

то «не молвленное слово», мужественно вынашиваемое, как оберег, от потрясений при соприкосновении с материальным миром, этот купол материнской охраны прослеживается и в поэзии Анатолия Аврутина, и в характере отношений лирического героя его стихов с миром. Благословение матери — важнейший знак — знак любви и приверженности поэта слову.

В дневниках Арсения Тарковского я прочла о благоволении по отношению к поэту в нежном возрасте со стороны его отца. Арсений Александрович слышал от своего папы, держащего на руках будущего поэта (и отца гениального режиссера): «Это кто здесь, Арсюша? А я думал, зайчик маленький». Вот из такого трепета и любви рождается святость, с ней рождается и высокое слово.

Молчание как смирение и принятие мира мы часто видим в стихах Арсения Тарковского. В первом стихотворении «Японских сказок» «Бедный рыбак» лирический герой, потерпевший бедствие (у него в море унесло сети, и он обречен на голод), уходит «за утренней звездой», и опять — мужественное молчание:

*...И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.
Мимо всей вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.*

Смирение и в молчании, и в добровольном уходе, в понимании неизбежности горя здесь, в его морском селеении, чисто русский выход лирического героя из ситуации — уйти от беды в поисках благословения, блага себе... И этот уход — не бегство, не от страха он совершается и не от стремления найти большее счастье, нет, — уход из пространства, не признавшего его главной точкой бытия, не давшего ему счастья, делается в молчании, как ритуал. Поэт сердцем поёт о том, что ему «пусто и светло». Он не ропщет, не ругает море, рыбак согласен терпеть бедствие, принесенное морем ему. В молчании — мудрость и терпение.

И здесь я снова обращаюсь к стихам Анатолия Аврутина, в который раз поражаясь сходности мотивов его поэзии с

общерусским понятием дороги в поэзии в целом и в стихах Арсения Тарковского.

Невозможно не услышать эту ноту пустоты как отрешенности от мира в стихотворении «Он куда-то спешил, от натуги почти что немея...»:

*...Посреди пустоты... Посреди векового начала,
Где ничтожное небо почти что касалось плеча,
Кто-то охнул вдали... И опять всё вокруг замолчало,
И умолкли столетья, печали свои волоча...*

Подобно рыбаку Тарковского, лирический герой Анатолия Аврутина «посреди пустоты». Мир пустынен оттого, что не видно помощи, он «...подставлял леденящим порывам лицо...» — это олицетворение трудности жизненного пути. И неожиданная, заставляющая вздрогнуть, мудрая концовка:

*...Просто шел человек... А потом и следа не осталось.
И неровную стезю совсем до утра замело...*

Трудно при этом отделаться от мысли, что бесследно исчезает тот, кто не доказал свою принадлежность к высоте полета и правоте порывов именно там, где пространство его не приняло. Именно там, где лирический герой не принят, надо пытаться сделать шаги в сторону осмысления ситуации.

В то время как поэту в силу своего божественного предназначения необходимо оставить свой след в истории поэзии, лирический герой Анатолия Аврутина исчезает бесследно: это участь путника во вселенной — слиться со звездами. Смысл пути — в самом пути, в движении без остановок, в саморазвитии и постижении нового. Это двигатель человека — саморазвитие, вектор его жизни.

Тема пути присутствует во многих стихах обоих поэтов. У Аврутина:

*Он куда-то спешил, от натуги почти что немея,
Воспаленному взору казалось, что мир многолик.
И ломило плечо... И гудела затекшая шея...
И неровная стезька зачем-то вела напрямик.
Посреди пустоты... Посреди векового начала,
Где ничтожное небо почти что касалось плеча,
Кто-то охнул вдали... И опять всё вокруг замолчало,
И умолкли столетья, печали свои волоча.
Он неровно шагал, вечный сын одинокой метели...
И напрасные вёрсты слагались в обманчивый круг.*

*И, касаясь лица, ключья ветра негромко свистели,
Чтоб потом обратиться в могучие повислые выюг.
Что он нёс в этот мрак, одолев и себя, и усталость,
Для чего подставлял ледяющим порывам чело?..
Просто шел человек... А потом и следа не осталось,
И неровную стежку совсем до утра замело...*

Боль одиночества, ледяное безмолвие пустоты и всё же путь, не остановка, путь в никуда, но движение. Страшное безмолвие одиночества. Нет даже надежды на то, что его следы найдут, — шаги вперед по вектору движения, без спутников. Воссоздание реальности в поэтическом слове.

У Арсения Тарковского: строка «Я надену кольцо из железа...» — о готовности лирического героя к испытаниям пути и судьбы, о собственной потерянности в России как месте, воспитывающем силу в человеке.

Не менее трогательно стихотворение Арсения Тарковского «Предупреждение», где поэт проявляет тревогу о человечестве, обращаясь к первоначалу и предупреждая о будущих катаклизмах.

Совпадение во взгляде на прошлое и будущее в ключе повторения и предостережения присутствует и в стихах Анатолия Аврутина «Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы...» Повторение истории, как зеркало, как «земля прозрачнее стекла» Арсения Тарковского, сквозь эту землю видно «кого убили, и кто убил» — это переплетение тем истории народов, предупреждение о возможных войнах. Читаем у Анатолия Аврутина: «...*И это не скифы, а гунны, Зловещие гунны в тяжелых доспехах идут*».

В «тяжелых доспехах», таких же тяжелых, как дальнейший ход истории, как миссия гуннов на земле, — убивать. Предсказание и предвидение — миссия поэта на земле.

Величие пути и величие любви — это опять же сходные мотивы у обоих поэтов. У Арсения Тарковского «Первые свидания», где сквозь головокружение любви — любовь и всеобъемлющее чувство вселенной:

*А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — Боже правый, ты была моя! —*

поэт возводит свою любимую на трон, в ее руках — мир, планета, жизнь, судьба.

И в упоении любовью, на фоне высокого полета чувств проступает лик смерти в образе сумасшедшего с остриём в руке, эта неотвратимость беды, когда, казалось бы, всё в руках двух ловцов судьбы: «...И птицам с нами было по дороге...» И все же концовка говорит об опасности, так как мир в руках влюбленных, и сами влюбленные в руках вселенной, но мир в руках судьбы, и волей-неволей человек повинуется своей судьбе, чтобы остаться жить на земле: «...*Когда судьба по следу шла за нами, Как сумасшедший с бритвою в руке*».

Здесь риск потерять жизнь, олицетворенный лезвием в руках сумасшедшего — самой судьбы, ее непредсказуемости, — и это после радости лирического героя и его упоения возлюбленной:

*...Ты была
смелей и легче птичьего пера.
По лестнице, как головокруженье,
Вела...» —*

это путь счастья в любви, путь к высоте мироощущения. У Анатолия Аврутина — то самое лезвие — судьба, приговор предательством: «*Любовь узнаешь — предаст любимый*».

В этом же стихотворении раскрывается тот секрет, который делает влюблённых любящими:

*Придет страданье —
постигнешь душу.
Постигнешь душу —
навек прозреешь.
Навек прозреешь —
любовь узнаешь...*

А ведь в прозрении смысл, и стихотворение это визуально построено как ступени, в этом построении тоже скрытый замысел поэта — стихотворение подобно пламени заклинания судьбы.

И другое стихотворение Анатолия Аврутина «Полусвет... Моя тень на стене...», выражающее упоение любовью и в ходе сюжета — соглядатай — мать с ее вечной боязнью за детей, и эта боязнь как предсказание и предопределение, в котором христианское самопожертвование (любить можно только Бога), — разделение возлюбленных из единого в два отдельных пространства. Как следствие разделения возникает тема пустоты, которая, в свою очередь, — как открытие вечности: «...Я среб с крыльца пушистый снег без признаков следов...»

*Откуда этот гул возник,
сменив живое слово,
И что за мрачный человек бредет сквозь этот гул?
Слицом безликим, словно лик безликого святого, —
Ни Петр, ни Авель, ни Фома,
ни Ной, ни Вельзевул?..
У человека на плечах дырявая котомка..
Котомка, что ни говори, отлична от сумы.
Еще он предок — для меня,
прапредок — для потомков,
Но сам он — тьма,
бредет — во тьму,
и вышел он — из тьмы...
Он загляделся в черный пруд,
как в зеркало кривое,
И что-то в воду уронил, и охнула вода...
С тех пор уже четвертый день
ночами в трубах воеет,
И кто-то топал на крыльце,
не вытоптав следа...
Я слышал гул... Я слышал стон...
Я слышал этот топот...
Я сгреб с крыльца пушистый снег без признаков следов.
И этот рокот грозовой
сошел на полусшепот,
И этот странный человек
мелькнул и был таков...
Не кончен век... Не пробил час...
Не кончено сказанье...
За что, измучась, не схватись, всё будет, нет, не то...
Но кто-то, странный и немой,
мелькнул над мирозданьем
Слицом безликим, словно лик...
А я не понял, кто...*

Когда «...Не кончено сказанье...», что-то должно наступить, а если нет ожидаемого события или человека, то наступает фатальная пустота, дающая ноту молчания, зарождения раздумий и мудрости. Раздумия выводят на тему разочарования в любви. У Анатолия Аврутина:

*Привык рубить сплеча
Да без помарок.
Я думал — ты свеча,
А ты — огарок.*

*Всё вышло, как всегда,
Как повторенье.
Я думал — ты звезда,
А ты — затмение.
Бреду по мостовой
В день суховейный.
Я думал, что я твой,
А я — ничейный.
Во сне иль наяву,
Средь лжи и шума,
Я думал, что живу...
Напрасно думал.*

Дар и свет Божий сквозят в этих стихах.

Тема разочарования необычайно раскрыта у Арсения Тарковского в стихотворении «Невысокие, сырые // Были комнаты в дому...», где среди описания бытовых не порядков и вынужденного положения бедности взгляд поэта приходит к возлюбленной. О том, что это именно возлюбленная, говорят строки поэта «...Не забудешь? Не изменишь?» — эти сомнения говорят о беспокойстве за чувства лирической героини, а не о безразличии к ней. И финал — «...Вот и всё, чем смерть жива». Смерть — противодействие жизни, окончание отношений и любви, она жива смертью любви в душе человека.

Потрясающее стихотворение Аврутина «Клокотал, задыхался, сердился базар многоликий...», в нём тема добра, святости. Старушка, пожалевшая поэта в сюжете стихотворения, олицетворяет вселенскую доброту: «*И перстом поманив, мне зачем-то стакан ежевики Пересыпала бабка в залатанный старый карман*».

Пожилая женщина, лирическая героиня стихотворения Анатолия Аврутина, беззлобно, а скорее с горечью рисует картину реальности, бессовестные обманы и безбоязненность обманщиков-грешников:

*Все грешат и грешат... Ни судьбы, ни Христа не боятся...
И того не успеют, что надобно в жизни успеть...*

*Я пытался спросить — что же так обязательно надо
В этой жизни свершить?.. Но старуха, лицом поскучивев,
Побрела к остановке... За ворот струилась прохлада
Да лениво редели неспешные кроны дерев...*

В этом сюжетном стихотворении, в вопросе лирического героя, оставшемся безответным, сквозит безмерная грусть по

человечности... По прочтении невольно обращаешься к совести и в который раз рассматриваешь свою жизнь с позиции праведности. Для этого и существует поэзия раздумий, поэтическая мудрость, чтобы обратить читателя к себе самому и своему внутреннему миру. Эта мудрость дана поэту долгими раздумьями о судьбах Родины, о человеке, утратившем главное в жизни, — совестливость как свидетельство Христа в душе.

В поэзии Арсения Тарковского совесть — главный вектор движения души поэта. В стихотворении «Под прямым углом» Тарковский ясно выражает свою позицию: «*Друг друга потеряли в давке И порознь вышли с двух сторон...*»

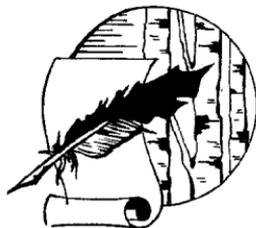
Сущность дружбы и взаимопонимания между людьми — не с двух сторон, а с одной стороны рассматривать жизнь и не терять друг друга ни в какой давке. Жизнь — не лавочка по продаже инструментов, а дорога к Богу и непременно вместе с совестью:

*Мы отражаем всё и вся
И понимаем с полуслова,
Но только не один другого,
Жизнь, как стекло в руках неся.*

Поэт сравнивает жизнь со стеклом не случайно, подчеркивая хрупкость доверия между людьми — раз обманешь, оступишься, и понесет кривая колея к обрыву, уронит в пропасть тотальной лжи.

Стихи и Арсения Тарковского, и Анатолия Аврутина — это преумноженная пропорция совести по отношению к вдумчивому читателю, надежда на то, что он примет эту поэзию и понесет ее в сердце.

г. Нижний Новгород

*СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ*

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

* * *

Солнца свет. Стекло в узорном инее.
На дворе Крещение Господне.
Деду радость: в полуштофе глиняном
Со вчерашнего осталось на сегодня.

По селу ходить теперь он старый —
Там — мороз, а здесь от печки жар.
В доме с одиночеством на пару
Можно причаститься не спеша.

Солнца свет — как ярко и диковинно!
И в висках уже не так стучит.

...Молится потом перед иконами
На огарок солнечной свечи.

* * *

Господи Боже, Ты куст ли терновый в огне?
Что попросить у Тебя на тревожном багровом закате?
Вижу с постели, как день догорает в окне,
Вижу реки распростертую алую скатерть.

Господи, дай мне опять посидеть за рабочим столом —
С дочкой, как прежде, проверить, что задано на дом.
Господи, дай мне достойно прочесть покаянный псалом!
И ничего мне другого уже и не надо...

г. Москва

Ольга ДОЛГОШАПКО

ПЕРВОМУ ВОЕННОМУ ГОСПИТАЛЮ ДНР

Среди страданий, боли и войны,
Среди безумства зла и канонады
Есть островок любви и тишины,
В котором все друг другу очень рады.

Здесь каждый миг идет борьба за жизнь.
Здесь прямо из приёмного покоя
Тебе шепнут: «Родной ты наш, держись!
Всё будет хорошо, ведь мы — с тобою!»

Всё будет хорошо. Ты верь, солдат,
Осколки извлекут, залечат раны,
Накормят, у постели посидят,
И просто пожалеют вместо мамы.

Надёжными руками снимут боль,
Усталыми глазами улыбнутся.
Всё будет хорошо — ведь мы с тобой,
И наши силы пусть к тебе вольются.

Наш Госпиталь для нас не просто дом,
Где стены и больничные палаты.
Душой и сердцем все мы здесь живём,
Врачуя души раненым ребятам.

Наш Госпиталь, тебе — земной поклон
За то, что ты собрал нас воедино,
За каждый день и каждый миг с тобой!
Пока мы вместе — мы непобедимы!

г. Донецк

Татьяна МАКСИМЕНКО

* * *

Зимой живёшь, как в полусне:
Увидишь снегирей в окне,
Развевя дрёму,
Попросишь шёпотом для них
Тепла и радостей земных,
Покоя — дому.

Зима богата на огни...
Короткие мерцают дни,
С дровами в печке.
И так чудесны вечера:
Открыть шампанское пора,
Затеплить свечки.

Разрезать праздничный пирог —
И тут же гости на порог:
— Ура, мы — с вами!
Шумят и шутят, как всегда.
Мигая, светится звезда
Над головами...

г. Жуковский Московской обл.

Валерия САЛТАНОВА

ОН ПЕРЕЕХАЛ В ОКОП...

Он переехал в окоп от родной жены,
Вмиг променяв уют на кирзу с паршой.
А из окопа звёзды острее видны,
Бог напрямую там говорит с душой.

Нет, удержать не смогла ни одна жена
Рвущегося защищать этот бранный мир.
А из окопа смерть хорошо видна —
Там ей вольготнее, чем в тесноте квартир.

Цели его ясны, остальное — потом:
Дом, и жена, и жизнь (а пока — терпи!..)
Нежась в постели, не забывай о том,
Кто переехал в окоп. Чей уют — в степи.

Не забывай о том, кто собой готов
Бреши людские закрыть и пробоин ад,
Кто искупает грех всех чужих понтов,
Кто каждый миг готов не прийти назад.

Сколь накопилось окрест мирового зла —
Здесь, на земных пространствах, и вне Земли!..
Он переехал в окоп, чтоб любовь жила,
Чтоб мы добро от зла отличать могли.

г. Ростов-на-Дону

Николай ГАВРИЛОВ

НА СУКУ
(Пародия)

*...И кукушка, — ты слышишь? — рыдает: «Ку-ку»!
Словно годы листает.
Вот прикрыла глаза, всё сидит на суку
И — мечтает, мечтает...*

*...Плеснул случайно — о сапог водицы.
Стою и долго щурюсь в синеву.
Я воду пью и не могу напиться,
Всё не могу напиться. И — живу!*

Имярек

Ждет меня во дворе лебеда,
И по небу проходят стада.
А кукушка сидит на суку
И, рыдая, мечтает: «Ку-ку».

Щурюсь я на небес синеву.
Всё воды не напьюсь. И — живу.
Мы куда-то плывём и плывём,
А скворечник глядит в окоём.

Что увижу — под жаркий порыв —
Воспою, «о себе позабыв»,
Размусолю, как в сонном бреду,
Графоманскую белиберду.

г. Москва

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2024 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2024 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-2.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «ПЯТУЮ ГАЗЕТУ»!

На страницах газеты вскрывается подоплёка сегодняшних событий, развенчиваются либеральные мифы, извращающие советскую историю, даётся правдивая информация о происходящем в стране и за рубежом. Приобрести «Пятую Газету» в газетных киосках возможно, но затруднительно.

Подписной индекс в электронном каталоге «Почты России»: ПН295.

Подписаться на газету можно в любом отделении Почты России или на сайте: www.podpiska.pochta.ru

Адрес редакции: 127254, Москва, ул. Руставели, д. 3, корп. 2, ком. 8.

Телефоны редакции: 8 (495) 502-48-71; 8 (916) 928-03-72;
e-mail: gazeta5@sovpress.ru

Вышли в свет две книги Валерия Хатюшина

«Русский свет. Стихи о войне за Россию».

Сборник составили стихи, написанные с 2014 по 2023 год, посвященные событиям на Украине.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 250 руб.

«Третий снег». Стихотворения.

В книгу вошла лирика, написанная после выхода в свет шеститомного Собрания сочинений. Твёрдый переплёт.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 500 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же — сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru